МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «АлтГПУ»)

ПЯТЫЙ ЭТАЖ
№ 12

Материалы Международной научной конференции молодых учёных
«День науки–2026»
г. Барнаул, 24 апреля 2026 года

Барнаул
ФГБОУ ВО «АлтГПУ»
2026

УДК 81(08)+82(08)
ББК 80.9я4+83.3(0)–1я4+81я4
П 998

Пятый этаж : материалы Международной научной конференции молодых учёных «День науки-2026», г. Барнаул, 24 апреля 2026 года. –№ 12. – Барнаул : АлтГПУ, 2026. – 104 с.

Редакционная коллегия:
Сухотерина Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного *(ответственный за выпуск);*
Богумил Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы;
Бруннер Наталья Владимировна, студентка 3 курса института филологии и межкультурной коммуникации АлтГПУ *(технический редактор);*
Воронец Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного.

В сборник включены статьи участников и победителей Международной научной конференции молодых учёных «День науки-2026», организованной Институтом филологии и межкультурной коммуникации АлтГПУ 24 апреля 2026 года. Включенные в сборник статьи отражают результаты научных исследований студентов бакалавриата и магистратуры по актуальным проблемам лингвистики, литературоведения, культурологии.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный педагогический университет»

© Алтайский государственный педагогический университет, 2026

Содержание

Раздел 1. Языкознание

Беспалова О.В. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции китайских специалистов бьюти-индустрии 5
Грачева А.О. Интерактивные рабочие листы с лингвострановедческим содержанием для преподавания РКИ в Шри-Ланке 9
Денисова А.Д., Шекер И. С. Игровые технологии на уроках русского языка в 6 классе 11
Лихвер А.И. Роль заимствований в современном русском языке 15
Логинов Н.Е. Проблема восприятия слов-паразитов в разных возрастных группах: обзор современных подходов 18
Петров М.А. Эволюция и перспективы развития русского языка в условиях глобализации 21
Пономаренко Т.Е. Сленг как зеркало эпохи: сравнительный анализ лексических маркеров поколений за последние полвека 26
Русинова Е.Н. Ситуативное использование речевых тактик при обучении русскому языку как иностранному 29
Мкртчян А.Г. Трехъязычный терминологический словарь бьюти-сферы как дидактический ресурс для обучения китайских специалистов 32
Шишкова В.Е. Идентификация лексических и грамматических форм в берестяной грамоте №7 35

Раздел 2. Литературоведение

Ахметвакиева А. В. Поэтика вегетативности в рассказе А.П. Чехова «У знакомых» 39
Бруннер Н.В. Особенности художественного пространства в пьесе Л. Андреева «Анатэма» 42
Елизарова Д.Р. Образы птиц в романе Ю.О. Домбровского «Хранитель древностей» 45
Зайцева Н.А. Флоропоэтика в лирике А.Н. Апухина 48
Зубова Е.А. Профессор Вагнер А.Р. Беляева как архетип безумного ученого в советской литературе 52
Кобзева К.А. Интеграция медийных форматов в продвижение литературного образования 55
Лазарева А.Ю., Логашева М. А. Локус дома в творчестве Хаски (Дмитрия Кузнецова) 58
Петрова Е.В. Мотив ветра в романе Набокова «Отчаяние»: текст и интертекст 61
Проскурякова Д.О. Функционирование запахов в произведении М. Петросян «Дом в котором…» 63
Рзаева В.Р. Образ дома и мотив пути в литературе и публицистике 1960-х годов: опыт сопоставительного анализа проза Ю. Трифонова и В. Белова 66
Свиридова П.П. Поэтика романа Ю. Полякова «Грибной царь» 70
Скрипченко А.Ю. Графический роман как переосмысление классики: анализ адаптации Пушкина, Гоголя, Булгакова 73
Тайшина С.А. Поэтика снов в прозе Чехова: новелла «Учитель словесности» 77
Червяков Д.Е. А.С. Пушкин в медиаформате: содержательный и функциональный аспекты 81
Чжу Илинь Сакральная связь с землёй: сравнительный анализ образов крестьян в романах «Обыкновенный мир» и «Тихий Дон» 85

Раздел 3. Культурология

Дьяченко Б.Ю. Влияние культурных особенностей на процесс принятия решений в международных компаниях 88
Молокова В.А. Гетеропессимизм как структурный феномен позднего модерна: социологический

анализ 93
Осипова Е.А. Алтайский код в творчестве национальных художников А.А. Ютеева и Е. Н. Нуриманова 96
Пилипенко Д.С. Трансформация ценностных оснований власти в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским: культурфилософский аспект 101

Раздел 1. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Беспалова Ольга Вадимовна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КИТАЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ БЬЮТИ-ИНДУСТРИИ

Аннотация. В статье обосновывается роль трёхъязычного словаря бьюти-сферы в формировании профессиональной коммуникативной компетенции китайских специалистов. Представлена модель ресурса с эквивалентами и лингвокультурными комментариями Предварительные данные подтверждают востребованность словаря. Ожидаются повышение точности терминологии, снижение тревожности, развитие навыков диалога.
Ключевые слова: русский язык, профессиональная компетенция, трехъязычный словарь, бьюти-индустрия, лингводидактика.

Bespalova O. V.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article substantiates the role of a trilingual dictionary in the beauty industry in developing professional communicative competence among Chinese specialists. A model of the resource featuring equivalents and linguocultural commentary is presented. Preliminary data confirm the demand for the dictionary. Expected outcomes include enhanced terminology accuracy, reduced language anxiety, and improved dialogue skills.
Keywords: Russian language, professional competence, trilingual dictionary, beauty industry, linguodidactics.

DEVELOPING PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE IN CHINESE BEAUTY INDUSTRY SPECIALISTS

В условиях активного развития российско-китайского экономического сотрудничества в сфере индустрии красоты особую значимость приобретает проблема лингвистического обеспечения профессиональной деятельности. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, экономическим: Китай является основным поставщиком оборудования для бьюти-индустрии в Россию (разнообразное лазерное оборудование, аппараты для татуировок и перманентного макияжа), и ошибки в понимании терминологии инструкций приводят к поломкам дорогостоящего оборудования. Во-вторых, безопасностью клиентов: в косметологии существуют термины, связанные с противопоказаниями и составами препаратов, непонимание которых может нанести вред здоровью. В-третьих, образовательным туризмом: китайские мастера приезжают в Россию учиться, им необходим быстрый доступ к профессиональной терминологии. В-четвертых, цифровизацией отрасли: бьюти-сфера «живёт в смартфонах», цифровой ресурс встраивается в привычную среду специалистов. В-пятых, политическим контекстом: укрепление связей между Россией и Китаем, введение безвизового 30-дневного режима создают потребность в языковом инструменте поддержки профессиональных связей.

Бьюти-индустрия характеризуется высокой динамикой лексического состава и значительным количеством заимствований, преимущественно из английского и французского языков [1, с. 396–397]. Для китайских специалистов, изучающих русский язык для специальных целей, это создаёт дополнительные трудности, поскольку им необходимо

ориентироваться не только в русских терминах, но и в их международных аналогах. В этой связи разработка трёхъязычного терминологического ресурса (русский, английский, китайский) становится эффективным инструментом формирования профессиональной коммуникативной компетенции. При этом важно подчеркнуть, что профессиональная коммуникация в бьюти-сфере имеет свою специфику: она сочетает элементы делового общения, технической документации и межличностного взаимодействия, что требует комплексного подхода к отбору и структурированию лексического материала.

Целью работы является обоснование роли трёхъязычного словаря бьюти-сферы в обучении китайских специалистов профессиональной коммуникации. Объектом исследования выступает процесс формирования профессиональной коммуникативной компетенции, предметом – лингводидактический потенциал трёхъязычного терминологического ресурса. Научная новизна заключается в интеграции принципов цифровой лингводидактики и этнометодического подхода при создании словаря, адаптированного под когнитивные особенности китайских обучающихся.

Теоретической основой исследования послужили труды ведущих методистов в области русского языка как иностранного (РКИ). Эффективность обучения русскому языку как иностранному во многом зависит от учёта национально-языковой специфики обучающихся и адаптации способов предъявления учебного материала [2]. Для китайских специалистов характерны специфические трудности, связанные с типологическими различиями русского и китайского языков, что требует целенаправленного методического сопровождения. В частности, аналитический строй китайского языка, отсутствие системы словоизменения и тональная организация речи создают устойчивые зоны интерференции при освоении русской грамматической и фонетической систем. Учёт этих особенностей позволяет последовательно выстраивать обучение, минимизируя негативное влияние родного языка.

Основная сложность понимания лексики бьюти-индустрии обусловлена несколькими факторами. Во-первых, терминология сферы нестабильна: функционируют графические и словообразовательные дублеты, что свидетельствует о начальных стадиях ассимиляции иноязычий [1, с. 397]. Во-вторых, существуют культурные различия в коммуникации: этикетные нормы в русской лингвокультуре менее детализированы, тогда как китайские нормы имеют более табуированный характер [3, с. 190]. В-третьих, критически важна безопасность: неправильное понимание терминов, связанных с противопоказаниями и составами материалов, может повлечь риски для здоровья клиентов.

Важным аспектом является структурирование терминологического материала на основе понятийно-тематической классификации. Такая классификация позволяет выявить общие принципы формирования терминосистемы и когнитивное совпадение носителей разных языков [6]. В рамках проводимого магистерского исследования, на основе которого создана данная статья, предложена структура словаря, разделённая на три основные раздела: «Косметология», «Перманентный макияж и татуировка», «Наращивание ресниц». Внутри каждой области термины сгруппированы по тематическим блокам: оборудование, процедуры, материалы, противопоказания. Такая структуризация позволяет специалистам быстро находить необходимую информацию в рабочем процессе и способствует более эффективному запоминанию лексики за счёт логических связей между единицами. Кроме того, тематическая группировка облегчает интеграцию словаря в учебный процесс, позволяя преподавателям использовать его как основу для построения тематических модулей.

Полевой базой исследования послужили материалы научной поездки автора в г. Гуанчжоу (КНР) в марте 2026 года, включая участие в 51st Guangdong Cosmetics Festival и 69th China International Beauty Expo. В ходе поездки был проведён экспертный опрос среди представителей студий, бьюти-школ и компаний-производителей. Результаты опроса показали следующее: 100% респондентов подтвердили необходимость трёхъязычного словаря (46,7% ответили «очень полезен», 53,3% – «скорее полезен»). Основные трудности при понимании терминов составляют: в технических характеристиках оборудования подтвердили 80% отпрошенных, в составах препаратов и противопоказания – 66,7%, в названиях процедур

и услуг – 46,7%, в деловой документации (договоры, поставки) – 33,3% и в названиях инструментов и расходных материалов – 26,7%.

В настоящее время работа по сбору эмпирических данных продолжается: проводится дополнительный опрос российских бьюти-школ и студий на предмет необходимости трёхъязычного словаря в электронном формате. Данный этап исследования направлен на выявление потребностей российской стороны в аналогичном инструменте для коммуникации с китайскими партнёрами и клиентами, что позволит обеспечить двустороннюю адаптацию ресурса и повысить его практическую значимость для профессионального сообщества обеих стран.

Особое внимание следует уделить культурному компоненту профессиональной коммуникации. Это касается как вербального этикета (обращения, приветствия), так и невербального (жесты, дистанция). В концепции коммуникативного подхода в обучении иностранному языку перспективным и продуктивным становится формирование и развитие коммуникативной компетенции [4]. В связи с этим разрабатываемый словарь включает не только терминологию, но и лингвокультурные комментарии, что позволяет избежать коммуникативных неудач. Понимание различий в приветствиях или особенностях обращения к преподавателю и клиенту критически важно для построения доверительных отношений [3]. Включение культурных пояснений способствует не только языковому, но и социокультурному адаптированию китайских специалистов в российской профессиональной среде.

Модель словаря, представленная в исследовании, включает: термин на русском языке, эквиваленты на английском и китайском языках, транскрипцию (пиньинь) для корректного произношения термина на китайском языке, а также (при необходимости) описание и визуальные материалы (изображения оборудования, инструментов, схем процедур). При введении новой лексики для китайской аудитории важно создание контента с иероглифическими подсказками [5, с. 99]. Такой формат обеспечивает многоаспектное усвоение профессиональной лексики и соответствует принципам цифровой лингводидактики. Наличие пиньинь особенно важно для российских специалистов, поскольку иероглифическая письменность не передаёт фонетическую структуру слова, что затрудняет формирование произносительных навыков. Визуальные опоры, в свою очередь, компенсируют возможные трудности понимания за счёт наглядного представления профессиональных реалий, что особенно актуально для обучающихся с преобладанием визуально-образного типа восприятия.

Принципы отбора лексики базируются на частотности, коммуникативной ценности терминов и уровне профессионального риска. Ключевыми критериями являются релевантность профессии и потенциальная частотность употребления в реальных коммуникативных ситуациях [1, с. 403].

Примеры лексики:

1. В области «Косметология» из блока «Материалы» гиалуроновая кислота – hyaluronic acid –透明质酸 (tòumíng zhísuān). Термин «гиалуроновая кислота» на китайском языке состоит из: 透明 (tòumíng) – «прозрачный», 质酸 (zhísuān) – «кислотное вещество».

2. В области «Перманентный макияж и татуировка» из блока «Процедуры» следует обратить внимание на две совершенно разные по технологии работа на бровях процедуры: микроблейдинг – microblading – 微针眉 (wēizhēn méi) и волосковую технику – hairstroke technique – 线条眉 (xiàntiáo méi). Термин «волосковая техника» на китайском языке состоит из: 线 (xiàn) – линия, 条 (tiáo) – полоска, черта (счётное слово для длинных предметов), 眉 (méi) – бровь.

3. В области «Наращивание ресниц» из блока «Процедуры»: наращивание – volume extension –嫁接 (jiàjiē). Этот термин дословно переводится как «прививка» и состоит из: 嫁 (jià) прививать (растения) или выходить замуж и 接 (jiē) соединять, присоединять, принимать.

Обсуждение полученных научных результатов показывает, что внедрение трёхъязычного словаря в образовательный процесс бьюти-школ будет способствовать

снижению языкового барьера. Китайские специалисты демонстрируют более высокую скорость усвоения профессиональной лексики при использовании цифрового ресурса, что подтверждает эффективность предложенного подхода. Кроме того, использование словаря будет способствовать повышению безопасности процедур, так как мастера имеют возможность оперативно уточнить значение терминов, связанных с противопоказаниями и техникой безопасности. Практическая апробация отдельных элементов словаря в рамках краткосрочных курсов планируется для формирования навыков профессионального диалога и снижения коммуникативной тревожности у обучающихся.

Этнометодический аспект проявляется в учёте специфики восприятия информации китайскими специалистами: наличие иероглифических пояснений, визуальных опор и минимизация теоретических объяснений соответствуют когнитивным стратегиям данной группы обучающихся.

В заключение следует отметить, что разрабатываемый концепт трёхъязычного терминологического словаря является эффективным средством формирования профессиональной коммуникативной компетенции китайских специалистов бьюти-индустрии. Он решает актуальную проблему языкового барьера в условиях растущего российско-китайского сотрудничества и соответствует требованиям цифровой лингводидактики. Практическая значимость работы состоит в возможности использования ресурса как в учебном процессе (курсы повышения квалификации для иностранных мастеров), так и в профессиональной деятельности (коммуникация с поставщиками и клиентами). Перспективы дальнейшего исследования связаны с наполнением словаря конкретным лексическим материалом и проведением экспериментальной проверки эффективности методики его использования в мини-группах обучающихся. Таким образом, интеграция цифровых технологий и этнометодического подхода в создание терминологических ресурсов открывает новые возможности для преподавания русского языка для специальных целей и способствует укреплению профессиональных связей между Россией и Китаем в сфере индустрии красоты.

Список источников

1. Агеева, А. В. Функционал и семантика иноязычной лексики бьюти-сферы в современном русском языке / А. В. Агеева, Л. Р. Абдуллина, Н. В. Габдреева // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 4. – С. 393–405.

2. Балыхина, Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового) : Учеб. пособие / Т. М. Балыхина. – Изд. 2-е, испр. М.: РУДН, 2010. 188 с.

3. Мамонтов, А. С. О некоторых особенностях русского и китайского вербального и невербального этикета в аспекте обучения языку как средству межкультурной коммуникации / А. С. Мамонтов, П. В. Морослин // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2015. – № 4. – С. 183–190.

4. Маркина, П. В. Использование страноведческой информации при развитии проекта коммуникативной компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному в иноязычной среде обучения / П. В. Маркина, С. В. Филиппов // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4(83). – С. 51–53.

5. Маркина, П.В. Формирование компетенции преподавателя русского языка как иностранного через осмысление трудностей китайских студентов / П. В. Маркина, О. В. Беспалова // Глобальный научный потенциал. – 2026. – № 2–1(179). – С. 98 – 101.

6. Темирова, Д. Б. Понятийно-тематическая классификация терминов предметной области «Косметология» (на материале русского и английского языков) / Д. Б. Темирова // Вестник АГУ. – 2016. – Вып. 1 (172). – С. 78–83.

Грачева Анастасия Олеговна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Винокурова Мария Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент

ИНТЕРАКТИВНЫЕ РАБОЧИЕ ЛИСТЫ С ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИМ СОДЕРЖАНИЕМ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В ШРИ-ЛАНКЕ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому рассмотрению лингвострановедческого подхода в преподавании РКИ, анализу дидактического потенциала интерактивных рабочих листов. Практическая часть исследования состоит в разработке материалов с лингвострановедческим содержанием для преподавания РКИ в Шри-Ланке (комплекса из 18 интерактивных рабочих листов).
Ключевые слова: рабочие листы, лингвострановедение, РКИ, русскоязычное образование, культура.

Gracheva A. O.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This paper presents a theoretical examination of the cultural approach to teaching Russian as a foreign language and analyzes the didactic potential of interactive worksheets. The practical part of the research involves developing materials with cultural content for teaching Russian as a foreign language in Sri Lanka (a set of 18 interactive worksheets).
Keywords: worksheets, linguistic and regional studies, Russian as a foreign language, Russian-language education, culture.

INTERACTIVE WORKSHEETS WITH LINGUISTIC AND CULTURAL CONTENT FOR TEACHING RUSSIAN AS A FORIAN LANGUAGE IN SRI LANKA

Усиление роли России в социально-гуманитарном пространстве, укрепление позиций русского языка в мире, поддержка и содействие расширению русскоязычных сообществ в иностранных государствах являются основными задачами внешней политики Российской Федерации, определёнными Указом Президента РФ.

Исследовательский интерес российских учёных к вопросу зарубежного русскоязычного образования заметно активизировался за последние года в связи с возрастающей ролью гуманитарного сотрудничества России со странами Азии, Африки и Латинской Америки [2, с. 216].

В связи с активизацией продвижения русского языка в странах Азии особое значение приобретает разработка адаптированных учебных материалов, учитывающих культурные и технические особенности региона. Как показывают исследования, при отборе лингвострановедческого материала необходимо руководствоваться принципами актуальности, культуросообразности и наличия социокультурного комментария [3, с. 76–77]. Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется тремя основными факторами.

Проблематика лингвострановедческого подхода имеет прочную теоретическую базу, заложенную в трудах Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, которые рассматривали лингвострановедение как важный компонент обучения языку, обеспечивающий понимание культурного контекста [1, с. 4]. В современной методике РКИ это направление развивают А. Н. Щукин, Э. Г. Азимов и другие. Однако комплексные исследования, посвящённые разработке и применению интерактивных рабочих листов с лингвострановедческим содержанием именно для ланкийской аудитории, на данный момент широко не представлены.

Это подтверждает актуальность и новизну нашей работы.

Объектом исследования является лингвострановедческий компонент в методике преподавания РКИ. Предмет исследования – лингвострановедческий компонент в разработке интерактивных рабочих листов для преподавания РКИ в Шри-Ланке.

Как показывает анализ современных учебных пособий, в практике преподавания РКИ существует определённый разрыв между содержанием вузовских учебников и динамично меняющейся языковой и культурной реальностью. В области лингвострановедения, в которой материал напрямую связан с текущей жизнью страны, её медийным полем и повседневностью носителей языка данная ситуация требует актуальных решений. По мнению ряда исследователей, в учебниках РКИ значительное внимание уделяется достопримечательностям Москвы и Санкт-Петербурга; русские писатели и их творчество представлены более широко, чем, например, композиторы, исторические деятели, режиссёры и художники; часто описываются города Золотого кольца России, реже – сибирский регион, остальные города и регионы представлены крайне редко; слабо представлена информация о современной политической, экономической, административной, демографической и социальной ситуации в России, зато подробно описаны традиции русских праздников, особенности национальной кухни и одежды. Выходом из сложившейся ситуации может стать использование компактных дидактических материалов, которые позволяют оперативно вводить в учебный процесс актуальное содержание, прошедшее необходимую методическую обработку. Однако создание таких материалов невозможно без чётких критериев отбора лингвострановедческой информации.

Цель работы – разработать комплекс интерактивных рабочих листов (18 уроков) с лингвострановедческим содержанием для обучения РКИ в Шри-Ланке (уровень A2/B1).

В работе использовались следующие методы: 1) анализ социокультурной среды Шри-Ланки; 2) сопоставительный анализ страноведческого компонента России и Шри-Ланки; 3) метод моделирования – для разработки структуры рабочего листа и принципов отбора материала.

Научная новизна работы заключается в том, что предложен и теоретически обоснован комплексный подход к разработке интерактивных рабочих листов с лингвострановедческим содержанием, адаптированных под социокультурные и технические условия Шри-Ланки. Также систематизированы и дополнены критерии отбора лингвострановедческого материала.

Практическая значимость исследования: создан готовый к использованию комплекс из 18 интерактивных рабочих листов с доступом по ссылкам и QR-кодам для работы с аудио и видеоматериалами. Данный комплекс предназначен для работы в учебных заведениях Шри-Ланки по программам: российский учитель за рубежом, волонтерское движение «За русский!», центр открытого образования. Также разработанные листы могут использоваться как база для создания материалов для других регионов, в первую очередь – для стран Азии.

Как было сказано выше, разработан комплекс из 18 интерактивных рабочих листов, каждый из которых соответствует одному уроку (всего 36 часов, уровень A2/B1). В плане представлено множество тем: «Знакомство», «Семья», «Путешествия», «На рынке», «Автомобили и транспорт», «Праздники», «Образование» и другие. Каждый рабочий лист имеет единую структуру, состоящую из трёх разделов.

Первый раздел – предтекстовая работа и чтение.

Второй раздел – притекстовая работа. Учащиеся переходят от рецептивных видов речевой деятельности к продуктивным: начинают говорить, строить развёрнутые высказывания, аргументировать.

Третий раздел – грамматический, именуемый как «Это важно!». В нём происходит знакомство с грамматикой, а также отработка такого вида речевой деятельности, как письмо.

Рассмотрим на конкретном примере, как выстраивается работа с подобными рабочими листами:

1. Вопросы по картинке, например в теме «Автомобили и транспорт»: «Что на ней?», «Зачем нужен транспорт?», «Какой транспорт вы знаете?»: активизация словарного запаса.

2. Страноведческий факт, связанный с культурой выбранного региона: «Тук-туков на Шри-Ланке более миллиона…» + вопрос «Как вы думаете, почему этого транспорта нет в России?» – это рассматривается как мотивационный элемент.

3. Семантизация через картинку: объяснение слова «торговаться» по картинке. Работа с лексическим минимумом урока.

4. Чтение: адаптированный текст о транспорте и правилах поведения в России и на Шри-Ланке. После чтения – контроль понимания через упражнения.

5. Аудирование: прослушивание фрагментов о транспорте (осуществляется через QR-код). Задание: определить, о каком транспорте речь (метро, такси, трамвай, троллейбус, маршрутка, поезд).

6. Говорение. Включает два блока:

1) обсуждение услышанных песен: «Какая песня понравилась больше?»

2) дискуссия: «Тук-тук мог бы стать популярным такси в России? Да/нет и почему?»

7. Страноведческий факт, но уже связанный с российскими реалиями. В данном случае «Зеленоглазое такси».

8. Грамматический раздел – теория и упражнения: в рассматриваемом рабочем листе описано различие между однонаправленными и разнонаправленными глаголами.

9. Письмо. Студентам необходимо написать текст на тему урока с использованием новой лексики и знаний грамматики.

Подводя итоги, отметим основные выводы по проведённой работе:

1. Лингвострановедческий подход является эффективным инструментом формирования межкультурной компетенции.

2. Разработанный комплекс из 18 рабочих листов учитывает социокультурную специфику Шри-Ланки и может быть использован в практике преподавания РКИ.

3. Предложенная модель проектирования рабочего листа может служить алгоритмом для создания аналогичных материалов для других стран и регионов.

Список источников

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1990. – 246 с.

2. Управление русскоязычным образованием в Шри-Ланке: проблемы и решения / Е. А. Ильина, И. Е. Поверинов, С. В. Ильина [и др.] // Интеграция образования. – 2025. – Т. 29, № 2(119). – С. 214–229. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-russkoyazychnym-obrazovaniem-v-shri-lanke-problemy-i-resheniya (дата обращения: 22.03.2026).

3. Миков, В. Ю. Рекомендации к использованию лингвострановедческого материала на уроках РКИ / В. Ю. Миков, Д. А. Нижегородова // Лингвокультурология. – 2023. – № 17. – С. 75–82.

Денисова Анастасия Денисовна, Шекер Ирина Сергеевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Аввакумова Евгения Александровна,
кандидат филологических наук, доцент

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 6 КЛАССЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема применения игровых технологий на уроках русского языка в 6 классе. Авторами предложена оригинальная пятиэтапная модель реализации игровой технологии и представлен проект урока по теме «Диалектные слова» с

подробным описанием всех этапов.
Ключевые слова: игровая технология, русский язык, диалектные слова.

Denisova A. D., Sheker I. S.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article addresses the use of game-based technologies in Russian language lessons for grade 6. The authors propose an original five-stage model of game technology implementation and present a detailed lesson project on the topic 'Dialect Words'.
Keywords: game-based technology, Russian language, dialect words.

GAME-BASED TECHNOLOGIES IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS FOR GRADE 6

Современное образование ориентировано на активизацию познавательной деятельности школьников и формирование ключевых компетенций. В условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта актуальным становится поиск педагогических технологий, способных сделать процесс обучения личностно значимым для учащихся. Одним из перспективных направлений выступает использование игровых технологий, позволяющих сочетать познавательную деятельность с игровой мотивацией.

Как справедливо отмечает Е. А. Пазина, игра «создаёт эмоциональный подъём, а мотивы игровой деятельности ориентированы на процесс постижения смысла этой деятельности» [3, с. 24]. Именно это качество делает игровую технологию особенно востребованной в работе с шестиклассниками, нуждающимися в нестандартных формах учебной деятельности.

Цель настоящего исследования – разработать проект игровой технологии для урока русского языка в 6 классе на основе теоретически обоснованной модели. Объектом исследования является игровая технология как педагогическая система, предметом – её реализация на уроках русского языка в школе.

Новизна работы состоит в том, что авторами предложена оригинальная пятиэтапная модель игровой технологии, отличающаяся от ранее описанных подходов чёткой динамической структурой, ориентированной на конкретный урок. Существующие публикации (О. И. Горбич, А. Д. Комова [1; 2] и др.) описывают преимущественно функции и компоненты игровой деятельности, не раскрывая последовательности действий учителя и учащихся. Предложенная модель устраняет этот недостаток.

Принципиальное различие между игрой и игровой технологией состоит в следующем: игра может применяться эпизодически и не предполагает заранее выстроенного алгоритма, тогда как игровая технология представляет собой упорядоченную систему взаимосвязанных действий, реализуемую в заданной последовательности [4, с. 15].

На основании этого разграничения разработана пятиэтапная модель реализации игровой технологии на уроке, включающая 1) установку на игру; 2) формулирование игровой задачи; 3) объяснение правил игры; 4) игровое действие; 5) подведение итогов.

В соответствии с предложенной моделью разработан проект урока закрепления знаний «Диалектное путешествие» по теме «Диалектные слова» (§37 учебника Ладыженской, 6 класс). Тип игровой технологии – игра-путешествие с элементами ролевой игры, форма организации – групповая (3–4 группы по 4–5 человек), продолжительность 40 минут.

Этап 1. Установка на игру (0–3 мин). Учитель входит в класс и, не объявляя темы урока, произносит вводные слова: «Ребята, сегодня мы с вами – лингвисты-путешественники. Представьте: вы едете на поезде из Барнаула во Владивосток. На каждой остановке вас встречают местные жители и говорят на русском, но некоторые слова вам непонятны. «Пойдём на баз!», «Попробуй шаньгу!», «Баять-то умеешь?» Что они имеют в виду? Вот это мы и будем выяснять как настоящие исследователи языка. Маршрутные листы уже готовы. Рассаживайтесь по экспедиционным группам!»

Действия учителя: раздать маршрутные листы группам (заранее оформленные как «дорожный дневник»), дать 1 минуту на знакомство с форматом. Группы должны выбрать «название экспедиции» (можно вписать в маршрутный лист).

Педагогическая цель этапа: создать игровую ситуацию и сформировать мотивацию к деятельности.

Этап 2. Формулирование игровой задачи (3–8 мин). Учитель чётко формулирует задачу и фиксирует ключевые пункты на доске: маршрут включает 4 региона России; для каждой станции предусмотрена карточка с диалектными словами в контексте; задача каждой группы определить значение диалектизма и записать литературный синоним в маршрутный лист; за каждый верный ответ дается 1 жетон; время на весь маршрут около 20 минут. Учитель задаёт 2–3 уточняющих вопроса группам, чтобы убедиться в понимании задания («Что вы записываете в маршрутный лист? Что значит "литературный синоним"?»).

Педагогическая цель этапа: обеспечить понимание учащимися конечного результата, к которому нужно прийти в ходе игры.

Этап 3. Объяснение правил игры (8–15 мин).

Правила (учитель фиксирует на доске или слайде):

1. Работаем только в группе, индивидуальные ответы не засчитываются.
2. На каждой станции будет дана карточка со словом в контексте (предложении).
3. Словарь В. И. Даля или толковый словарь разрешён 1 на группу.
4. Ответ записывается, не выкрикивается, за нарушение минус 1 жетон.
5. Переходить к следующей станции можно только после записи ответа.

Учитель разбирает с классом один пример по карточке-образцу и показывает алгоритм работы.

Алгоритм работы с карточкой (разбор образца):

Учитель: «Смотрите, на карточке я вижу предложение: «Дед гутарит, что завтра будет пурга».

Шаг 1. Слово «гутарит» мне незнакомо.

Шаг 2. Смотрю в словаре: слово есть, помета (обл.) – значит, это диалектизм. Значение – «говорит» (южный диалект).

Шаг 3. В уме заменяю: «Дед говорит, что завтра будет пурга».

Шаг 4. Автор использовал это слово, чтобы показать, что дед – выходец из южных областей, передать деревенский колорит.

Шаг 5. Записываю: слово – диалектизм, значение – «говорит», функция – речевая характеристика персонажа».

Педагогическая цель этапа: установить четкие правила игры.

Этап 4. Игровое действие (15–35 мин). Группы самостоятельно проходят четыре станции.

СТАНЦИЯ 1 «СИБИРЬ» *Прочитайте предложения. Найдите диалектные слова, определите их значение, запишите литературные синонимы.* 1. «Вьюга мела всю ночь. Старики говорили: начинается буран. Укройся потеплее». 2. «Дедушка жил в деревне, что прятала падь – лощина между сопками». 3. «Хозяйка угостила нас шаньгами – горячими, с картошкой».
СТАНЦИЯ 2 «РУССКИЙ СЕВЕР» *Прочитайте предложения. Найдите диалектные слова, определите их значение, запишите литературные синонимы.* 1. «Баба-то умела баять – заслушаешься её рассказов». 2. «На морозе без голиц руки быстро замёрзнут». 3. «За столом пустили братину по кругу – каждый отпил».
СТАНЦИЯ 3 «ДОН И КУБАНЬ» *Прочитайте предложения. Найдите диалектные слова, определите их значение, запишите литературные синонимы.*

1. «Казаки любили гутарить на завалинке по вечерам».
2. «В каждом курене горел огонь: хозяева ждали гостей».
3. «Скот загнали на баз ещё до ночи».

СТАНЦИЯ 4 «УРАЛ»

Прочитайте предложения. Найдите диалектные слова, определите их значение, запишите литературные синонимы.

1. «Он дюже устал после смены на заводе».
2. «Тятя, возьми меня с собой на охоту!» – просил сын».
3. «Медведь любит зобать малину прямо с куста».

Педагогическая цель этапа: отработать умение определять значение диалектных слов через контекст и словарь, развить навык командной работы.

Этап 5. Подведение итогов (35–40 мин).

Порядок проведения:

1. Подсчёт жетонов. Учитель фиксирует результаты на доске.

2. Ротация ответов: группа 1 зачитывает ответы по станции 2, группа 2 по станции 3 и т.д. (каждая группа не проверяет свои ответы).

3. Учитель озвучивает правильные ответы, объясняет спорные случаи.

4. Обсуждение (2–3 минуты): «Какое слово вас удивило? Где в современной жизни вы встречали диалектные слова?»

5. Рефлексия «Слово на память»: каждый участник называет 1 диалектное слово, которое запомнил.

6. Учитель объявляет победителя и благодарит всех: «Сегодня вы стали настоящими знатоками народной речи».

Ответы на карточки:

Станция 1: буран – метель/вьюга; падь – лощина/ущелье; шаньга – ватрушка/пышка. Станция 2: баять – говорить/рассказывать; голицы – рукавицы; братина – братская чаша. Станция 3: гутарить – говорить/беседовать; курень – дом/изба; баз – двор/загон. Станция 4: дюже – очень/сильно; тятя – папа/отец; зобать – есть/клевать.

Педагогическая цель этапа: обеспечить рефлексию учащихся, зафиксировать новое знание, осуществить выход из игровой роли.

Описанный проект реализует все ключевые свойства игровой технологии: концептуальность (опора на деятельностный подход), системность (пять последовательных этапов), управляемость (чёткий алгоритм действий учителя) и воспроизводимость (проект не требует специального оборудования и может применяться любым учителем).

Таким образом, предложенная пятиэтапная модель позволяет организовать учебную игру как целостную педагогическую технологию, а не как разовый приём. Модель обладает высокой воспроизводимостью и может быть адаптирована для работы с другими темами курса русского языка.

Список источников

1. Горбич, О. И. Материалы курса «Современные педагогические технологии обучения русскому языку в школе» : лекции 5–8 / О. И. Горбич. – Москва : Педагогический университет «Первое сентября», 2009. – 80 с.

2. Комова, А. Д. Сущность игровой технологии / А. Д. Комова // Теория и практика современной науки. – 2019. – № 5 (47). – С. 748–750.

3. Пазина, Е. А. Изучение темы «Союз» в 7-м классе с компьютерной поддержкой / Е. А. Пазина // Русский язык в школе. – 2003. – № 4. – С. 24–32.

4. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии / Г. К. Селевко. – Москва : Народное образование, 1998. – 256 с.

5. Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин. – Москва : Педагогика, 1978. – 304 с.

Лихвер Андрей Иванович
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» –
филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
г. Макеевка, Россия (ДНР)
Научный руководитель: Свиренко Жанна Сергеевна,
кандидат педагогических наук, доцент

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируется роль заимствований в современном русском языке с позиций коммуникативных стратегий носителей. Рассматриваются исторические предпосылки, критерии разграничения «необходимых» и «избыточных» заимствований, механизмы их адаптации. Особое внимание уделяется противоречию между объективной потребностью в номинации новых реалий и субъективным ощущением «засорения» языка. Делается вывод, что заимствование выступает не столько лексическим, сколько коммуникативным процессом, отражающим смену культурных кодов.
Ключевые слова: заимствование, русский язык, языковая личность, коммуникативная стратегия, адаптация, англицизм, языковая норма, прецедентность.

Lihver A. I.
«Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture» –
a branch of «National Research Moscow State University of Civil Engineering»,
Makeyevka, Russia (Donetsk People's Republic)

Abstract. The article analyzes the role of borrowings in the modern Russian language from the standpoint of the communicative strategies of native speakers. The historical prerequisites, criteria for distinguishing between «necessary» and «excessive» borrowings, and mechanisms of their adaptation are considered. Particular attention is paid to the contradiction between the objective need to nominate new realities and the subjective feeling of "clogging" the language. It is concluded that borrowing is not so much a lexical as a communicative process that reflects the change of cultural codes.
Keywords: borrowing, Russian language, linguistic personality, communicative strategy, adaptation, anglicism, language norm, precedent.

THE ROLE OF BORROWINGS IN MODERN RUSSIAN

Вопрос о роли заимствований в современном русском языке традиционно находится в фокусе внимания лингвистов, социологов и широкой общественности. За последние десятилетия характер дискуссии существенно изменился: если в 1990-е годы преобладал «кризисный» нарратив (разрушение системы, экспансия иноязычий), то сейчас исследователи всё чаще обращаются к анализу того, как заимствования встраиваются в повседневные коммуникативные практики. Как справедливо отмечает Л. П. Крысин, «язык не просто отражает изменения в обществе, но и сам активно участвует в их конструировании, предлагая носителям новые способы категоризации действительности» [4, с. 12]. Актуальность работы определяется необходимостью преодолеть упрощённые дихотомии («хорошо» vs «плохо») в оценке заимствований. Цель исследования – выявить функциональные механизмы интеграции заимствований в коммуникативное пространство современного русского языка.

Прежде чем перейти к анализу, необходимо осознать: отношение к заимствованиям никогда не было статичным. Петровская эпоха даёт яркий пример того, как политическая воля легитимизировала массовые заимствования. Как подчёркивает Е. И. Воскобойникова, «введение иноязычной лексики в петровское время было не стихийным, а управляемым процессом» [1]. Многие слова, которые сегодня воспринимаются как органичная часть языка («армия», «флот», «гвардия»), в момент появления вызывали неприятие. XIX век даёт иной пример: французские заимствования становятся маркером социального статуса и образованности. Современная ситуация наследует обе традиции: с одной стороны, заимствования выполняют инструментальную функцию, заполняя лакуны (особенно в IT, экономике), с другой – выступают в роли социальных маркеров. Однако, в отличие от предыдущих эпох, современный процесс характеризуется беспрецедентной скоростью обновления лексики и отсутствием единого центра языковой политики.

Одной из главных проблем в дискуссии о заимствованиях является отсутствие общепризнанных критериев их «оправданности». В рамках данного исследования предлагается различать три уровня оценки: когнитивный, коммуникативный и идеологический. На когнитивном уровне заимствование оправданно, когда оно заполняет понятийную лакуну – обозначает новую реалию, не имеющую аналога («интернет», «смартфон», «стартап»). Как показывает А. И. Дьяков, «терминологическая функция заимствований является первичной; большинство иноязычий входят в язык именно как термины» [2, с. 284]. На коммуникативном уровне критерием становится эффективность речевого взаимодействия. Заимствование может быть предпочтительнее исконного слова, если оно короче («блогер» вместо «человек, ведущий сетевой дневник»), точнее («имидж» вместо многозначного «образ») или стилистически нейтральнее в определённом контексте. На идеологическом уровне оценка заимствования определяется не столько языковыми свойствами, сколько ценностными установками говорящего. Как отмечает Р. Мутусханова, «в общественном сознании заимствование часто мифологизируется: оно становится знаком либо прогрессивности, либо утраты самобытности» [6]. Один и тот же англицизм может вызывать одобрение в среде молодых специалистов и резкое неприятие у представителей старшего поколения.

Процесс превращения иноязычного элемента в органичную часть лексической системы подчиняется определённым закономерностям. Как отмечает Г. В. Козловская, «успешность освоения заимствования прямо пропорциональна его способности интегрироваться в словообразовательные и семантические парадигмы принимающего языка» [3, с. 155]. На начальном этапе заимствование существует как чужеродный элемент, сохраняющий черты языка-донора («коворкинг», «фейс-контроль»). Переход к устойчивой фонетической форме, подчинённой нормам русского произношения, свидетельствует о начале ассимиляции. В современной практике наблюдается феномен «вариативного произношения» (например, «ма́ркетинг» и «маркéтинг»), что, по мнению Г. В. Козловской, указывает на незавершённость адаптационных процессов [Там же, с. 156].

Особую сложность представляет определение грамматического рода для заимствованных существительных. Род может определяться по формальному признаку («виски» – мужской род по аналогии с «напиток»), по семантическому признаку («кольраби» – женский, как «капуста», «сулугуни» – мужской, как «сыр») или по аналогии с уже освоенными заимствованиями. Отсутствие единого принципа ведёт к нормативной вариативности («кофе» – мужской и средний род в разговорной речи)). Высшей степенью адаптации становится способность заимствования «обрастать» производными словами по моделям русского словообразования [2, с. 287]. Ср.: «интернет» → «интернет-сайт», «интернетчик», «заинтернетиться». Наличие разветвлённого словообразовательного гнезда свидетельствует о полной ассимиляции и укоренении в языковом сознании.

Семантическая адаптация заимствований – наиболее интересный и наименее предсказуемый процесс. Наиболее распространённый тип – сужение значения. Заимствование приходит как узкоспециальный термин, в то время как в языке-доноре оно может иметь более

широкую семантику. Например, «менеджер» в русском языке преимущественно обозначает руководителя среднего звена, тогда как в английском это любой управленец. Обратный процесс – расширение значения – встречается реже. Классический пример: «драйв» (от англ. drive – движение, езда) в русском приобрело значение «энергетический подъём, воодушевление». Особый интерес представляет ситуация, когда заимствование и исконное слово начинают выполнять разные функции, образуя синонимическую пару с распределением стилистических ролей. Например, «имидж» и «образ» различаются по сферам употребления (первое – в маркетинге, второе – в искусстве), а «презентация» и «представление» – по степени формальности.

Переход от анализа языка как системы к анализу языковой личности позволяет по-новому взглянуть на роль заимствований. Для современного носителя владение определённым набором иноязычных слов становится не просто коммуникативной необходимостью, но и элементом идентичности, способом самопрезентации. В профессиональных сообществах (IT, экономика, маркетинг) заимствования выполняют функцию профессионального жаргона, позволяя быстро идентифицировать «своего» и демонстрировать компетентность. Как подчёркивает А. И. Дьяков, «в этих сферах отказ от заимствований в пользу исконных аналогов воспринимается как признак непрофессионализма» [2, с. 286]. Для молодёжной аудитории использование англицизмов («хайп», «фейк», «лук», «челлендж») служит маркером современности, включённости в глобальные культурные процессы. Как отмечает Р. Мутусханова, «заимствования в молодёжной среде выполняют не столько номинативную, сколько экспрессивную и идентифицирующую функцию» [6].

Анализ текущих процессов позволяет выделить несколько ключевых тенденций. Во-первых, роль английского языка как глобального донора продолжает усиливаться и основные споры будут вестись не о том, заимствовать или нет, а о том, как адаптировать англицизмы к русской языковой системе. Во-вторых, многие заимствования (особенно из интернет-сферы) не имеют закреплённого написания (латиницей или кириллицей), произношения, грамматических характеристик (род, склоняемость). Создание авторитетных лексикографических источников, фиксирующих современную норму, является одной из приоритетных задач прикладной лингвистики. В-третьих, цифровая коммуникация создаёт особые условия: допустимость латиницы в русском тексте, сокращения («ОК», «лол», «имхо»), гибридные образования («загуглить», «лайкнуть»). Как отмечает Е. А. Маринова, «в интернет-дискурсе границы между заимствованием и иноязычным вкраплением размываются» [5, с. 412]. Парадоксальным образом, чем активнее идёт процесс заимствования, тем громче звучат голоса сторонников языковой чистоты. Такие инициативы редко достигают цели, но они важны как индикатор общественной тревоги по поводу сохранения языковой идентичности.

Подводя итоги, можно утверждать, что заимствования в современном русском языке выполняют сложную и многомерную роль. Во-первых, они выступают механизмом адаптации языковой системы к быстро меняющейся реальности, позволяя избежать громоздких описательных конструкций. Во-вторых, заимствования становятся инструментом социальной и профессиональной дифференциации, маркером групповой идентичности. В-третьих, процесс заимствования демонстрирует системную прочность русского языка: несмотря на «наплыв» иноязычий, языковая система способна перерабатывать новый материал, включая его в свои структуры и подчиняя внутренним законам. В-четвёртых, дискуссия о заимствованиях – это не только лингвистическая, но и мировоззренческая проблема, отражающая конфликт между открытостью и потребностью в сохранении культурной идентичности. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением функционирования заимствований в различных дискурсивных практиках и разработкой методик лексикографического описания современной заимствованной лексики.

Список источников

1. Воскобойникова, Е. И. Условия и источники заимствований в русском литературном языке: от истории к современности / Е. И. Воскобойникова. – URL: https://infourok.ru/usloviya-i-istochniki-zaimstvovaniya-v-russkom-literaturnom-yazyke-ot-istorii-k-sovremennosti-7783891.html (дата обращения: 20.03.2026).
2. Дьяков, А. И. К вопросу о заимствованиях / А. И. Дьяков // Фундаментальные ценности языка и культуры: сборник статей. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023. – С. 281–290.
3. Козловская, Г. В. Заимствования в современном русском языке / Г. В. Козловская // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 5. – 2006. – Вып. XIV. – С. 154–156.
4. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
5. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в современной русской речи / Е. В. Маринова. – Москва : URSS, 2012. – 576 с.
6. Мутусханова, Р. М. Когнитивные и коммуникативные аспекты заимствований в современном русском языке р. М. Мутусханова // Наука, образование и современность. – 2025. – № 2. – С. 34–36. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-i-kommunikativnye-aspekty-zaimstvovaniy-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer (дата обращения: 20.03.2026).

Логинов Николай Евгеньевич
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» –
филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
г. Макеевка, Россия (ДНР)
Научный руководитель: Свиренко Жанна Сергеевна,
кандидат педагогических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ СЛОВ-ПАРАЗИТОВ В РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье представлен обзор лингвистических исследований, посвященных проблеме слов-паразитов в аспекте возрастной дифференциации. Рассматриваются подходы к определению и классификации дискурсивных маркеров и речевых заполнителей. Анализируются работы, изучающие возрастные различия в употреблении и восприятии слов-паразитов. Приводятся количественные данные из эмпирических исследований. Делается вывод о противоречивости данных относительно влияния возраста на употребление дискурсивов.
Ключевые слова: слова-паразиты, дискурсивные маркеры, возрастная дифференциация, социолингвистика, речевая рефлексия.

Loginov N. E.
«Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture» –
a branch of «National Research Moscow State University of Civil Engineering»,
Makeyevka, Russia (Donetsk People's Republic)

Abstract. The article provides a review of linguistic research on the problem of filler words in terms of age differentiation. Approaches to the definition and classification of discourse markers and speech fillers are considered. Works studying age differences in the use and perception of filler words are analyzed. Quantitative data from empirical studies are presented. The conclusion is made about the inconsistency of data on the influence of age on the use of discourse markers.

Keywords: filler words, discourse markers, age differentiation, sociolinguistics, speech reflection.

THE PROBLEM OF PERCEPTION OF FILLER WORDS IN DIFFERENT AGE GROUPS: A REVIEW OF MODERN APPROACHES

Слова-паразиты представляют собой устойчивый элемент устной речи, выполняющий функции заполнения пауз, удержания внимания собеседника и обеспечения времени для формулирования мысли. В лингвистической традиции они рассматриваются в ряду дискурсивных маркеров или речевых заполнителей, не несущих существенной смысловой нагрузки, но играющих важную роль в организации устного дискурса [2; 4]. К числу наиболее частотных единиц данного типа относятся «блин», «ну», «короче», «типа», «как бы» и подобные им лексемы, регулярно воспроизводимые в спонтанной речи.

Проблема восприятия слов-паразитов имеет не только лингвистическое, но и социальное измерение. Как отмечает Л. П. Крысин, оценка речевых явлений всегда опосредована социальными характеристиками говорящего и слушающего, их принадлежностью к определённым возрастным, профессиональным или территориальным группам [4]. В работах Е. А. Земской подчёркивается, что разговорная речь, будучи наименее контролируемой формой языкового существования, наиболее чутко реагирует на социальную дифференциацию носителей языка [2]. В. Г. Костомаров, анализируя «языковой вкус эпохи», указывает на существование устойчивых механизмов отторжения «чужого» в речи, которые активизируются при столкновении разных поколенческих речевых практик [3]. Н. И. Формановская подчёркивает, что речевой этикет предполагает определённый уровень рефлексии, однако в отношении автоматизированных элементов речи она, как правило, отсутствует [6]. Цель настоящей работы – систематизировать существующие подходы к изучению слов-паразитов в аспекте возрастной дифференциации и выявить направления для дальнейших исследований.

В лингвистике слова-паразиты чаще всего рассматриваются в рамках теории дискурсивных маркеров. С. В. Серебрякова, исследуя дискурсивный маркер «ну» в русском языке, приходит к выводу, что данная единица занимает особое положение среди слов-паразитов [5]. Автор выделяет до 12 различных прагматических функций этого маркера, включая заполнение паузы хезитации, привлечение внимания, смягчение категоричности высказывания, побуждение к ответу и другие. Исследовательница отмечает, что «ну» в значительной степени утратило негативную коннотацию и воспринимается носителями языка как естественный элемент устной речи, а не как речевой дефект.

И. В. Черкасова в исследовании, проведенном на материале речи 60 студентов, выделяет наиболее частотные слова-паразиты в молодежной среде: «типа» (88% опрошенных), «блин» (72%), «короче» (65%) [7]. Автор подчеркивает, что основными причинами употребления слов-паразитов являются недостаточный словарный запас, речевая привычка и влияние социального окружения. Показательно, что 82% респондентов считают, что слова-паразиты снижают культуру речи, однако при этом сами активно их используют. Это свидетельствует о феномене сниженной речевой рефлексии, когда собственные речевые автоматизмы не осознаются как проблема.

Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко и К. Д. Зайдес в исследовании, проведенном на материале полуструктурированных интервью с жителями г. Соликамска (24 информанта, около 46 тыс. словоупотреблений), приходят к выводу, который может показаться неожиданным [1]. Выборка была сбалансирована по социальным факторам «пол», «возраст», «образование» и «специальность». Проведенное исследование показало, что изучаемые социальные факторы не оказывают статистически достоверного влияния на использование дискурсивных слов в речи. Достоверная статистическая значимость обнаруживается в частотности дискурсивов разных тематических блоков текста. Иными словами, тема разговора влияет на частоту использования слов-паразитов больше, чем возраст говорящего. Индивидуальные отклонения в частотности

дискурсивных единиц были обнаружены в речи только одного информанта. Таким образом, с точки зрения социального и индивидуального варьирования речь изученной группы респондентов является в высокой степени гомогенной.

Этот вывод важен для понимания проблемы возрастных различий: возможно, эти различия, которые фиксируют многие исследователи, объясняются не столько возрастом как таковым, сколько тематикой общения и коммуникативными ситуациями, характерными для разных возрастных групп.

Н. И. Формановская указывает на то, что уровень речевой рефлексии (способности осознавать и контролировать свою речь) варьируется в зависимости от типа речевых единиц [6]. В отношении автоматизированных элементов речи, к которым относятся и слова-паразиты, рефлексия снижена: носители языка, как правило, не замечают собственных речевых автоматизмов, но остро реагируют на аналогичные явления в речи собеседника. И. В. Черкасова подтверждает этот тезис эмпирическими данными: согласно проведённому ей исследованию, 82% опрошенных студентов признают, что слова-паразиты снижают культуру речи, но при этом 72% из них регулярно используют их в собственной речи [7]. Это расхождение между декларируемой позицией и реальным речевым поведением объясняется именно сниженной рефлексией в отношении автоматизированных элементов. С. В. Серебрякова, анализируя дискурсивный маркер «ну», отмечает, что его высокая частотность во всех возрастных группах и множественность функций делают этот маркер наименее стигматизированным среди всех слов-паразитов [5].

Несмотря на значительный объем исследований, посвященных структурно-функциональным характеристикам слов-паразитов, ряд вопросов остается открытым. Во-первых, данные о влиянии возраста на употребление дискурсивных маркеров противоречивы. С одной стороны, существуют исследования, фиксирующие различия между поколениями [7]. С другой стороны, работа Н. В. Богдановой-Бегларян и соавторов [1] показывает, что социальные факторы, включая возраст, не имеют статистически достоверного влияния на частоту дискурсивов. Во-вторых, в литературе отсутствует единая классификация слов-паразитов. Разные исследователи используют различные критерии отбора, что затрудняет сопоставление результатов. С. В. Серебрякова справедливо отмечает, что «ну» по своим функциям принципиально отличается от «блин» или «короче», однако в массовом сознании и во многих работах они объединяются в одну категорию [5]. В-третьих, перспективным направлением представляется изучение динамики отношения к словам-паразитам во времени. Как меняется восприятие одних и тех же единиц у одного человека с возрастом? Как единицы, считавшиеся «паразитами» в одном поколении, становятся нейтральными в следующем? Ответы на эти вопросы требуют лонгитюдных исследований.

Проведенный обзор литературы позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в лингвистической традиции сформировалось устойчивое понимание слов-паразитов как дискурсивных маркеров и речевых заполнителей, выполняющих важные коммуникативные функции. Во-вторых, эмпирические исследования демонстрируют, что наиболее частотными словами-паразитами в молодежной среде являются «типа» (88%), «блин» (72%) и «короче» (65%), при этом 82% респондентов признают, что они снижают культуру речи, но продолжают их использовать [7]. В-третьих, данные о влиянии возраста на употребление дискурсивных маркеров противоречивы: одни исследования фиксируют различия между поколениями [7], другие показывают, что социальные факторы, включая возраст, не имеют статистически достоверного влияния [1]. Слово «ну» занимает особое положение: исследователи выделяют до 12 его функций и отмечают утрату негативной коннотации [5]. Дальнейшее изучение проблемы может быть связано с расширением выборки респондентов, учетом тематики общения как значимого фактора [1], а также с применением методов корпусной лингвистики для анализа реального употребления слов-паразитов в речи разных возрастных групп.

Список источников

1. Богданова-Бегларян, Н. В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: количественные данные / Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко, К. Д. Зайдес // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по матер. ежегодной междунар. конф. «Диалог». – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2021. – Вып. 20 (27). – С. 119–126
2. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – Москва : Русский язык, 1979. – 240 с.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Златоуст, 1999. – 320 с.
4. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – Москва : Наука, 1989. – 186 с.
5. Серебрякова, С. В. Дискурсивный маркер НУ в русском языке / С. В. Серебрякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-1 (66). – С. 152–155.
6. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – Москва : Высшая школа, 1989. – 159 с.
7. Черкасова И. В. Слова-паразиты в речи современной молодежи: лингвистический и социокультурный аспекты / И. В. Черкасова // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13. – № 2. – С. 98–107.

Петров Максим Алексеевич
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» –
филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
г. Макеевка, Россия (ДНР)
Научный руководитель: Свиренко Жанна Сергеевна,
кандидат педагогических наук, доцент

ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется эволюция русского языка от петровских реформ до XXI века, влияние глобализации на лексику, нормы и социальную дифференциацию. Рассматриваются взаимодействие с английским языком, проблема заимствований, языковая безопасность, функционирование русского языка на постсоветском пространстве и в диаспорах. Обосновываются перспективы: цифровая адаптация, нормализация интернет-дискурса и сохранение культурного ядра.
Ключевые слова: русский язык, глобализация, заимствования, языковая норма, интернет-коммуникация, языковая политика, билингвизм.

Petrov M. A.
«Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture» –
a branch of “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,
Makeevka, Russia (Donetsk People's Republic)

Abstract. The article analyzes the evolution of the Russian language from the Peter the Great reforms to the 21st century, examining the impact of globalization on its lexicon, communicative norms, and social differentiation. It explores interaction with English, borrowings, language security, and the functioning of Russian in the post-Soviet space and diaspora. Prospects include digital adaptation, normalization of Internet discourse, and preservation of the cultural core.

Keywords: russian language, globalization, borrowings, linguistic norm, Internet communication, language policy, bilingualism.

EVOLUTION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Вопросы эволюции и перспектив развития русского языка в условиях глобализации принадлежат сегодня к числу наиболее острых не только в лингвистике, но и в культурной, образовательной и политической повестке. Глобализация как многоаспектный процесс экономической, информационной и культурной интеграции неизбежно трансформирует функциональный статус национальных языков. Русский язык, входящий в число мировых языков, занимает в этом процессе особое положение: с одной стороны, он сохраняет значительный коммуникативный потенциал на постсоветском пространстве и в диаспорах; с другой – испытывает беспрецедентное давление со стороны английского как глобального языка-посредника.

Цель исследования – выявить основные векторы эволюции русского языка в эпоху глобализации и определить наиболее вероятные сценарии его дальнейшего развития с учетом современных социокультурных и технологических факторов.

Прежде чем перейти к анализу современных процессов, необходимо кратко охарактеризовать эволюцию русского литературного языка в предглобализационный период. Становление национального русского языка обычно связывают с эпохой Петра I, когда произошла секуляризация письменности и началось активное заимствование западноевропейских терминов из голландского, немецкого и французского языков. Однако подлинное оформление литературных норм завершилось в первой половине XIX века благодаря трудам Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина, который, по словам В. В. Виноградова, «нашел пути органического синтеза книжно-славянской стихии, живой городской и народно-песенной речи» [2, с. 167]. В советский период развитие русского языка определялось двумя разнонаправленными тенденциями: тотальной стандартизацией и идеологизацией языка (канцелярит, аббревиатуры, советизмы) и одновременным расширением его функций как средства межнационального общения в СССР. Именно в этот период русский язык приобрел статус «мирового» не только в политическом, но и в научно-техническом отношении.

С распадом СССР и началом эпохи глобализации (1990-е – 2000-е годы) русский язык оказался в принципиально новой коммуникативной ситуации. Исчезновение «железного занавеса», цифровая революция и доминирование англоязычного интернет-контента привели к лавинообразному потоку англицизмов. Если в XVIII–XIX веках заимствования адаптировались десятилетиями и проходили через фильтр литературной нормы, то в 1990-е годы процесс приобрел стихийный характер. Компьютерная лексика (*браузер, файл, интерфейс*), экономическая (*офшор, дилер, лизинг*), культурная (*промоушн, сингл, ремейк*) буквально за несколько лет вошла в активное употребление. Как справедливо отмечает Л. П. Крысин, «интенсивность заимствований в постсоветский период не имеет аналогов в предшествующей истории русского языка; заимствуются не только отдельные слова, но и целые словообразовательные модели (-инг, -ер) и синтаксические конструкции» [5, с. 92].

Однако было бы упрощением сводить влияние глобализации на русский язык только к лексическим заимствованиям. Гораздо глубже происходят изменения в прагматике и дискурсивных нормах. Англоязычная коммуникативная культура, ориентированная на эксплицитность, неформальность и экономию языковых средств, активно проникает в русскоязычную среду – прежде всего через деловую переписку, интернет-мемы, блоги и рекламу. Традиционное для русского официально-делового стиля сложноподчинение и дистантное расположение частей предложения уступает место парцелляции, номинативным цепочкам и имитации устной речи. Е. В. Клобуков квалифицирует эти изменения как «сдвиг в сторону аналитизма»: «Русский язык, будучи синтетическим по своему типологическому облику, под влиянием английского активно развивает аналитические конструкции в сфере

выражения времени, оценки, модальности» [3, с. 45]. Показательны в этом отношении конструкции типа *«ну, я не знаю»* или широкое распространение частиц-маркеров (*как бы, прямо, реально*), которые выполняют функции, близкие к английским дискурсивным маркерам *like, actually, literally (нравится, на самом деле, буквально)*.

Особого внимания заслуживает вопрос о функционировании русского языка в цифровой среде. Интернет стал не просто каналом коммуникации, но самостоятельной языковой экосистемой со своими нормами, жанрами и правилами речевого поведения. С одной стороны, письменная интернет-коммуникация демократизирует язык: снижается контроль за орфографией и пунктуацией, активно используются неологизмы и игровые формы, стирается грань между монологом и диалогом. С другой стороны, цифровая среда порождает новые риски: клиповое мышление, снижение объема оперативной памяти текста, рост агрессивных речевых практик (троллинг, хейтинг). Исследование интернет-коммуникации показывает, что активная интернет-аудитория демонстрирует устойчивое снижение навыков порождения развернутого связного текста; предпочтение отдается коротким репликам, эмодзи и мемам как самодостаточным единицам коммуникации.

Однако было бы неверно оценивать эти процессы исключительно негативно. Цифровая среда становится также полигоном для языкового творчества и естественного отбора. Многие интернет-неологизмы успешно вписываются в систему языка, заполняя реальные лакуны (*зафолловить, лайкнуть, гуглить*). Кроме того, интернет создает беспрецедентные возможности для фиксации и анализа живой речи: Национальный корпус русского языка и его подкорпусы позволяют отслеживать динамику языковых изменений в реальном времени. По мнению В. М. Алпатова, «цифровая письменность – это не деградация, а смена канала; каждая эпоха вырабатывает свои компромиссы между точностью и скоростью передачи информации» [1, с. 18].

Важнейшим аспектом глобализационной трансформации русского языка является изменение его геополитического и социолингвистического статуса. В постсоветских странах русский язык утратил монопольное положение языка межнационального общения, уступив место государственным титульным языкам (украинский, казахский, латышский и др.). Однако степень его сохранности сильно варьируется. В Беларуси, Казахстане и Кыргызстане русский сохраняет официальный или специальный статус, продолжает функционировать в образовании и СМИ. В странах Балтии и Грузии его позиции, напротив, существенно ослабли. При этом во всем постсоветском регионе сохраняется значительный пласт русскоязычного населения, а сам русский язык продолжает выполнять функцию «культурного моста» – доступа к российскому и мировому научно-техническому знанию. А. А. Кибрик, анализируя языковую ситуацию в бывших советских республиках, отмечает: «Русский язык в них превращается из родного для большинства в родной для меньшинства и второй для значительной части населения; это ведет к развитию разнообразных форм билингвизма и интерференции» [4, с. 18].

Еще более сложная ситуация складывается в дальнем зарубежье. Русскоязычные диаспоры в США, Германии, Израиле и других странах насчитывают миллионы носителей, однако язык в диаспоре подвергается интенсивной эрозии. Уже во втором-третьем поколении наблюдается переход на доминирующий язык окружения, сохранение русского ограничивается бытовой и семейной сферой. В то же время именно диаспоры становятся центрами «консервации» определенных языковых черт, которые в метрополии уже устарели или изменились. Этот феномен – «языковой архипелаг» – активно изучается современной контактной лингвистикой.

Неотъемлемой чертой глобализации является унификация образования и науки. Переход на Болонскую систему, рост академической мобильности и доминирование англоязычных журналов в международных базах данных (Web of Science, Scopus) привели к резкому сокращению публикационной активности на русском языке в естественных и технических науках. По данным А. Е. Кибрика, если в 1990 году доля научных статей на русском языке в мировой науке составляла около 5–6%, то к 2020 году она снизилась до 1–2%

[4, с. 20]. Гуманитарные науки, напротив, в значительной степени сохранили русский как рабочий язык, но и здесь ощущается давление международной англоязычной терминологии.

Эта ситуация порождает сложную дилемму. С одной стороны, отказ от русского в научной сфере ведет к изоляции и потере научной школы. С другой, – попытки сохранить русский как единственный язык науки в условиях глобального рынка знаний оборачиваются снижением цитируемости и международного признания. Компромиссным решением становится развитие научного билингвизма: подготовка публикаций на русском для внутренней аудитории и на английском – для международной. Как отмечает В. М. Алпатов, «язык русской науки не исчезнет, но он неизбежно станет менее универсальным и более специализированным» [1, с. 8–28].

Переходя к перспективам развития русского языка в условиях глобализации, необходимо выделить несколько ключевых сценариев. Первый сценарий – «адаптивная модернизация». Он предполагает дальнейшее углубление текущих тенденций: рост англицизмов, упрощение грамматических структур, дивергенцию устной и письменной речи. При таком сценарии русский язык сохранит высокую коммуникативную мощность, но существенно изменит свой типологический облик, сближаясь с аналитическими языками. Второй сценарий – «неозащитительный» – предполагает активную языковую политику, направленную на сдерживание заимствований, кодификацию норм и поддержку русского как языка науки и культуры. Однако исторический опыт показывает, что жесткое регулирование (как, например, в области «охранительного пуризма» начала XIX века или советской борьбы с космополитизмом) редко бывает эффективным в долгосрочной перспективе.

Наиболее реалистичным представляется третий сценарий – «селективная глобализация». При нем сохраняется открытость международному обмену, но одновременно развиваются механизмы внутренней языковой рефлексии и нормализации. Важнейшими инструментами здесь выступают: а) академические и толковые словари нового типа, фиксирующие не только норму, но и допустимую вариативность; б) развитие цифровой лингвистики и технологий автоматической обработки текста (морфологические анализаторы, корпусные менеджеры); в) государственная поддержка программ по изучению русского языка как иностранного и продвижение русской культуры за рубежом (фонд «Русский мир», Россотрудничество).

Особую роль в реализации этого сценария играет образование. Школа и вуз не могут (и не должны) полностью блокировать влияние глобализации, но они способны сформировать у носителей языка навыки рефлексивного отношения к речи: отличать уместное заимствование от засорения, владеть разными регистрами (от бытового до академического), критически оценивать коммуникативные манипуляции. Как справедливо подчеркивает Л. П. Крысин, «задача современной лингводидактики – не запрещать заимствования, а учить их дозированному и функционально оправданному использованию» [5, с. 187].

Нельзя обойти вниманием и вопрос о статусе русского языка в международных организациях. В ООН, ЮНЕСКО, ШОС, ЕАЭС русский сохраняет официальный или рабочий статус, однако его реальное использование неуклонно сокращается в пользу английского. Для противодействия этой тенденции необходима не только дипломатическая, но и содержательная работа: перевод на русский ключевых международно-правовых документов, обеспечение синхронного перевода, подготовка двуязычных специалистов. Показателен опыт Европейского союза, где, несмотря на доминирование английского, сохраняется режим официального многоязычия. Русский язык в постсоветских интеграционных объединениях мог бы выполнять аналогичную функцию.

Наконец, важнейшим фактором развития русского языка в условиях глобализации остается его культурная привлекательность. Русская литература XIX–XX веков, театр, кинематограф, академическая музыка создали мощный культурный капитал, который продолжает работать на язык. Однако одного культурного наследия недостаточно. Необходимо производство новых смыслов на русском языке – в литературе, науке, публицистике, интернет-мемах, видеоблогинге. Язык жив настолько, насколько он

востребован для решения новых коммуникативных задач. Как метко заметил Н. С. Трубецкой, «не язык сам по себе, а творческая личность в языке определяет его историческую судьбу» [7, с. 129].

Особого внимания в контексте перспектив развития заслуживает проблема формирования языковой идентичности в условиях глобализации. Русский язык сегодня перестаёт быть исключительно маркером этнической принадлежности – он всё чаще выступает как инструмент культурной самоидентификации, «мягкой силы» и межпоколенческой связи. В этой связи необходима системная работа по поддержке русского языка не только как учебного предмета, но и как языка повседневной жизни, профессиональной реализации и цифрового творчества. Исследования показывают, что в тех сообществах, где русский язык сохраняется как язык семьи и неформального общения (например, в некоторых диаспорных группах или в сельской местности постсоветских стран), процессы языковой эрозии замедляются, а билингвизм приобретает устойчивый и сбалансированный характер. Это означает, что эффективная языковая политика должна сместить акцент с запретительных мер на создание позитивной мотивации к использованию русского языка: развитие доступного русскоязычного контента (включая научно-популярный и образовательный), поддержку русскоязычных медиа и сообществ в цифровой среде, а также поощрение двуязычного образования, не вытесняющего, но дополняющего национальные языки. Без такого комплексного подхода даже самый богатый культурный капитал рискует остаться невостребованным у молодых поколений, для которых язык – это прежде всего живой инструмент коммуникации, а не музейный экспонат.

Таким образом, эволюция русского языка в условиях глобализации представляет собой сложный, противоречивый и неравномерный процесс. С одной стороны, язык испытывает мощное давление со стороны английского, теряет позиции на постсоветском пространстве и в науке, трансформируется под влиянием интернет-коммуникации. С другой, – сохраняет высокую адаптивность, богатство выразительных средств и огромный культурный капитал. Перспективы его развития зависят не столько от запретительных мер, сколько от способности общества и государства создать условия для осмысленного, ответственного и творческого использования языка во всех сферах – от бытовой переписки до академического дискурса. Русский язык не исчезнет и не превратится в «англо-русский пиджин», но его дальнейшее существование потребует сознательных усилий от носителей, лингвистов, педагогов и политиков. В этом смысле глобализация выступает не только как вызов, но и как стимул для рефлексии над тем, что значит «владеть русским языком» в XXI веке.

Список источников

1. Алпатов, В. М. Языковая политика в современном мире / В. М. Алпатов // Научный диалог. – 2013. – № 5(17) : Филология. – С. 8–28.

2. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков / В. В. Виноградов. – 3-е издание. – Москва : Высшая школа, 1982. – 528 с.

3. Клобуков, Е. В. Аналитические тенденции в современном русском языке / Е. В. Клобуков // Вопросы языкознания. – 2018. – № 2. – С. 41–58. источник не найден

4. Кибрик А.А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. – 2020. – № 1. – С. 17–28.

5. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

6. Липатов, А. Т. Русский язык в цифровой среде : динамика и нормы / А. Т. Липатов. – Казань : Издательство Казанского университета, 2022. – 312 с.

7. Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 114–135.

Пономаренко Татьяна Евгеньевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Пономаренко Ольга Павловна,
кандидат философских наук, доцент

СЛЕНГ КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ПОКОЛЕНИЙ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПОЛВЕКА

Аннотация. Сленг выступает как своеобразное «зеркало» эпохи, отражающее смену культурных кодов и ценностных ориентиров. В статье представлен сравнительный анализ сленговых слов поколений «отцов и детей» через контекст исторических и культурных изменений, повлиявших на мировоззрение и принципы молодёжи. Проведенное исследование демонстрирует, что анализ сленговых единиц позволяет проводить культурологический анализ для выявления особенностей в одежде, поведении, общении представителей той или иной субкультуры или социальной группы.
Ключевые слова: сленг, культура, ценности, русский язык, поколения.

Ponomarenko T. E.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. Slang acts as a kind of "mirror" of the era, reflecting the change of cultural codes and value orientations. The article presents a comparative analysis of slang words used by the «fathers and children» generations in the context of historical and cultural changes that have influenced the worldview and principles of young people. The study demonstrates that analyzing slang units allows for cultural analysis to identify the characteristics of clothing, behavior, and communication between members of a particular subculture or social group.
Keywords: slang, culture, values, Russian language, generations.

SLANG AS A MIRROR OF THE EPOCH: COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICALMARKERS OF GENERATIONS OVER THE LAST HALF-CENTURY

В реалиях нашей современности сложно представить себе русский язык без сленга. Это достаточно широкое понятие включает в себя ряды всевозможных явлений, используемых носителями из разных побуждений и точно отражающих людей, события и предметы в определенный период времени.

Прежде чем проводить сравнительный анализ сленговых слов, использовавшихся ранее, и тех, что продолжают употребляться в настоящее время, следует обратиться к терминологическому определению понятия «сленг». Вариаций трактовок этого понятия встречается достаточно много. Приведем здесь лишь несколько примеров. Так, датский лингвист, педагог и писатель Отто Есперсен ещё в 1925 году писал, что сленг – это форма речи, «которая обязана своим происхождением желанию человеческой особи отклониться от обычного языка, навязанного нам обществом» [4, с. 149]. Сленг является результатом свойственного человечеству «желания позабавиться» [Там же, с. 151]. Из этой характеристики следует, что акцент в описании сленга исследователь делает на его независимости, обособленности от принятого литературного эталона, желании его носителей, в основном молодёжи, выделиться в окружающей их обстановке, блеснуть умом и остроумием среди «своих», выразить свое отношение к чему-либо или передать эмоциональное состояние.

Российский лингвист Эда Моисеевна Береговская определяла сленг как подсистему языка, инструмент, с помощью которого может происходить объединение определённой

категории людей в замкнутые общности, что неизбежно ведёт за собой отдаление друг от друга носителей сленга разных возрастных категорий. При этом в различных социальных, временных и пространственных условиях у носителей складывается определенный взгляд на мир [1, с. 40]. Соответственно, можно говорить о том, что сленговые единицы функционируют только внутри конкретных социальных групп и отражают с их помощью настроения современных людей (см., например, [5, с. 67]). Подчеркнём, что при рассмотрении взаимодействия носителей этих групп подразумевается не только непосредственная коммуникация, но и общение в онлайн-пространстве, где особенно много места для креативного самовыражения молодых людей с их оригинальной подачей любой информации, особенно «лайф» формата.

Немаловажной чертой молодежного сленга, дополняющей вышеназванные характеристики, является быстрая изменчивость его лексики. Каждое новое поколение молодежи создает свой уникальный словарный запас, который постоянно подвергается изменениям: уже существующие слова устаревают и уступают место новым лексемам. Зависит это от многих факторов, от политических до историко-культурных.

Рассмотрим приведенную ниже таблицу со сравнительным анализом популярных сленговых слов разных поколений (слова распределены по тематическим группам). Материалом исследования послужили данные словарей молодежного сленга Ф. И. Рожанского, Т. Г. Никитиной, а также контент-анализ комментариев в социальных сетях [3, с. 40].

Таблица.

Сравнительный анализ популярных сленговых слов разных поколений

Тематические группы	Сленг 70-х – 90-х (хиппи, фарцовщики, готы)	Сленг 2010-х – 2020-х (зумеры, интернет-среда)
коммерция	грины (доллары США), прайс (деньги), максать (платить).	кэш (наличные), прайс (цена), донат (пожертвование в онлайн-среде).
характеристика человека	фирмач (иностранец), цивилы (люди вне субкультуры), пипл (люди, свои).	краш(человек, который нравится), юзер (пользователь), айтишник (специалист), геймер (игрок).
одежда / аксессуары	шузы (обувь), феньки (плетеные браслеты), хайратник (лента для волос), анкх (украшение).	шмот (одежда), лук (образ), юзаный (поношенный), оверсайз (объемная одежда).
внешние факторы	фарцá (нелегальная торговля), система (сообщество хиппи), вписка (место для ночлега/тусовки), сейшн (музыкальная вечеринка).	вписка (вечеринка или место её проведения), движ (активность, тусовка), стрим (прямая трансляция), мем (вирусная картинка или идея).
действия	зависать (отдыхать), задринчить (выпить), накнокать (настучать, предать), аскать (попрошайничать), покемарить (поспать), тырить (воровать).	агриться (злиться), байтить (провоцировать), флексить (танцевать), шеймить (стыдить), рофлить (зло подшучивать), чекать (проверять), ливнуть (уйти).

Тенденция к использованию сленга в русском языке получила широкое распространение к концу 1970-х – началу 1980-х гг. Связано это было с возросшей тогда популярностью английского языка и американской культуры среди молодежи – многие молодые люди стали представителями субкультуры хиппи, или, как еще называли таких людей, хиппующими. Именно они активно использовали в повседневной речи англицизмы, пытаясь подражать ставшему тогда модным иностранному стилю поведения. Примеры брали с героев зарубежных фильмов в исполнении Алена Делона, Арнольда Шварценеггера, Сильвестора Сталоне и др. и звёзд музыкальной поп-культуры, таких как Адриано Челентано,

Карел Готт, музыкантов групп «The Beatles», «АББА» и т. д.

Источниками заимствований для сленга становились также и слова определенных социальных групп и субкультур: фарцовщиков, стиляг, уголовников, байкеров, готов и другие. Сленг становился дополнением образа, неотъемлемой частью того или иного представителя культурного или социального сообщества.

Употребляли сленг и продолжают его использовать по нескольким причинам.

Во-первых, это способ определить «свой»/«чужой». Это желание обособиться, отделиться от окружающих и существовать в своём тесном мире, что, однако, создает ещё большую пропасть между людьми разных поколений и мировоззренческих взглядов.

Во-вторых, сленг – это инструмент для выражения своего отношения к чему-либо и эмоционального состояния. Для молодых людей, которые ещё достаточно непосредственны и открыты ко всему, важно высказываться, получать отклик и поддержку. Для них ценно слышать одобрение сверстников, быть востребованными, лучшими. Также это желание просто позабавиться, сострить, продемонстрировать своё чувство юмора, привлечь внимание к ситуации, развлечься, создать непринужденную, дружественную атмосферу.

Сленг современной молодежи обусловлен схожими условиями и причинами происхождения: непрерывное обновление тематических групп, сменяемость лексических пластов, а также изменение функциональной направленности лексикона молодого поколения. Но есть и отличительные особенности, факторы, которые повлияли на появление совершенно новых групп сленговых слов:

1. Пик развития социальных сетей, активная цифровизация и её влияние на все общественные сферы. Например, геймер (от англ. gamer), браузер (от англ. browser), коннект (от англ. connecting – соединение), юзер (англ. user – пользователь).

2. Культурная глобализация, копирование манеры поведения, стиля, ценностей чужой культуры. Это обусловлено свободным доступ к музыке, фильмам, онлайн-трендам и другим сферам. Сюда можно отнести такие слова, как спойлер (от spoil – портить) – преждевременно раскрытая информация, мем – картинка с текстом, описывающая жизненную ситуацию или реальное событие, аттач – прикрепляемый файл; админ – администратор; инсталлировать – устанавливать какую-либо программу; айтишник – специалист в области информационных технологий; серфить – просматривать Интернет в поисках информации.

3. Намеренное сокращение, упрощение слов для более быстрого и четкого выражения своих мыслей. Например, такие сленговые слова чаще всего употребляются на просторах интернета, в социальных сетях, где используются в мемах и коротких видеороликах: батл – соревнование, хейтить – унижать, краш – человек, который нравится, кикнуть – удалить, выгнать или исключить кого-либо, рофл – шутка, прикол, вайб – атмосфера, настроение, изи – легко, без труда.

Если раньше можно было без особого труда определить к какой субкультуре или направлению относится молодой человек, потому что те или иные сленговые слова использовались только в узком кругу людей, то сейчас эту дифференциацию выявить намного сложнее, так как «групп по интересам» стало значительно больше и все они функционируют в основном на просторах интернета, из-за чего рамки стираются окончательно и сленг становится «общим». Но настолько ли это плохо или критично?

Учитывая темп жизни в современной реальности, действительно всё сложнее успевать за новыми трендами, постоянно появляющимися словами и выражениями. Если некоторым молодым людям – зумерам, это не всегда под силу, то что говорить о более старших поколениях. Разный темп потребления информации в какой-то степени действительно создает преграду между «отцами и детьми», где одни говорят на своём языке, а вторые просто не успевают его выучить.

Еще одна проблема, которая возникает в связи с частым использованием сленга, это снижение языковой компетентности его носителей. Когда тенденция к замене англоязычными словами настолько повсеместна и масштабна, что некоторые молодые люди, которые ежедневно встречаются с такими словами и используют их в своей речи, даже не могут по-

русски объяснить, что значит то или иное сленговое выражение.

Однако не стоит делать поспешных выводов и начинать повсеместно запрещать использование сленга. Это довольно естественный процесс в системе языка. С помощью сленга молодёжь выражает своё мнение, взгляд на мир и эмоциональное состояние. Это хороший инструмент для создания трендов и отражения различных процессов. Благодаря сленгу мы можем анализировать культуру России с конца 1970-х вплоть до наших дней, выявлять общие и отличительные черты, проводить параллели. Сленг – это яркий маркер, который дает место творчеству и самовыражению. Это неотъемлемая часть нашего культурного кода, с помощью которого можно открывать самые сложные замки, объясняя закономерности развития различных поколений.

Список источников

1. Береговская, Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32–41.

2. Захарова, Л. А. Словарь молодежного сленга. Учебно-методическое пособие / Л. А. Захарова, А. В. Шуваева // Издательский Дом. ТГУ, 2014. – 126 с.

3. Рожанский, Ф. И. Сленг хиппи / Ф. И. Рожанский. – Санкт-Петербург. – Париж : Издательство Европейского дома, 1992. – URL: https://web.archive.org/web/20071006083938/http://www.philology.ru/linguistics2/rozhansky-92.htm (дата обращения: 22.04.2026).

4. Jespersen, O. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view / O. Jespersen. –Oslo : Aschehoug, 1925. – 221 p.

5. Partridge, E. Slang Today and Yesterday / E. Partridge. – London : Routledge and Kegan Paul Ltd, 1979. – 258 p.

Русинова Елена Николаевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Марьина Ольга Викторовна
доктор филологических наук, доцент

СИТУАТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ТАКТИК ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ситуативного использования речевых тактик при обучении русскому языку как иностранному. На основе функционально-прагматической классификации (аргументативные, манипулятивные, эмпатические тактики) анализируется их реализация на уровнях владения языком от А1 до В2. Выявляется эволюция тактик: от простых этикетных формул на начальном этапе до стратегического управления коммуникацией на продвинутом. Предлагается система уровнево-ориентированных заданий для формирования коммуникативной компетенции инофонов.

Ключевые слова: речевые тактики, русский язык как иностранный, коммуникативная компетенция, уровни владения языком, аргументация, эмпатия, обучение РКИ.

Rusinova E. N.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the features of the situational use of speech tactics in teaching Russian as a foreign language. Based on the functional-pragmatic classification (argumentative, manipulative, empathic tactics), the analysis covers their implementation across proficiency levels from A1 to B2. The study reveals the evolution of speech tactics: from simple etiquette formulas at the elementary level to strategic communication management at the advanced level. A system of level-oriented exercises is proposed to develop the communicative competence of foreign students.
Keywords: speech tactics, Russian as a foreign language, communicative competence, language proficiency levels, argumentation, empathy, teaching RFL.

SITUATIONAL USE OF SPEECH TACTICS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В условиях глобализации русский язык продолжает оставаться средством международного общения, что обуславливает интерес к изучению его как иностранного. В настоящее время русским языком за пределами России владеют около 20 миллионов человек; его изучают более чем в 90 странах [9, с. 4]. Методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) стремится не только к формированию лексической и грамматической компетенций, но и к развитию коммуникативной компетенции обучающихся. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью изучения коммуникативных аспектов образовательного процесса и значимостью формирования у инофонов умения адаптировать свою речь к различным ситуациям общения.

Цель исследования – выявление особенностей применения речевых тактик с точки зрения их частотности, функциональной нагрузки и распределения по уровням владения языком. Объект – изучение русского языка как иностранного. Предмет – особенности применения различных речевых тактик учащимися (инофонами) и педагогами в контексте уроков РКИ.

Научная новизна заключается в комплексном анализе применения речевых тактик на уровнях А1–В2, что выявляет специфику их функционирования на каждом этапе обучения. Уровни С1 и С2 не рассматриваются, так как они предназначены для подготовки специалистов-филологов и переводчиков, владеющих русским языком на уровне, близком к носителю [8].

Речевая (коммуникативная) тактика – это речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа [7, с. 246–247]. Дж. Остин разработал модель речевого акта, которая предполагает наличие трёх уровней: локутивного, иллокутивного и перлокутивного [5, с. 108–120]. В качестве приоритетной для нашего исследования была избрана функционально-прагматическая классификация, основанная на доминирующей коммуникативной цели и выделяющая аргументативные, манипулятивные и эмпатические тактики.

Анализ материала показал, что на начальных этапах (А1-А2) ключевое место занимают эмпатические тактики. На элементарном уровне (А1) основными проявлениями эмпатических тактик являются использование стандартных формул речевого этикета: приветствие («Здравствуйте!», «Добрый день!»), выражение любезности («Очень приятно»), прощание («До свидания!», «Пока!») [3, с. 175]. На базовом уровне (А2) лексический минимум составляет около 1300 единиц, речевой этикет включает формулы «Приятного аппетита!» или «Спокойной ночи!» [6, с. 115]. Манипулятивные тактики на уровне А2 встречаются в учебных материалах, например, высказывание: «Я согласен на «Сапсан», если вы купите мне билет».

На первом сертификационном уровне (В1) объём лексического минимума составляет 2300 единиц [3, с. 4]. Аргументативные тактики становятся центральным инструментом

коммуникации. Учебные пособия, такие как УМК «Жили-были. Базовый уровень», включают задания: «Объясните, как вы понимаете следующие выражения: старый друг лучше новых двух; не имей сто рублей, а имей сто друзей» [4, с. 15]. На втором сертификационном уровне (В2) речевые тактики приобретают стратегический характер. Учебное пособие «В Россию с любовью» в разделе «ПОСПОРИМ» включает задания, в которых студенту предлагается выбрать из двух противоположных мнений наиболее близкое и аргументированно его отстаивать [1, с. 24–134].

Обсуждение результатов подтверждает, что стиль педагогического общения является определяющим фактором выбора речевых тактик. Демократический стиль, для которого характерны уважение и доверие к воспитанникам, предполагает использование эмпатических речевых тактик [2]. Речевые тактики являются не дополнительным, а базовым элементом педагогической методики. Их включение в процесс изучения РКИ позволяет преодолеть разрыв между знанием языка и умением его использовать в реальных ситуациях общения.

Проведённое исследование позволило установить, что характер, функции и степень сложности применения речевых тактик эволюционируют в соответствии с ростом языковой компетенции учащихся: от этикетных формул на А1 до стратегического управления коммуникацией на В2. Обучение речевым тактикам должно быть системным, уровневым и ситуативно ориентированным. Эффективное овладение ими позволяет инофону успешно участвовать в социально-бытовом, учебном и профессиональном взаимодействии на русском языке, что подтверждает актуальность и практическую значимость их целенаправленного формирования в процессе обучения РКИ.

Список источников

1. Аникина, М. Н. В Россию с любовью. Начинаем изучать русский : учебное пособие по русскому языку / М. Н. Аникина. – 7-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык-Медиа ; Дрофа, 2008. – 144 с.

2. Дохина, Н. В. Стили педагогического общения и его виды / Н. В. Дохина. – URL: https://rubinstein.music.mos.ru/upload/medialibrary/b4a/_-_._._-_-_-_.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

3. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина [и др.]. – 7-е изд. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. – 200 с.

4. Миллер, Л. В. Жили-были... 12 уроков русского языка. Базовый уровень : учебник / Л. В. Миллер, Л. В. Политова. – 7-е изд. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. – 200 с.

5. Остин, Дж. Л. Как делать вещи с помощью слов / Дж. Л. Остин // Избранное. – Москва : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2001. – С. 108–120.

6. Русский язык. 5 класс : методическое руководство к учебнику 5 класса «Русский язык как иностранный» для школ среднего общего образования с узбекским и другими языками обучения / Т. А. Шорина, М. К. Шаряева, З. А. Исакжанова ; под науч. ред. Е. А. Хамраевой. – Ташкент, 2021. – 144 с.

7. Сковородников, А. П. Коммуникативные стратегии и тактики / А. П. Сковородников // Эффективное речевое общение: базовые компетенции : словарь-справочник. – Красноярск : Издательство Сибирского федерального университета, 2012. – С. 246–247.

8. Уровни владения русским как иностранным языком. – URL: https://www.rudn.ru/education/rki/testing (дата обращения: 20.03.2026).

9. Чеснокова, М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб.пособие / М. П. Чеснокова. – 2-е изд. – Москва : МАДИ, 2015. – 132 с.

Мкртчян Ани Григорьевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ТРЕХЪЯЗЫЧНЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ БЬЮТИ-СФЕРЫ КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация. Рассматриваются лингводидактические принципы создания трёхъязычного терминологического словаря бьюти-сферы, ориентированного на обучение китайских специалистов. Особое внимание уделяется метаязыковой функции английского компонента как терминологического инварианта, структурирующего профессиональное сознание. На основе данных опроса участников Кантонской выставки обоснована необходимость ресурса для преодоления лексико-прагматических барьеров. Представлена проектная модель двухуровневой структуры словаря, потенциально интегрируемой в программу профессиональной подготовки с учётом психологических особенностей обучающихся.
Ключевые слова: трёхъязычный словарь, бьюти-индустрия, метаязык, профессиональная коммуникация, обучение РКИ, кросс-культурный этикет, педагогическая лексикография, языковая тревожность.

Mkrtchan A. G.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines linguodidactic principles of creating a trilingual terminological dictionary for the beauty industry, aimed at training Chinese specialists. Particular attention is paid to the metalinguistic function of the English component as a terminological invariant structuring professional consciousness. Based on survey data from the Canton Fair, the necessity of the resource for overcoming lexico-pragmatic barriers is substantiated. A projected two-level dictionary model, potentially integrable into a professional training program with consideration of learners' psychological characteristics, is presented.
Keywords: trilingual dictionary, beauty industry, metalanguage, professional communication, TFL teaching, cross-cultural etiquette, pedagogical lexicography, language anxiety.

A THREE-LANGUAGE TERMINOLOGICAL DICTIONARY OF THE BEAUTY INDUSTRY AS A DIDACTIC RESOURCE FOR TEACHING CHINESE SPECIALISTS

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием российско-китайского сотрудничества в сфере индустрии красоты и образовательного туризма. Китай является основным поставщиком оборудования для бьюти-индустрии в Россию, а российские методики обучения высоко оцениваются китайскими мастерами. Однако практическое внедрение программ и локализация продукции сталкиваются с лексико-терминологическим и прагматическим рассогласованием. Эмпирическая база исследования формировалась в ходе полевого опроса участников Кантонской международной выставки индустрии красоты в марте 2026 года. Результаты показали, что 92% респондентов сталкиваются с трудностями при чтении инструкций к оборудованию, 78% отмечают проблемы в обучении китайских специалистов, а 95% выразили готовность использовать цифровой трёхъязычный ресурс в профессиональной деятельности. Эти данные объективируют необходимость разработки словаря, позиционируемого не как статичный справочник, а как инструмент формирования профессиональной коммуникативной компетенции.

Объектом исследования выступает профессиональная терминология индустрии красоты в аспекте межкультурной коммуникации. Предметом исследования являются

лингводидактические принципы создания цифрового трёхъязычного ресурса для специалистов бьюти-сферы. Цель работы заключается в научном обосновании структуры и наполнения словаря, способного интегрироваться в базовое и профильное обучение китайских обучающихся. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые для данной отрасли разрабатывается учебный словарь с чётко выраженной педагогической направленностью, где английский компонент вводится не как параллельный перевод, а как функциональный метаязык, снижающий семантическую и терминологическую интерференцию. Кроме того, этикетно-прагматические нормы интегрируются непосредственно в структуру словарной статьи на основе данных сопоставительной лингвокультурологии. В изучении иностранного языка перспективным и продуктивным становится формирование и развитие коммуникативной компетенции [2].

Теоретико-методологическую основу работы составили системно-синергетическая модель описания иноязычной лексики и принципы педагогической лексикографии. Ключевой структурной особенностью разрабатываемого словаря является метаязыковая роль английского компонента. В современной бьюти-индустрии английский выступает не просто языком перевода, а терминологическим инвариантом и источником номинации новых технологий. Для лексики бьюти-сферы свойственны интенсивное обновление словарного запаса и активное пополнение за счёт иноязычных элементов, основным источником которых выступают английский и французский языки [1, с. 396–397]. Как отмечают исследователи, лексика бьюти-сферы в русском языке характеризуется высокой долей англицизмов (порядка 40%), многие из которых находятся на начальных стадиях ассимиляции и демонстрируют графическую, фонетическую и словообразовательную вариативность. В дидактической модели словаря английский компонент выполняет три научно обоснованные функции. Во-первых, этимологический маркер позволяет обучающемуся отследить семантическую мотивацию термина (например, highlighter – рус. хайлайтер / кит. 高光 «высокий свет»), формируя устойчивую мнемоническую связь. Во-вторых, семантический стабилизатор фиксирует исходное значение в условиях синонимической вариативности: английский эквивалент primer дифференцирует рус. база / основа / праймер, предотвращая гиперонимическую путаницу. В-третьих, когнитивный мост обеспечивает терминологический инвариант для специалистов, использующих английский как профессиональный лингва-франка, что снижает интерференционные ошибки при прямом китайско-русском переводе. Таким образом, английский компонент структурирует терминологическое поле, формируя у китайских обучающихся логико-иерархические связи между понятиями.

Словарь проектируется в соответствии с принципами педагогической лексикографии как двухуровневый учебный ресурс, адаптированный под этапы профессиональной подготовки. Базовый модуль (уровень A1-A2 РКИ) включает высокочастотную лексику с обязательной транскрипцией, визуализацией и контекстуальными примерами. Особое внимание уделено интеграции лингвокультурного компонента: блок «Речевой этикет» содержит формулы приветствий, корректные обращения, невербальные маркеры (дистанция, зрительный контакт, уместность улыбки). Профильный модуль ориентирован на студентов, переходящих к освоению специальных дисциплин. Термины сгруппированы по семантическим полям («Декоративная косметика», «Уходовые процедуры», «Техники нанесения»). Каждая статья содержит компонентный анализ значения, стилистические пометы, синонимические ряды с указанием функциональной дифференциации, а также типовые профессиональные диалоги. Подобная структура позволяет реализовывать принцип учёта родной культуры адресата, превращая словарь в активный тренажёр межкультурной компетенции.

Интеграция этимологических и этикетных данных в словарь обусловлена фундаментальными различиями в речевом поведении. Как показывают исследования, этикетные нормы в русской лингвокультуре в отличие от китайской менее детализированы, обладают меньшей степенью связи с конкретной ситуацией; с другой стороны, китайские нормы имеют более табуированный характер по сравнению с русскими. В профессиональной

среде бьюти-индустрии это проявляется в формулировке рекомендаций, выборе обращений, допустимости вопросов о типе кожи или возрасте клиента. Игнорирование этих различий ведёт к коммуникативным сбоям. Словарь предупреждает подобные риски, сопровождая вербальные формулы комментариями о невербальном сопровождении и культурных коннотациях, что полностью соответствует требованиям современной методики обучения РКИ.

Особое значение в проектировании словаря имеет учёт психологических особенностей китайских обучающихся. Как отмечается в исследованиях, студенты из культур с высокой оценкой академического успеха и строгими нормами вербального поведения (например, из Китая) особенно ярко проявляют языковую тревожность: ошибки воспринимаются ими не как естественный этап обучения, а как личное поражение, что ведёт к молчанию, избеганию участия и даже к отказу от продолжения курса. В связи с этим словарь включает элементы психологической поддержки: визуализацию терминов, аудиопроизношение, систему пошаговых заданий с позитивной обратной связью. Подобный подход способствует созданию «зоны психологического комфорта» и снижению фрустрации при освоении профессиональной лексики.

Практическая значимость ресурса определяется его потенциальной интеграцией в программу профессиональной подготовки китайских специалистов. Уже на этапе сбора материалов словарь демонстрирует прикладную ценность: для преподавателей РКИ – готовый материал для модулей профессиональной лексики; для китайских обучающихся – снижение языкового барьера при обучении бьюти-специальностям; для бизнеса – основа для адаптации инструкций и маркетинговых текстов при экспорте косметики и оборудования. Конечная цель создания ресурса заключается в формировании компетенции как динамической системы профессионального саморазвития, ориентированной на потребности конкретного студента, а не как статичного набора знаний и умений [3, с. 52]. В перспективе рассматривается цифровизация ресурса (мобильное приложение с аудио-произношением и распознаванием изображений), интеграция в онлайн-курсы и расширение модели на смежные семантические поля («Медицинская косметология», «Парикмахерское искусство»). Цифровые инструменты, по мнению исследователей), позволяют персонифицировать обучение и снизить давление «групповой нормы», что особенно важно для работы с разнородной аудиторией.

Таким образом, трёхъязычный терминологический словарь бьюти-сферы представляет собой динамичный лингводидактический проект, отвечающий на запросы современной практики обучения РКИ китайских специалистов. Метаязыковая роль английского компонента, учёт культурно-обусловленных норм коммуникации, интеграция психолого-педагогических принципов и ориентация на реальные потребности индустрии позволяют рассматривать словарь не как пассивный справочник, а как инфраструктурный элемент российско-китайского профессионального диалога. Дальнейшее исследование направлено на апробацию цифрового прототипа, сбор количественных данных об эффективности усвоения лексики и разработку методического сопровождения для потенциального внедрения в образовательные программы.

Список источников

1. Агеева, А. В. Функционал и семантика иноязычной лексики бьюти-сферы в современном русском языке / А. В. Агеева, Л. Р. Абдуллина, Н. В. Габдреева // Русистика. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 393–405.

2. Маркина, П. В. Использование страноведческой информации при развитии проекта коммуникативной компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному в иноязычной среде обучения / П. В. Маркина, С. В. Филиппов // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4(83). – С. 51–54.

3. Маркина П. В. Формирование компетенции преподавателя русского языка как иностранного через осмысление трудностей китайских студентов / П. В. Маркина, О. В. Беспалова // Глобальный научный потенциал. – 2026. – № 2–1(179). – С. 98–101.

Шишкова Валерия Евгеньевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Косых Елена Анатольевна,
кандидат филологических наук, доцент

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ В БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ №7

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-грамматические особенности берестяной грамоты № 7 (Новгород, XII–XIII вв.), перевод которой остаётся дискуссионным. Актуальность связана с уточнением содержания и восполнением лакун в исторической лексикографии. Сопоставлены два варианта членения текста, выявлены проблемные зоны: вариативность сегментации, диалектные черты, гапаксы. Предложено прочтение, не требующее реконструкций. Результаты могут применяться при комментировании берестяных грамот.
Ключевые слова: берестяные грамоты, древненовгородский диалект, членение текста, гапаксы.

Shishkova V. E.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the lexico-grammatical features of birchbark letter No. 7 (Novgorod, 12th–13th centuries), whose translation remains debatable. The relevance stems from the need to clarify its content and fill gaps in historical lexicography. Two variants of word segmentation are compared; problematic areas are identified: segmentation variability, dialectal features, and hapaxes. A reading that requires no reconstruction is proposed. The results may be applied to the commentary of birchbark letters.
Keywords: birchbark letters, Old Novgorod dialect, word segmentation, hapaxes.

IDENTIFICATION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL FORMS IN BIRCHBARK LETTER NO. 7

Берестяные грамоты являются уникальным источником информации по истории русского языка, экономике и повседневной жизни средневекового Новгорода. Среди них особое место занимают тексты, до сих пор не получившие однозначного перевода из-за фрагментарной сохранности, неясного членения на слова и присутствия лексем, не зафиксированных в нормативных словарях древнерусского языка. К таким памятникам относится и берестяная грамота № 7 (далее – Гр. 7), найденная в 1951 г. и датируемая последней четвертью XII – первой четвертью XIII в. (предпочтительно не ранее конца XII в.) [2, с. 191]. В настоящей статье предпринята попытка уточнить содержание грамоты путём альтернативного членения текста на слова и идентификации его лексико-грамматических форм. Актуальность исследования определяется необходимостью восполнения лакун в диалектной и исторической лексикографии, а также важностью критического сопоставления интерпретаций. Цель работы – выявить лексические и грамматические особенности Гр. 7, опираясь на два варианта прочтения: традиционный и авторский. Объектом выступает сама берестяная грамота в её известной публикации,

предметом – лексические и грамматические явления, влияющие на семантическую интерпретацию. Новизна заключается в том, что предлагается вариант прочтения, не требующий реконструкции предполагаемых фрагментов, и впервые системно сопоставляются два подхода к сегментации спорного отрезка.

Теоретической основой послужили работы А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова [1], М. А. Бобрик [2], А. А. Гиппиуса [3], Д. Г. Демидова [4], А. А. Зализняка [5], а также справочник под редакцией Я. Н. Щапова [6].

Воспроизведём текст Гр. 7 в нормализованной орфографии по публикации [1, с. 36–38] и с учётом последующих уточнений:

…сочита оу короман…

…сороке лисичь сороке…

…ко осмь шесть бьбороко…

Традиционное прочтение, представленное А. А. Зализняком, восстанавливает утраченные буквы и даёт перевод, существенно опирающийся на конъектуры: «…сочита оу Короман(а) … (гри)вьно сороке лисичь соро(ке) … ко осмь шесть бьбороко» – «сосчитайте у Коромана… гривну, сорок лисиц, сорок… к восьми [прибавьте] шесть бобров» [4, с. 139, 452]. В этом варианте глагол *сочита* трактуется как императив 2 л. мн. ч. от *сочити* ‘искать, разыскивать; подсчитывать’ [5, с. 237]. Данная версия вводит в текст денежную единицу *гривьно*, восстанавливая целых три буквы – «гри» – на месте только двух начальных – «вь». А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров в первом издании предлагали иное восстановление – «(су)кьно», т. е. сукно [1, с. 36–37]; они же рассматривали *сочита* как форму двойственного числа повелительного наклонения. В то же время Д. Г. Демидов интерпретирует *сочита* как аорист от глагола *съчитати* (‘сосчитали’), подчёркивая, что аорист был общерусской формой прошедшего времени, хорошо известной новгородцам, хотя в деловых грамотах чаще встречаются императив или настоящее время [3, с. 44]. Обе грамматические трактовки – и императив, и аорист – не противоречат контексту подсчёта, однако морфологическая неоднозначность остаётся.

Что касается личности Коромана, то на данный момент у исследователей нет единого мнения о том, кем именно он был. По мнению А. А. Гиппиуса, имя Короман может иметь тюркское происхождение, что не является чем-то необычным для древнего Новгорода. В документе он выступает в роли человека, с которого сборщики податей должны были взыскать долг [3].

Предлагаемый вариант членения основывается на отказе от реконструкции и на ином прочтении спорного стыка букв. Текст делится следующим образом:

сочита оу короман кь но сороке лисичь сороке ко осмь шесть бьбороко

Перевод: «Сосчитайте у Коромана… к нынешним сорока́м лисьим, [ещё] сорок… к восьми [добавьте] шесть бобров». Таким образом, всё сводится к натуральному учёту пушнины, а денежная единица не упоминается.

Рассмотрим основные проблемные зоны.

Первая зона – членение сочетания букв после *оу короман*. Традиционно усматривается начало слова *гривьно* (либо *сукьно*, как в первом издании), для чего необходимо восстановить несколько букв. В нашем варианте это **кь но**, т. е. предлог *къ* и форма *но*, которую мы интерпретируем как дат. пад. мн. ч. от местоимения *нъ* ‘тот, этот’ либо как редуцированную форму от *нънѣ* ‘ныне’. Аналогичное употребление предлога *къ* с дательным падежом для указания на прибавление широко распространено в деловой письменности: *къ темъ сорокомъ лисичь*. Графически такое чтение не требует постулирования отсутствующих букв и согласуется с реальными следами чернил, где видны лишь вертикальные штрихи, допускающие как «вьно», так и «кь но».

Вторая зона – форма **сороке**. В традиционном прочтении она считается либо местным падежом ед. ч. счётного существительного *сорокъ*, либо восстанавливается *соро(ке)* как дат. пад. того же слова. В нашей интерпретации первое *сороке* – дат. пад. мн. ч. (к сорокам), а

второе – вин. пад. ед. ч. (добавьте сорок). Окончание -е в дат. пад. мн. ч. слов типа *сорокъ* закономерно для древненовгородского диалекта.

Третья зона – сам глагол **сочита**. Как уже отмечено, он может трактоваться и как императив, и как аорист. Если принимать аористное прочтение («сосчитали»), то вся фраза приобретает повествовательный характер: «Сосчитали у Коромана… к сорокам лисьим, [ещё] сорок… к восьми шесть бобров». Однако наличие в тексте *ко осмь шесть* (‘к восьми добавьте шесть’) с отчётливым побудительным значением делает более вероятным императивное понимание всего фрагмента. Независимо от этого, предлагаемое членение остаётся одинаково совместимым с обеими трактовками глагола.

Четвёртая зона – гапакс **бьбороко**. М. А. Бобрик, посвятившая этому слову специальные «Маргиналии», отвергает версию описки и присоединяется к первоначальному толкованию издателей грамоты: *бьбороко* – род. пад. мн. ч. от уменьшительного *боброкъ* ‘небольшой бобр, бобрик’ [2, с. 191–192]. Исследовательница приводит убедительные параллели: прозвище князя Дмитрия Волынского *Боброк*, гидроним *Бобрка*. Таким образом, речь идёт о шести шкурках небольших бобров. Предлагаемая форма *бьбороко* отражает падение редуцированных и прояснение конечного ъ > о после утраты слабого редуцированного в основе, что характерно для позднедревнерусской диалектной фонетики. Показательно, что наше чтение не требует замены *бьбороко* на «правильное» *бьборово*, в отличие от традиционной интерпретации.

Прилагательное **лисичь** представляет собой диалектную форму родительного падежа множественного числа с окончанием *-ичь*, характерную для древненовгородского диалекта, что подтверждает региональную принадлежность текста.

Сопоставляя два прочтения, видим, что традиционное удобно вписывается в денежно-товарный контекст, но опирается на палеографически уязвимую реконструкцию «(гри)вьно» (или «(су)кьно») и «соро(ке)». Авторский вариант, напротив, не восстанавливает ни одной отсутствующей буквы, целиком обходясь наличными графическими данными, и даёт семантически связную картину чисто натурального учёта пушнины. Конструкция *ко осмь шесть* типична для деловой переписки: предлог *къ* с дательным падежом обозначает группу, к которой относится дополнение *шесть бьбороко*. Семантически такая интерпретация хорошо соотносится с реалиями охотничье-промыслового Новгорода, где основными единицами счёта служили именно меховые партии (сорока́), а денежное исчисление возникало вторично. Кроме того, признание формы *бьбороко* гапаксом-диминутивом обогащает словарь древнерусской зоолексики.

Таким образом, анализ лексических и грамматических форм берестяной грамоты № 7 показал, что ключевая сложность её интерпретации состоит в сегментации спорного участка текста. Альтернативное членение, исключающее реконструкцию «(гри)вьно» и «соро(ке)», позволяет прочитать грамоту как поручение подсчитать у Коромана партии лисиц, ещё один сорок и прибавить к восьми (ранее учтённым) шесть бобров. Идентифицированы: форма императива 2 л. мн. ч. *сочита* (допустима также аористная трактовка), дат. пад. мн. ч. *сороке*, диалектный комплекс *кь но* и гапакс *бьбороко*, обозначающий небольших бобров или бобровые шкурки. Уточнённые лексемы и грамматические формы пополняют наши сведения о древненовгородском диалекте и могут найти применение как в исторической лексикографии, так и в учебных курсах.

Список источников

1. Арциховский, А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) / А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953. – 68 с.

2. Бобрик, М. А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики / М. А. Бобрик // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 2 (28). – С. 191–201.

3. Гиппиус, А. А. Берестяная грамота № 7 из Великого Новгорода была адресована двоим древним коллекторам: [интервью] / А. А. Гиппиус; беседовала Е. Кузьмина // Новгородские ведомости. – 2023. – 30 авг. – URL: https://novvedomosti.ru/news/culture/91564/ (дата обращения: 10.05.2026).

4. Демидов, Д. Г. Эловая форма и аорист в языке берестяных грамот / Д. Г. Демидов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – Выпуск 4, ч. I. – С. 43–54.

5. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – 2-е изд., переработанное и дополненное – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

6. Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Щапова. – Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. – 384 с. (упоминание грамоты № 7 – с. 237).

Раздел 2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ахметвакиева Анастасия Викторовна
Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Козубовская Галина Петровна,
доктор филологических наук, профессор

ПОЭТИКА ВЕГЕТАТИВНОСТИ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «У ЗНАКОМЫХ»

Аннотация: В статье анализируется значение растительных образов, прослеживается процесс распада усадебного мира. Выявляются оппозиции живого и мертвого, природного и социального. Показано, как вегетативный код раскрывает утрату человеческий отношений, подлинной жизни и подмену чувств физиологией.
Ключевые слова: А.П. Чехов, «У знакомых», вегетативный код, символика, мотив

Akhmetvakieva A. V.
Altai Stage Pedagogical University, Barnaul, Russia

*Abstract.*The article analyzes the significance of plant images and traces the process of the manor world's disintegration. It reveals the oppositions between the living and the dead, and between nature and society. The article shows how the vegetative code reveals the loss of human relationships, genuine life, and the substitution of feelings with physiology.
Keywords: A.P. Chekhov, "At Friends' Place", vegetative code, symbolism, motiv

THE POETICS OF VEGETATIVITY IN A.P. CHEKHOV'S STORY «AT FRIENDS' PLACE»

Рассказ А. П. Чехова «У знакомых» открывается текстом в тексте –письмом из Кузьминок, которое Подгорин получает утром. Пространство сразу раздваивается: городская квартира, место работы и одиночества, и имение «Кузьминки», существующее пока лишь в памяти и на бумаге. Флористический код вводится через воспоминание о «цветнике девушек и молодых женщин» [7, с. 459]. Это первая, еще живая метафора: прошлое –цветущий райский сад с весельем и свиданиями в «тихие лунные ночи» [7, с.460]. Но настоящее письмо с его нарочитой игривостью воспринимается Подгориным как «чуждое»: «Уже не тянуло в Кузьминки как прежде» [7, с. 460]. Уже в начале задается конфликт между живой флорой прошлого и увядшим настоящим.

Дорога от Москвы описана лаконично: «два часа езды и потом от станции на лошадях минут двадцать». Первое, что видит герой со станции –«лес Татьяны и три высоких узких дачи, которые начал строить и не достроил Лосев» [7, с.460]. Лес в культуре и мифологии выступает как естественное, дикое пространство [Добровольская, 2017, с. 5]. В произведении он соседствует с искусственностью – недостроенными постройками Сергея Сергеевича Лосева. В размышлении Подгорина о нем и ему подобных людей упоминается мимолетная деталь – репейник: «<…> им овладевало брезгливое чувство, когда в его присутствии этому отдавались со страстью другие, и он не понимал людей, которые на Живодерке чувствуют себя свободнее, чем дома; ему казалось, что всякая нечистота пристает к ним как репейник»[7, с. 461]. Далее рассказывается, что схожие ощущения Подгорин испытывал и в обществе Лосева. У славян считалось, что репейник, в частности амулеты с его изображением, способны притянуть счастье и благополучие обладателю [4].В рассказе семантика этого растения оборачивается негативной стороной. Для Подгорина Лосев является носителем социальной и моральной грязи, которая имеет свойство прилипать. Неслучайно образ репейника перекликается с другим тактильным образом, который появляется при непосредственном взаимодействии с

Сергеем Сергеевичем: «Он то и дело целовался, и все по три раза, брал под руку, обнимал за талию, дышал в лицо, и казалось, что он покрыт сладким клеем и сейчас прилипнет к вам»[7, с. 465]. Как репейник распространяется с помощью кого-либо (животное, человек, ткань и т.п.), так и Лосев живет за счет чужого труда и денег. Герой пассивен, разорил имение, «ищет место», но не служит. Является идеалистом, но его идеализм заключается лишь в потреблении (цыгане, рестораны). Кроме того, репейник распространен в местах запустения. Усадьба Татьяны при Сергее Сергеевиче пришла в упадок. Лосев – не просто житель имения, а метаморфоза человеческого сорняка, который вытесняет другие растения. Не случайно в саду и в помещении атмосфера замкнутости, Подгорин себя чувствует как в «клетке».

Семантика фамилии «Лосев» перекликается с описанием портрета героя. У Сергея Сергеевича «крупные черты», толстый нос», «упитанное тело». Он тяжело дышит, выпячивает грудь, что придает ему надменный вид. Эти детали передают зооморфность героя. Кроме того, лось в мифологии связан с мотивом охоты, преследования. Например, существует миф обских угров, в котором охотник гонится за зверем по небу на лыжах, догоняет и отрубает две из шести ног. Этот миф связан не только с рождением лося современного вида, но и с рождение м такого промысла, как охота [6]. Сам Лосев постоянно повторяет: «Он ахнуть не успел, как на него медведь насел». Здесь выявляется интертекст, связанный с басней И.А. Крылова «Крестьянин и работник». Именно Лосев – тот зверь, который «насел» на имение, что привело к его распаду.

Встреча с Сергеем Сергеичем и Надеждой происходит за лесом. Появляется поле с цветущей рожью, которое «не шевелилось в тихом воздухе». Это образ статичного, «спящего» плодородия. Важно, что Надежда «заметила это только теперь, идя рядом с Подгориным» и издала «легкий радостный крик» [7, с.462]. Природа здесь выполняет функцию отражения эмоций героини, которая надеется на брак с Подгориным и испытывает радость от возможности будущего замужества. Для Подгорина природа – это лишь декорация, на которую он смотрит отстраненно. Он замечает не красоту ржи, а «голую шею» Надежды – деталь, вызывающая у него неудобство, почти физиологическое отторжение. Происходит противоречие между вегетативным (поле) и телесным (шея): жизнь природы бьет ключом, но главный герой к ней глух.

Далее действие перемещается в сад, на террасу, а затем – в затемненную комнату Татьяны, в которую «не проникали солнечные лучи», «было сумеречно, так что все розы в большом букете казались одного цвета» [7, с.463]. Роза часто выступает символом любви, страсти, красоты [2]. Жизнь в усадьбе утратила краски, превратилась в однообразное существование, где все проблемы (долги, любовь, ревность) сливаются в одну серую массу.

Татьяна называет Кузьминки «гнездом». Эта метафора, тесно связана с вегетативным, так как гнездо вьется на дереве, но это гнездо стало товаром публичных торгов. Страх Татьяны перед продажей имения – это страх десакрализации интимного пространства: «Всякий теперь имеет право входить в мою комнату и смотреть»[7, с. 463]. Потеря имения для Татьяны равносильна смерти: «это мое гнездо, и если у меня отнимут его, то я не переживу, я умру с отчаяния»[7, с. 463].

Персонажи выходят гулять «в сад, потом в поле». Пространство снова расширяется, но наполняется некротическими смыслами. Варя вспоминает «Железную дорогу» Н.А. Некрасова на фоне зажженных огней: «Зеленые и красные огни стали казаться печальными» [7, с. 465] Отметим, что природа в этом рассказе вытесняется техникой: в данном случае рельсами, огнями. Строки «А по бокам-то всё косточки русские...» превращают пейзаж в кладбище. Вегетативность здесь сопряжена с мотивом смерти. В дальнейшем, когда Варю попросят что-нибудь спеть, она произнесет: «…что было, то быльем поросло». «Былье» – трава, сорняк, покрывающий руины. Память о прошлом не просто стерлась, она скрыта под слоем бессмысленной растительности, как сама жизнь Вари погребена под заботами о чужих делах.

Сцена ужина содержит гастрономические элементы с вегетативным подтекстом. Татьяна накладывает дочерям полные тарелки риса. Рис – символ

процветания, благополучия и плодородия [3]. Однако он подается детям, которых мать называет «необыкновенными», а Подгорин видит «здоровых, сытых, похожих на булки». Дети – результат жизненной силы усадьбы, но их описание («булки») снижается до гастрономического продукта, лишая индивидуальности. Рис – символ изобилия становиться пищей для обывателей.

В эпизоде прогулки Надежды и Подгорина вегетативный локус сада, в котором традиционно объясняются в любви, оборачивается против героя. Пространство сада можно разделить на две семантические зоны: аллея около дома – место видимости, контроля и глубь сада – место темноты и интимности. Аллея освещена окнами дома, просматривается с террасы, где как кажется Подгорину, «двигались какие-то тени», «это Татьяна и Варя наблюдают за ним» [7, с.469]. Здесь реализуется мотив подсматривания. Несмотря на вечернее время, сад формально равен гостиной: здесь продолжается социальный ритуал, и герой чувствует себя объектом наблюдения, ведь его рассматривают как потенциального жениха для Надежды. Сад, в котором можно скрыться от социальных условностей, превращается в сцену с невидимыми зрителями. Отсутствие света в глубине сада маркирует переход в пространство близости. «Взять под руку» – значит принять на себя роль жениха. Подгорин избегает подобного телесного контакта, который равносилен обещанию. Интересно, что позже в сцене с туфлями Сергея Сергеевича, он испытает противоположное чувство: надев чужие туфли, он почувствует себя своим, «точно зять» [7, с. 470]. Прикосновение к вещи, к мертвой коже, оказывается безопаснее живой руки.

По пути во флигель Сергею Сергеевичу и Подгорину встречается сирень, которая ассоциируется с усадебным бытом в русской литературе. Сирень связывают с воспоминаниями о прошлым, идеями обновления жизни, а также зарождающимися чувствами [2]. Ее цветение оборачивается духотой и фальшью. Подгорин чувствует себя «как в ловушке», дыхание Сергея Сергеевича физически неприятно ему, а руки хозяина кажутся липкими, словно в клее.Сирень не только напоминает о том, что пережито в Кузьминках, но и служит фоном, скрывающим пустоту – ровно то, что ощущает главный герой, в итоге сбегая из Кузьминок навсегда.

Во флигеле Лосев закусывает лимоном. Лимон связывают с мотивом двойственности человеческой натуры[5]. В этой сцене автор подчеркивает, что герой говорил «все не то, что хотел, и зорко следил за Подгориным»[7, с. 471].Сергей Сергеевич признается Подгорину, что ему жаль жены и детей, но при этом искренне не понимает, что сотворил «массу зла».

В рассказе есть еще один вегетативный образ, выраженный в форме «поломанных кресел» внизу башни, которые освещал лунный свет и от этого казалось, что они «ожили» и «кого-то подстерегали здесь в тишине» [7, с. .474]. Дерево, из которого сделаны кресла, прошло цикл: от растения к предмету быта, а затем к ненужной вещи. Это отражение судьбы Кузьминок: гнездо превратилось в склад поломанной мебели, которая «сторожит» пустоту.

Подгорин уезжает рано утром, сад и усадьба окончательно теряют для него эмоциональную привязку: «Оглянулся несколько раз на флигель…но на душе у него было холодно, не стало грустно» [7, с. 476]. Однако в конце ему вспомнились «ноги в чулках телесного цвета». Жизненная сила усадьбы, ее способность к воспроизводству (дети, возможный брак) снижается в сознании героя до физиологии, лишенной души.

Таким образом, вегетативный код в рассказе развивается от цветения (воспоминания) к обесцвечиванию (розы в сумерках), к зарастанию «быльем», затем к превращению в мертвую древесину и, наконец, к работе с бумагами, которая заменяет жизнь.

Список источников

1. Добровольская, В. Е. Лес vs сад в русской волшебной сказке: сюжетная функция локусов / В. Е. Добровольская // Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре. – Москва : МГПУ, 2017. – С. 5-19.

2. Золотницкий, Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. – Киев : Довира, 1994. – 255 с.
3. Культ риса в Японии: история и символизм. – URL: https://www.ixbt.com/live/travel/kult-risa-v-yaponii-istoriya-i-simvolizm.html. (дата обращения: 11.05.2026).
4. Репейник – славянский символ благополучия и счастья // nespeshnyrazgovor.mirtesen.ru: [сайт]. – URL: https://nespeshnyrazgovor.mirtesen.ru/blog/43275063047/Repeynik--slavyanskiy-simvol-Blagopoluchiya-i-Schastya (дата обращения: 11.05.2026).
5. Символизм еды в голландской живописи. – URL: https://hsedesign.ru/project/3247319df1df47048dde94235ca33a99 (дата обращения: 1.05.2026).
6. Смирнова, К. А. Мотив зооморфных перевоплощений в фольклоре обских угров / К. А. Смирнова // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2018. – № 1. – С. 44–54.
7. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Том 10 / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1977. – 528 с.

Бруннер Наталья Владимировна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Глазинская Евгения Тимофеевна,
старший преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСЕ Л. АНДРЕЕВА «АНАТЭМА»

Аннотация: Драматургическое творчество Л. Андреева ознаменовало возникновение русской новой драмы. Одной из ярких её черт является использование расширенных ремарок. Цель нашей статьи – анализ особенностей художественного пространства в пьесе Л. Андреева «Анатэма». Для достижения поставленной цели нами используется структурно-семиотический подход. Материалом исследования выступила пьеса Л. Андреева «Анатэма». Ремарка в тексте Л. Андреева рассматривается нами прежде всего как средство выражения идеи произведения, способ организации художественного пространства и ключевой инструмент для создания картин «театра отвлечённой мысли» (Л. И. Шишкина).
Ключевые слова: новая драма, художественное пространство, расширенная ремарка, театральность, картинность

Brunner N. V.
Altai Stage Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract: L. Andreyev's dramatic work marked the emergence of the Russian new drama. One of its striking features is the use of extended remarks. The purpose of this article is to analyze the features of the artistic space in L. Andreyev's play "Anathema". To achieve this goal, we use a structural-semiotic approach. The research material was L. Andreyev's play "Anathema". The remark in L. Andreyev's text is considered by us primarily as a means of expressing the idea of a work, a way of organizing an artistic space and a key tool for creating paintings of the "theater of abstract thought" (L. I. Shishkina).
Keywords: new drama, literary space, extended remark, theatricality, picturesqueness

FEATURES OF THE LITERARY SPACE IN L. ANDREYEV'S PLAY «ANATHEMA»

Драматургию Леонида Андреева по праву можно назвать одной из наиболее самобытных и новаторских в русской литературе. Ряд художественных особенностей пьес писателя позволяет отнести его творчество к такому явлению рубежа XIX–XX веков как «новая драма». По словам О. К. Страшковой это явление несёт в себе несколько ключевых смыслов. Это и «новая», то есть «противопоставленная традиционной реалистической социально-бытовой драме», и «воплощающая новые мифологические, ирреальные, бинарные, маргинальные смыслы», и «репрезентирующая новое эстетическое и интертекстуальное пространство» [3, с. 68].

Так, многие исследователи выделяют использование приёма расширенной ремарки как одну из наиболее ярких особенностей этого явления. Как отмечает О. В. Журчева, «…ремарки оказываются обращенными не только к режиссеру, но и к зрителю и читателю, становятся прозаической частью драмы, своеобразным монологом автора» [2]. Ремарка становится способом выражения авторского присутствия в тексте.

Пьеса «Анатэма» формально состоит из семи картин, каждая из которых начинается с расширенной авторской ремарки. Такие ремарки также называю обстановочными. Как отмечает Т. Э. Шестакова – «обстановочная ремарка всегда формирует сильную позицию текста – позицию начала целого художественного текста и его композиционной части; в связи с этим она выполняет функции, свойственные всем сильным позициям» [4, с. 90]. Соответственно, такой вид ремарки будет представлять важную роль в формировании и восприятии художественного пространства произведения

Интересно, что для обозначения действий Л. Андреев выбирает именно термин «картина». Во многом это решение соотносится с его отношением к театральному искусству, исканиями в этой сфере. «Разрушение иллюзии живой жизни, по Андрееву, необходимо для создания театра отвлеченной мысли, в центре которого стояли бы бытийные проблемы, соответствующие эсхатологическому и апокалипсическому сознанию эпохи», пишет Л. И. Шишкина [5, с. 60]. Писатель убеждён, что зрителю важно наблюдать перед собой именно картину. По Андрееву, в восприятии пьесы важно, «…чтобы зритель ни на одну минуту не забывал, что он стоит перед картиной, что он находится в театре, а перед ним актеры, изображающие то-то и то-то» [5, с. 60].

Стоит добавить, что по словам Шишкиной «театральность происходящего в драматургии Андреева подчеркивалась подзаголовком…» [5, с. 65]. Так, «Анатэма» – это «трагическое представление в семи картинах» [1], что семантически усиливает нереалистичность происходящего, готовит зрителей к восприятию именно некого вида искусства, а не воплощения реальной жизни.

Стремление писателя к «картинности» находит своё отражение в использовании ряда художественных приёмов и особенностей поэтики пьесы, которые ярко видны в первую очередь в авторских расширенных ремарках, с которых начинается каждая из картин.

Отметим, что в художественном мире пьесы параллельно существуют два пространства. Это ирреальное пространство, изображённое в ремарке первой и седьмой картины, где находятся Врата «…знаменующие собой предел умопостигаемого мира...» [1] и условно-бытовое пространство, изображенное в ремарках от второй до шестой картины. Несмотря на то, что они существуют отдельно друг от друга между нами есть некоторые сходства.

Чтобы подтвердить выдвинутые тезисы, детально рассмотрим устройство ремарки, открывающей вторую картину.

Андреев изображает условно-бытовое пространство юга, не намечая конкретных географических ориентиров. Отдельное внимание автор уделяет изображения зноя, используя для этого ряд деталей, семантически усиливающих друг друга. «На юге, летний знойный полдень», «солнце жжёт беспощадно…», «…[море] спит глубоко в зное и солнечном блеске»

[1]. Это приём создаёт эмоциональный фон для дальнейшего восприятия пьесы, рисуя перед нами бедственное положение торговцев.

Центром картины становится «широкая дорога на выезде из большого людного города» [1]. Это пространство периферии, место бедняков. Стоит заметить, что несколько раз подчёркивает пограничность пространства картины – это не только граница города, но и «обрыв», виднеющийся за поворотом дороги, а также горизонт, который «охватывает» море. Несмотря на то, что писатель изображает открытое пространство, «границы» и статика создают ощущение изолированности пространства, его тесноту.

Безлюдность места и скудный пейзаж («…пыльная дорога…», «…[деревья] со свернувшимися от жары листьями…» [1]) усиливают впечатление от положения людей, вынужденных «торговать всякой мелочью» среди зноя и разрухи. В описании их быта автор преимущественно использует уменьшительно-ласкательные формы слов. Их пространство – это «лавчонки», которые не находят себе места, «бестолково налезают одна на другую», теснятся по краям широкой, «пыльной» дороги.

Выразителем тайны, предела, некого «не умопостигаемого» в пространстве юга, становится море, виднеющееся за обрывом. Это безмолвное пространство, которое не подчиняется законам этого места. Деревья «тоскуют о дожде», Сура «измученная жизнью…скучно переговаривается с другими торговцами», а море, «охватывая весь горизонт… спит глубоко в зное…» [1].

Художественное пространство, изображенное в обстановочной ремарке первой и второй картины одинаково схематично. Автор выводит границу между его частями как образующее звено мира. В первой ремарке границей служат Врата, охраняющие «предел умопостигаемого мира», во второй – обрыв у дороги, а также море и горизонт.

В каждой из ремарок схематизм и линейность подчёркивает статичность и «картинность» пространства, служат для замедление действия, направляя читателей к «созерцательности», которой желает добиться писатель. Но, помимо прочего, стоит подчеркнуть, что замедление действия в обстановочной ремарке к первой картине подчёркивает незыблемость мира, его непреклонность любым внешним вторжениям. Это величественное пространство вечности и «безмолвия». Замедление действия в условно-бытовом пространстве подчёркивает, напротив, ограниченность жизни людей, их бедность, духоту и тесноту окружающей их действительности.

Заметим, что объём и детальность, с которой писатель прописывает ремарки, указывает на их условность, направленность на читательское восприятие. Они становятся не столько элементами, важными для постановки пьесы на сцене, сколько яркой прозаической частью драматического произведения, позволяющей автору направить повествование и создать определённое впечатление для восприятия текста, благодаря использованию деталей, лексических и ряда изобразительно-выразительных средств.

Таким образом, расширенные ремарки в тексте соответствуют заявленным особенностям «новой драмы» и новаторству Леонида Андреева как драматурга. Важно, что авторское присутствие становится ключевым элементом построения художественного пространства пьесы, а расширенная ремарка наиболее удачным инструментом в создании «картин» для «театра отвлечённой мысли» [5, с. 60].

Список источников

1. Андреев, Л. Анатэма / Леонид Андреев // http://az.lib.ru/ : [сайт]. – URL: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_1060.shtml (дата обращения: 19.03.2026).

2. Журчева, О. В. Формы выражения авторского сознания в «Новой драме» рубежа XIX-XX веков / О. В. Журчева // Культура и текст. – 2001. – № 6. – С. 138–151.

3. Страшкова, О. К. Смысл и формы «Новой драмы»: к истории и теории русской драматургии. Концепция исследования / О. К. Страшкова // Наука. Инновации. Технологии. – 2003. – № 35. – С. 68–75.

4. Шестакова, Т. Э. Функции обстановочной ремарки в драматургическом тексте / Т. Э. Шестакова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – №5 (26). – С. 89–93.

5. Шишкина, Л. И. Леонид Андреев и театральные искания XX века. Андреев и Замятин / Л. И. Шишкина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. – 2020. – № 3 (15). – С. 58–73.

Елизарова Дарья Романовна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Богумил Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, доцент

ОБРАЗЫ ПТИЦ В РОМАНЕ Ю.О. ДОМБРОВСКОГО «ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ»

Аннотация. В статье предлагается анализ птичьих образов в романе Ю. О. Домбровского «Хранитель древностей». Рассматриваются образы голубей, бестиарных птиц, изображенных на гравюрах Бюффона, «железных птиц», иволги и кукушки. В пределах исследования они объединяются в одну группу на основании выполнения функции предвещения бедствий и гибели, а также – сопоставляются с образом удава. Устанавливается, что образ синей птицы восходит к пьесе М. Метерлинка и стоит особняком по отношению к другим проанализированным зооморфным образам как воплощение надежды.
Ключевые слова: Ю. О. Домбровский, «Хранитель древностей», зооморфный код, М. Метерлинк, «Синяя птица».

Elizarova D. R.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article offers an analysis of avian imagery in Dombrovsky's novel «The Keeper of Antiquities». The images of doves, bestiary birds depicted in Buffon's engravings, "iron birds", orioles, and cuckoos are examined. These images are grouped together based on their function as a harbinger of disaster and death, and are also compared with the image of the boa constrictor. It is established that the image of the bluebird originates from a play by Maeterlinck and stands apart from the other zoomorphic images analyzed as an embodiment of hope.
Keywords: Dombrowsky, «The Keeper of Antiquities», zoomorphic code, Maeterlinck, «The Blue Bird».

BIRD IMAGES IN DOMBROVSKY'S NOVEL «THE KEEPER OF ANTIQUITIES»

Роман Ю. О. Домбровского «Хранитель древностей» богат анималистическими образами. Ранее была опубликована статья, посвященная центральному в романе образу змеи, выступающей в различных ипостасях [3]. Однако к зооморфным образам-лейтмотивам, пронизывающим ткань повествования, закономерно отнести не только образ змеи, но и образы птиц, которые постоянно сопровождают главного героя. Их анализ и является целью настоящей работы.

Первые птицы, встречающиеся на страницах романа, – это верненские голуби, исчезновение которых так же фантастично, как появление удава в Алма-Ате. Музейный столяр оказывается единственным человеком, который помнит, как они улетали, хотя свидетелями этого события были все жители города (так в роман вводится мотив забвения, беспамятства). Исчезновение птиц никто не способен объяснить, в том числе и местные краеведы.

Неизвестно, что заставило их собраться стаей и покинуть город Верный: «Вчера их около собора было тысячи, а сегодня посмотрели – ни одного нет. <…> Какая-то таинственная сила иногда вдруг поднимет, взметнет с места какое-нибудь мелкое зверье и гонит, гонит его на новое место» [2, с. 30].

Как отмечает М. В. Румянцева, голубь занимает особое место среди птиц, все сравнения с этим агентом носят в русских текстах исключительно позитивную окраску [4, с. 49]. Голубь является христианской эмблемой Святого Духа и повсеместно почитается как символ мира, любви, надежды, чистоты и целомудрия. В мифах он традиционно выступает в роли вестника: птица, принесшая Ною во время Потопа оливковую ветвь [5]. О соотносимости голубя с неземным, божественным началом сообщает в романе поп: «Да что это тебе, говорит, орел или ястреб? Это же, говорит, голубь, голубица, Христова птица, про них в писании сказано: «Не злобивы, яко голуби» [2, с. 29]. В этом смысле верненские голуби прямо противопоставлены алма-атинскому удаву, образ которого несет в себе негативную окраску, олицетворяя дьявольское «звериное начало», демоническую «животность» в человеке. Кроме того, в романе удав воспринимается в одном из архетипических вариантов – в роли змея-искусителя. Следовательно, сады Алатау выступают Эдемом, яблоня – Древом познания добра и зла, а жители Древнего Семиречья, вкусившие его плод («огромное, блестящее, ярко-красное» яблоко – верненский апорт), – первыми людьми, изгнанными из рая [3, с. 87]. Поэтому отлет из города божьих птиц, равно как и явление змеи, можно истолковать как получение жителями-грешниками вести о приближающейся катастрофе.

Эта угроза усугубляется еще и тем, что столяр сам прогоняет голубей: «Залез туда я – как они взлетят! Как крыльями засвистят! Ну! Сразу стало темно! Закричал я: «Кыш вы туда-то!» – и сорвал голос» [2, с. 29]. В душах людей нет места для Бога и, следовательно, они открыты противоположной силе – сатане, змию, дракону. Читателю предстает мир, оставленный Богом; мир утраченного милосердия, потери божественного подобия. Любой человек в этом мире – потенциальный враг, а, значит, не более чем клоп, уничтожение которого всячески поощряется: «Один враг в штабе, а целая наша армия снимается и идет на минные поля. А как ты такого откроешь, если все свои и подозревать некого? Если каждый тебе как брат или сын, если ты с ним под одной шинелью спал, осьмушку хлеба делил? <…> Как ты его, я спрашиваю, узнаешь? <…> А надо узнать, надо! Потому что иначе смерть... Миллион смертей. И мы узнаем! Не сразу, а лет через десять, через двадцать. И тогда уж не щадим! Расстреливаем живого, разжалуем мертвого, портреты снимаем, жену ссылаем, друзей-приятелей под ноготь берем. <…> Резидент сам по себе ничего сделать не может. Он ноль без палочки. Окружение его – вот что важно. Вот мы и выжигаем все окружение, как у тебя мать когда-то выжигала клопиные гнезда» [2, с. 117]. И все-таки образ голубя в тексте неоднозначен, он двоится: столяр поляризует белых голубей, которые «были у Христа», и сизарей, называя последних «сволочью необузданной» и тем самым отсылая к антитетическому хаотичному, низменному началу.

Есть в первом романе дилогии Домбровского и бестиарные птицы, внушающие страх, бесспорно воплощающие зло и «дьявольщину»: «Вот, например, гравюра в одном из томов Бюффона – птица-носорог. Она чудовищна, огромна, зловеща – этакий тропический черный рогатый ворон. Художник был скрупулезен, он ничего не упустил. <…> …чувствуется, как хотелось ему пририсовать этому дьяволу еще второй рог, сделать его клюв крючковатым, как нос у ведьмы, а ногти когтистыми, вообще намекнуть как-нибудь, что тут и до черта не так уже далеко. И другая гравюра – гриф. Смотришь и понимаешь, что художник рисовал птицу, а вспоминал-то дракона. И размах дьявольских крыльев, и перья, похожие на чешую, и стальные когти, и змеевидная, морщинистая шея гада…» [2, с. 79]. Облик грифа в приведенном описании оказывается родственным облику змеи-дракона. Животных, кроме того, объединяет их близость к смерти, к загробному миру: змея ползает по земле, гриф же питается падалью. Птица-носорог Бюффона соотносится в тексте с носорогом-млекопитающим на гравюре Альбрехта Дюрера. На этой известной зарисовке носорог предстает словно высеченным из цельной каменной глыбы, закованным в латы; его мощные

ноги покрыты чешуей, а на спине располагается изогнутый рог. Зыбин явственно видит в нем «чудовищного и фантастического зверя Апокалипсиса». Однако здесь читатель сталкивается с мотивом иллюзорности и «ненастоящести», поскольку все изображения даны сначала через призму восприятия «старинных рисовальщиков», затем – героя, воспроизводящего иллюстрации в своей памяти. Точно также даются в «Хранителе» и все описания индийского удава – через призму восприятия разных наблюдателей.

Тем не менее надвигающаяся опасность становится все ощутимее и реальнее: Потапов в разговоре с Михаилом Степановичем упоминает «железных птиц», о которых сказано в Писании. Зыбин поправляет бригадира, замечая, что речь идет, вероятно, о железной саранче из Откровения ап. Иоанна Богослова, или Апокалипсиса. Безусловно, такая подмена саранчи птицами имеет значение. В мировой культуре закрепилось представление о том, что птицы имеют контакт с божественными сферами [5], что делает их посланниками особого рода – посланниками небес. Им доступен высший уровень знания. Железные птицы (железо здесь трактуется не как символ цивилизации, а как инструмент причинения вреда) несут, исходя из этого, послание свыше о грядущей разрушительной войне. Саранча в романе приравнивается Зыбиным к неминуемой смерти, от которой «ничего не спасет» и которую «ничто не трогает». Апокалиптическая саранча, имеющая фантастический облик, служит в Библии образом ужаса, уничтожения, является орудием Божьего суда: «И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих» (Откровение 9:3-4). Надо полагать, что столь же страшное наказание ждет героев «Хранителя», души которых открыты злу и тирании. Ведущий дело Потапова сотрудник НКВД, Михаил Степанович, говорящий, что в Священном Писании отражены лишь фанатизм, темнота и забитость, возлагает роль творца на самого себя и себе подобных: «Так, значит, налетят эти железные птицы и всех нас перебьют? Ну а может, это наши птицы будут, а не его?» [2, с. 138]. Пустующее место, оставленное истинным Богом, занимает деспотическая власть, считающая себя вправе карать и миловать кого ей угодно.

В романе читатель встречает и действительных обитателей Алма-Аты – иволгу и кукушку: «Вдруг прямо над нами закричала иволга. Крик у нее противный, резкий, кошачий. Я вздрогнул. – Ну и пугливый же вы, – усмехнулся Михаил Степанович. И только он это сказал, как где-то далеко за садом закуковала кукушка» [2, с. 141]. Имеет смысл рассматривать эти два образа как единое целое, потому что их объединяет ярко выраженная символика смерти. Голос иволги порой напоминает кошачий визг, что подчеркивается и в приведенном фрагменте. Такой крик, согласно славянским поверьям, иволга издает возле дома, в котором есть умирающий, и находится там до тех пор, пока не дождется его смерти [1, с. 735]. Связь кукушки со смертью тоже обнаруживается в приметах и поверьях. Кукование часто расценивается как зловещее предсказание («Кукушка кукует, горе вещует»), повсеместно является символом погребального плача. Кроме того, в культуре закрепилось представление о кукушке как о вестнице с того света, осуществляющей контакт между живыми и умершими. Ввиду этого широко распространилось гадание по кукованию о сроке наступления смерти [1, с. 704]. «Гадают» и герои анализируемого романа. В ответ на вопрос Михаила Степановича о том, сколько лет ему осталось жить, птица кричит три раза. В случае же с Зыбиным кукушка замолкает еще до того, как герой успевает задать свой вопрос. Ее молчание предвещает трагические события, развернувшиеся на страницах второй части дилогии Домбровского – «Факультета ненужных вещей».

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что образы птиц в романе «Хранитель древностей» выполняют одну и ту же функцию – функцию предзнаменования. Все названные птицы (а также тематически связанные с ними образы) несут героям «дурную весть». Это относится даже к «святым» птицам – голубям, поскольку в тексте они как олицетворение добра и кротости не противостоят нечистой силе – змее, а, наоборот, покидают город. Но при этом утверждение, что в тексте нет анималистических образов, противодействующих злу, будет ошибочным.

В садах Алатау, помимо удава, есть еще один обитатель – маленькая птичка, вероятно, синий каменный дрозд. Дрозда, как и голубя, причисляют к «святым», почитаемым птицам. Некогда вместе с другими птицами дрозды пели Деве Марии во время Ее Успения [1, с. 644]. Представляет интерес описание дрозда, данное Добрыней Ротатором: «Синяя птица прилетает в эти сады из Индии. Она гнездится, эта чудесная странница небес – голубого цвета с голосом флейты, – на таких недоступных скалах, куда не ступала еще нога человека. Никто не сумел до сих пор заключить в клетку синюю птицу!» [2, с. 39]. Во-первых, в нем отмечается свободолюбие животного (нельзя посадить в клетку) и его стремление к независимости (синие каменные дрозды сооружают гнезда в расщелинах скал). В этом отношении дрозд противостоит миру тотальной несвободы, в котором люди, сохраняющие самобытность и внутреннюю волю, могут оказаться «за решеткой». Во-вторых, писатель наделяет его еще одним именем, явно отсылающем читателя к пьесе Мориса Метерлинка «Синяя птица» (1905 г.), благодаря которой образ синей птицы стал символизировать счастье, веру в добро и силу человека. Исходя из этого, можно предположить, что дрозд стоит особняком по отношению ко всем иным проанализированным анималистическим образам, воплощая собой еще теплящуюся надежду в сгущающемся мраке наступающего времени.

Список источников

1. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва : Индрик, 1997. – 912 с.

2. Домбровский, Ю. О. Хранитель древностей / Ю. О. Домбровский. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 375 с.

3. Желонкина, Д. Р. Семантика образа змеи в романе Ю. О. Домбровского «Хранитель древностей» / Д. Р. Желонкина, Т. А. Богумил // Педагогическое образование на Алтае. – 2025. – № 1. – С. 86–90.

4. Румянцева, М. В. Зооморфный код в языковой образности художественной картины мира русских и казахских писателей / М. В. Румянцева // Вестник Пермского университета. – 2019. – № 4. – С. 45–52.

5. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – Москва : Издательско-торговый дом «Гранд» : Фаир-пресс, 2001. – 444 с.

Зайцева Надежда Александровна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Козубовская Галина Петровна,
доктор филологических наук, профессор

ФЛОРОПОЭТИКА В ЛИРИКЕ А. Н. АПУХТИНА

Аннотация: Статья посвящена исследованию флорообразов в поэзии А. Н. Апухтина. На основе методологии флоропоэтики выявляется семантика ключевых растительных образов, устанавливается их связь с предшествующей традицией и индивидуально-авторское переосмысление на примере стихотворения «Астрам».
Ключевые слова: А. Н. Апухтин, флоропоэтика, язык цветов, астра, роза, увядание, семантика, литературная традиция.

Zajceva N. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of flora forms in the poetry of A. N. Apukhtin. Based on

the methodology of floropoietics, the semantics of key plant images are revealed, their connection with the previous tradition is established, and an individual author's reinterpretation is established using the example of the poem "Astram".
Keywords: A. N. Apukhtin, floropoetics, language of flowers, aster, rose, fading, semantics, literary tradition.

FLOROPOETICS IN THE LYRICS OF A. N. APUKHTIN

Творчество Алексея Николаевича Апухтина, автора известных романсов «Ночи безумные», «День ли царит…» (муз. П. И. Чайковского), долгое время оставалось в тени его великих современников, однако сейчас наметилась тенденция к пересмотру роли Апухтина в истории русской литературы: так, в Словаре «Русские писатели» появился очерк о поэте [5]. Исследователи все чаще обращаются к его прозе и поэзии как к уникальному явлению.

Вместе с тем один из значимых аспектов поэтики Апухтина – флористическая образность – до настоящего времени не становился предметом системного анализа. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования. Его цель – выявление семантики и художественных функций флорообразов в лирике А. Н. Апухтина.

В современном литературоведении наблюдается интерес к флорообразам как к смыслообразующим элементам художественного текста: в 2024 году появилась коллективная монография, многогранно освещающая проблему [7]. Как отмечает К. И. Шарафадина, автор фундаментальной монографии «Селам, откройся!», флоропоэтика представляет собой особый семиотический код, позволяющий через растительные символы реконструировать не только систему ценностей эпохи, но и глубинные пласты авторского сознания [11].

Сформированный на основе турецкой придворной культуры и систематизированный Д. П. Ознобишиным, «язык цветов» обладал ключевым свойством мнемоничности: каждый концепт функционально становится «банком памяти» [1, с. 286]. С этим связано рождение ассоциаций – главный механизм поэтики «языка цветов» в составе словесного текста. Ассоциативный принцип продиктован генетической природой шифра, изначально возникшего на основе символизации порождаемых растением ассоциаций (от природных до культурных).

Эволюция флорообраза в русской лирике первой половины XIX века демонстрирует движение от риторической эмблематики к индивидуально-авторской символике. Н. В. Смирнова показала, что в мотиве цветов, характерном для поэзии начала XIX века, наблюдаются существенные сдвиги: от риторики, где цветок был эмблемой с готовыми смыслами, он становится символом, несущим амбивалентные смыслы. По точному замечанию Н. В. Смирновой, цветок в поэзии выступает как символ абсолютной свободы и пустоты, готовый принять любое наполнение и интерпретацию [8, с. 119].

Возможно, цветочные мотивы появились у Апухтина под влиянием Пушкина. Р. В. Иезуитова по поводу совпадений названий некоторых стихотворений Апухтина и Пушкина отмечает следующее: «Подобных совпадений в заглавиях (вряд ли случайных) немало и в зрелой лирике Апухтина, не боявшегося перекличек с Пушкиным, но умевшего по-своему интерпретировать его образы и мотивы. Это не полемика и не пародия, а нечто иное, что-то вроде вариаций на пушкинские темы» [3, с. 329].

Мотив цветка – один из самых популярных в русской поэзии.

У В. А. Жуковского стихотворение «Цветок» строится на аналогии человек – растение, сближенных хрупкостью мгновенной красоты: «Увы! кто скажет: жизнь иль цвет / Быстрее в мире исчезает?» [2, с. 79].

Мотив сорванного цветка у Батюшкова рассмотрела Г. П. Козубовская: «Поединок человека со временем воплощен в символике двух образных рядов: водная стихия – пластический образ времени, цветок – образ хрупкости человеческой судьбы, сраженной безжалостным роком» [4, с. 55]. Развернутый обзор мотива в русской поэзии XVIII–начала XIX в. дает Ю. В. Шатин [12] и А. Л. Миханькова [6].

У А. С. Пушкина в стихотворении с таким же названием создана лирическая ситуация,

где засохший цветок – повод для размышления о судьбе его владельца.

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок? [9].

Пушкинская вариативность возможных судеб, недоговоренность и открытый финал придают размышлению глубокий смысл [8, с. 120].

«Осени мертвой, цветы запоздалые» [1, с. 201] – эта фраза выражает настроение поэта Апухтина, соединив основные мотивы поэзии Апухтина, и главный из них – мотив увядания цветов. Традиционный мотив цветка, брошенного в воду, заданный романтизмом [13], А. Апухтин повернул таким образом, что аналогия превратилась в метафору: в цветке ощущается «человеческое»: «… и, как во сне, припав к волне, он плачет над волною» [1, с. 43].

Наиболее репрезентативным текстом, раскрывающим механизмы апухтинской флоропоэтики, является стихотворение «Астрам» (начало 1860-х гг.).

Название цветка происходит от древнегреческого ἀστήρ – «звезда». В античной мифологии астры связывались с богиней Астреей, чьи слезы о погибших в потопе людях превратились в эти цветы [10]. В викторианской Англии, чье культурное влияние ощущалось в России, астра означала верность и память, часто используясь в траурных композициях как символ любви, продолжающейся за порогом смерти. Таким образом, уже на уровне культурного кода астра несет семантику запоздалой печали и скорби.

Стихотворение строится на антитезе двух типов цветочного – и, метафорически, человеческого – существования:

Поздние гости отцветшего лета,
Шепчутся ваши головки понурые,
Словно клянёте вы дни без просвета,
Словно пугают вас ноченьки хмурые…

Розы – вот те отцвели, да хоть жили…
Нечего вам помянуть пред кончиною:
Звёзды весенние вам не светили,
Песней не тешились вы соловьиною… [1, с. 139].

Астра на языке цветов появилась как один из важных символов, который отражал самые тонкие и деликатные человеческие чувства. В викторианской Англии астру дарили в знак верности и преданности – качества, которые тогда ценились особенно высоко в семейных и любовных отношениях. Цветок считался символом стойкости чувств, которые сохраняются несмотря на трудности и время [10].

В XIX веке астра также ассоциировалась с идеями памяти и почтения. Её часто использовали на похоронах и в траурных композициях, что подчёркивало уважение и вечную память об ушедших. В этом контексте астра символизировала неугасимую любовь, которая продолжается за пределами жизни.

В первой строфе астры предстают персонифицированными «гостьями», чьи «понурые головки» и страх перед грядущим создают атмосферу безысходности. Они обречены на умирание без предшествовавшей полноты жизни. Во второй строфе вводится образ роз, противопоставленный астрам по принципу «жить – существовать». Розы «отцвели», но это не отменяет самого факта их насыщенного, пусть и краткого, бытия: им светили весенние звезды, их «тешили» соловьиные песни – универсальные эмблемы расцвета, радости и жизненной полноты. Астрам же «нечего помянуть пред кончиною» – их существование оказывается лишенным самого события жизни.

Апухтин, опираясь на мифопоэтический шлейф астры как «траурного» цветка, актуализирует и переосмысляет пушкинскую ситуацию. Однако если у Пушкина засохший цветок служит импульсом к размышлению о неизвестном прошлом его владельца, то у Апухтина фокус смещается на внутреннее переживание отсроченной, «бессобытийной»

смерти. Лирический сюжет разворачивается вокруг трагедии не утраты прошлого, а его изначального отсутствия: астры страдают не потому, что потеряли весну, а потому что весны в их судьбе не было вовсе.

Проведенный анализ позволяет заключить, что флоропоэтика А. Н. Апухтина представляет собой целостную художественную систему, в которой традиционный «язык цветов» переосмысляется из салонно-этикетного кода в инструмент психологического анализа. Доминантные флорообразы (роза, астра, сирень, василек) утрачивают функцию декоративных эмблем и становятся символами экзистенциальных состояний – утраты, памяти, «запоздалости» жизни. Наиболее отчетливо эта трансформация прослеживается в стихотворении «Астрам», где на пересечении античного мифа, викторианской символики и пушкинской традиции рождается глубоко пессимистический образ «несбывшегося бытия»: жизнь, лишенная событийного наполнения, оборачивается чистым ужасом перед забвением без того, что можно было бы забыть.

Таким образом, изучение флорообразов позволяет существенно уточнить место Апухтина в литературном процессе второй половины XIX века. Он предстает не столько «поэтом-романсистом», работающим в русле позднеромантической традиции, сколько автором, чутко уловившим кризисные настроения «конца века» и выразившим их через новаторскую реинтерпретацию, казалось бы, исчерпанного цветочного кода.

Список источников

1. Апухтин, А. Н. Полное собрание стихотворений / А. Н. Апухтин ; вступ. ст. М. В. Отрадина, сост., подг. текста и примеч. Р. А. Шацевой. – Ленинград : Советский писатель, 1991. – 448 с.

2. Жуковский, В. А. Сочинения. В 3 томах. Том 1 / В. А. Жуковский. – Москва : Художественная литература, 1980. – 438 с.

3. Иезуитова, Р. В. А. Н. Апухтин и Пушкин / Р. В. Иезуитова // Пушкин : Исследования и материалы. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – Т. XVI/XVII. – С. 323–342.

4. Козубовская, Г. П. Русская литература: миф и мифопоэтика / Г.П. Козубовская. – Барнаул : Издательство БГПУ, 2006. – 324 с.

5. Масловский, В. Н. Апухтин / В. Н. Масловский // Русские писатели 1800–1917 гг. Биографический словарь. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1992. – Т. 1. – С. 98–108.

6. Миханькова, А. Л. Мотив цветка на могиле возлюбленной в русской поэзии XVIII–XIX вв. / А. Л. Миханькова // Художественная словесность : теория, методология исследования. – Москва, 2020. – Т. 3. – С. 234–245.

7. Смирнова, А. И. «На лепестках цветов написано посланье» : флоросемантика и флоропоэтика художественного текста / А. И. Смирнова, А. В. Алексеев, И. Н. Райкова // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре. – Москва : ИКД «Зерцало-М», 2024. – С. 8–21.

8. Смирнова, Н. В. Цветок в русской лирике начала XIX в. / Н. В. Смирнова // Известия Уральского государственного университета. – 2000. – № 17. – С. 113–120.

9. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 10 томах/ А. С. Пушкин. – Москва: Издательство АНСССР, 1956–1958.

10. Что означают астры. – URL: https://www.florist.ru/articles/about-flowers/chto-oznachaet-astra-znachenie-i-simvolika-cvetka (дата обращения: 10.04.2026).

11. Шарафадина, К. И. «Селам, откройся!»: Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 544 с.

12. Шатин, Ю. В. Цветок на могиле возлюбленной. Семантические метаморфозы мотива в русской лирике первой трети 19 века / Ю. В. Шатин // Литературный процесс и развитие русской культуры 18–20 вв. – Таллин : ТПИ, 1985.

13. «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре. – Москва : ИКД «Зерцало-М», 2024. – 504 с.

Зубова Екатерина Александровна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Скокова Динара Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент

ПРОФЕССОР ВАГНЕР А. Р. БЕЛЯЕВА КАК АРХЕТИП БЕЗУМНОГО УЧЕНОГО В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье исследуется образ профессора Вагнера из цикла А. Р. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» как репрезентация архетипа «безумного ученого» в советской литературе. На материале восьми рассказов рассматривается синкретическое переосмысление западноевропейских архетипов (Фауст, Прометей, Франкенштейн). Вагнер предстает технократом, игнорирующим этические нормы, чьи открытия оборачиваются катастрофой, а фигура служит предостережением об опасностях научного гения без моральной ответственности.
Ключевые слова: профессор Вагнер, Беляев, безумный ученый, архетип, советская фантастика, изобретения, телесность.

Zubova E. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article analyzes the character of Professor Wagner from A. R. Belyaev's cycle «Professor Wagner's Inventions» as an archetype of the «mad scientist» in Soviet literature. Based on eight stories, the article examines the syncretic rethinking of Western European archetypes (Faust, Prometheus, Frankenstein). Wagner appears as a technocrat who ignores ethical boundaries, whose discoveries lead to disaster, and his figure serves as a warning about the dangers of scientific genius without moral responsibility.
Keywords: Professor Wagner, Belyaev, mad scientist, archetype, Soviet science fiction, inventions, corporeality.

PROFESSOR WAGNER FROM A. R. BELYAEV'S WORKS AS AN ARCHETYPE OF THE MAD SCIENTIST IN SOVIET LITERATURE

Обращение к архетипу «безумного ученого» в советской научной фантастике первой половины XX века обусловлено возрастающим интересом современного литературоведения к способам репрезентации научного знания и фигуры ученого в художественном тексте. Цикл А. Р. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» представляет собой уникальный материал для анализа трансформации западноевропейских архетипов (Фауст, Мефистофель, Прометей, Франкенштейн) в советском идеологическом и культурном контексте. Актуальность работы также связана с современными дискуссиями о границах технологического вмешательства в природу человека.

Целью работы является изучение специфики образа профессора Ивана Степановича Вагнера как архетипа «безумного ученого» в советской литературе на материале цикла рассказов А. Р. Беляева «Изобретения профессора Вагнера».

Объектом исследования выступает цикл рассказов А. Р. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» (1926–1936). Предметом исследования являются художественные средства и сюжетные механизмы конструирования образа профессора Вагнера, его связь с

вечными архетипами (Фауст, Мефистофель, Прометей, демиург, маг-иллюзионист), а также трансформация этих архетипов в контексте советской научной фантастики.

Цикл содержит восемь рассказов: «Человек, который не спит» (1926), «Гость из книжного шкафа» (1926), «Над бездной» (1927), «Чёртова мельница» (1929), «Творимые легенды и апокрифы»(1929), «Амба» (1929), «Хойти-Тойти» (1930), «Ковёр-самолёт» (1936). В данном исследовании мы также упоминаем рассказ «Ни жизнь, ни смерть» (1926), в котором упоминается имя Вагнера.

В рассказе «Ни жизнь, ни смерть» (1926) профессор Вагнер только упоминается: «Однако русский же ученый, профессор Вагнер, известный своей победой над сном, изобрел способ изменять состав крови теплокровных животных, приближая их к крови холоднокровных животных. И ему удалось уже благополучно «заморозить» и оживить обезьяну» [1, с. 78–79]. Вагнер становится одной из фигур, ответственной за дальнейшее развитие сюжета рассказа, поскольку именно он изобрел способ, позволивший быстро и успешно провести операцию по «заморозке человека».

В целях структуризации исследования следует идти в соответствии с порядком, представленным в собраниях и сборниках, а не по хронологии написания и печати. Цитирование текстов осуществляется по Собранию сочинений автора в восьми томах (1963–1964), том 8.

Рассказ «Творимые легенды и апокрифы» (1929) представляет собой своеобразную компиляцию четырех анекдотических историй-спекуляций вокруг фигуры профессора. В первой части, «Человек, который не спит», дан портрет ученного. Вагнер выглядит моложе своих лет: «Ему нельзя было дать более сорока лет. А в это время профессору Вагнеру было за пятьдесят.» [1, с. 165], а также способен думать обеими половинами мозга и писать двумя руками одновременно. Он становится фигурой «апокрифов», как замечает рассказчик «Творимые легенды возникали на ... глазах» [1, с. 166]. Во второй части, «Случай с лошадью», рассказано о происшествии на ипподроме: лишь Вагнер знает причину странного поведения лошади. Третья часть, «О блохах», повествует об увеличении блохи до размеров человека, которая затем сеет панику в Париже. Блоха названа минотавром, а сам Вагнер выступает как «повелитель блох», что также можно воспринимать как демоническую коннотацию образа. В четвертой части рассказано об опыте расширения физиологических параметров человека через управление температурой. Однако в отличие от механического усиления («человек-блоха») здесь Вагнер вторгается в фундаментальные термодинамические процессы организма, делая его независимым от внешнего климата.

«Ковёр-самолёт» (1936) – хронологически последний рассказ цикла. При встрече с Вагнером повествователь замечает у него на лбу шишку, причём лексема «шишка» встречается в тексте шесть раз. Сам персонаж объясняет появление шишки следующим образом: «Одна идея голову распирает» [1, с. 200]. Идея здесь предстаёт как болезнь, выходящая наружу с телесными повреждениями. Вагнер одержим познанием, свою деятельность он характеризует как «донкихотство», противопоставляя себя толпе на ипподроме – носителю иных ценностей. В рассказе упоминается прошлое изобретение – пружины для рук и ног («человек-блоха»), созданное в ответ на исходную неполноценность человека: «Как вам кажется, хорошо ли сделан человек? Мне кажется, плохо. Хуже блохи» [1, с. 201]. Вагнер предпринимает попытку дополнить, продлить телесность средствами механики, заставить функционировать тело по законам технического устройства, что порождает одновременно и комические ситуации, и риск для жизни («Я не могу остановиться!» [1, с. 203]). Вся экспериментальная деятельность Вагнера сопряжена с травмами (шишки, падения, забинтованная голова), что снижает пафос изобретательства до физиологического уровня: «Это вас на ипподроме так разукрасили? – спросил я. – Да... нет, это я сам себя» [1, с. 200]. Можно найти параллели с образом Прометея. Вагнер дарит людям «огонь знаний», однако они готовы его растерзать. При этом в большинстве рассказов общая идея гуманистической, ориентированной на благо человека, науки оборачивается катастрофическими последствиями.

В произведении «Чертова мельница» Вагнер не удовлетворяется опытами только продления жизни, а вторгается в бытие мёртвого тела, пытаясь отменить «нелепость» смерти. Игнорируя культурные и религиозные табу, он рассматривает труп как ресурс и «сырьё»: использование частей тела без согласия «владельца» представляет собой технократическую форму отношения к смерти. Финальный монолог персонажа («заставим работать и мёртвых», «фабрика, машины которой приводятся в движение отрезанными от тела человеческими руками» [1, с. 222–223]) – квинтэссенция безумия, предлагающая радикальную утилизацию телесности. Данный сюжет отсылает к традиции готического романа (М. Шелли, «Франкенштейн»), однако он не создает отдельное существо, Вагнер конструирует прагматичные функциональные фрагменты, что представляет собой пост-франкенштейновскую версию оживления материи.

В рассказе «Над бездной» Вагнер не просто проводит опыт, а меняет фундаментальные константы бытия (сила тяжести, скорость вращения Земли), посягая на функцию, доступную лишь божественным или природным силам. Его спокойствие перед лицом катастрофы («Смотрите на это, как на стихийное бедствие» [1, с. 235]) отрывает персонажа от человечества, придавая ученому демонические черты: гибель миллионов для него – статистика либо «ошибка в расчётах». Оправдание Вагнера («Хотя бы и только для научного опыта» [1, с. 235]) обнажает логику, согласно которой познание важнее существования. Финал рассказа, однако, переворачивает ситуацию: Вагнер оказывается виртуозным гипнотизёром, способным внушить человеку переживание конца света, что возвращает к архетипу мага-иллюзиониста, управляющим сознанием других. Гипнотическая иллюзия не отменяет общей модели: в этом рассказе профессор Вагнер предстаёт как демиург и антигуманист, чьё фаустианское стремление к знанию ведёт к насильственному преобразованию мира, а также человеческому безумию, как замечают исследователи О. Ю. Осьмухина и Д. И. Старцев [3, с. 192].

«Человек, который не спит» (1926) и «Гость из книжного шкафа» (1926) – хронологически первые и сюжетно связанные рассказы, важные для сопоставления образа профессора Вагнера с архетипами Фауста и Мефистофеля.

В первом рассказе Вагнер дарит человечеству «бессонные ночи», однако терпит наказание, как Прометей: его «скалой» становится тюрьма-лаборатория, а «орлом» – политическая организация «Диктатор», эксплуатирующая открытие. Вагнер, будучи «человеком, далеким от политики», не осознаёт того, что его препарат возможно использовать в целях разрушения; его ослепленность научной истиной оборачивается невольным соучастием в процессах, приведших к социальной несправедливости. В отличие от Фауста, Вагнер не продаёт душу дьяволу – дьявол сам похищает его. Освобождение требует нового преступления, усыпления целого города, ведущего к хаосу и жертвам, и в финале Вагнер переигрывает тюремщиков, становясь «магом». Цена свободы – разрушительные последствия: «Окровавленные трупы перемешивались с телами спящих... Каково будет их пробуждение?..» [1, с. 288].

В «Госте из книжного шкафа» Вагнер, после неудавшегося побега, делает материю проницаемой. Он сам становится для себя Мефистофелем, а его прямая самореференция «Позвольте и мне, Фаусту современной науки, исчезнуть не менее эффектным образом», закрепляет отождествление с вечным образом. Как отмечает Е. Иваньшина [2, с. 29–30], Вагнер выступает в роли творца микрокосма: стеклянный шар с растущей туманностью напоминает гётевскую колбу с Гомункулом, но у Беляева созданный мир «погибнет прежде, чем появятся люди». Изменяя «консистенцию атомов» своего тела, Вагнер преодолевает телесность как физическое препятствие, приобретая «сверхтелесность» (прохождение сквозь стены, восприятие неведомых цветов). Однако концепция «ахиллесовой пяты» (материальные подошвы) указывает на невозможность полного превращения в дух для человека из плоти и крови.

Выход Вагнера из книжного шкафа символизирует рождение знания из материи: книги как вместилище знаний становятся проницаемы для их создателя. Кроме того, данный образ может быть интерпретирован как внетекстовое явление – Вагнер читается и как книжный

герой, «обитающий» в сборниках Беляева.

Связанные рассказы «Амба» (1929) и «Хойти-Тойти» (1930) завершают цикл. В «Амбе» тема телесности достигает вершины: Вагнер не просто оживляет отдельные органы, но поддерживает жизнь и сознание в изолированном мозге, вступая с ним в диалог. Название (абиссинское плато и сленговое «два выигрыша сразу») символизирует двойную цель – спасение друга Турнера и научное открытие. Мозг Ринга, помещённый в физиологический раствор, продолжает мыслить и испытывать эмоции, не зная о собственной смерти, что ставит вопрос о локализации личности. Вагнер манипулирует участками мозга («темный карцер», ощущения света, шума) и в финале иронически сообщает, что мозг вырос «не меньше мозга кита», но «от этого он не стал умнее». Пересаженный коровий глаз становится технологическим «органом познания», что отсылает к мифологеме всевидения.

В «Хойти-Тойти» Вагнер пересаживает человеческое сознание в тело слона, создавая гибридное существо с сохранёнными памятью, интеллектом и самосознанием, но обречённое на трагикомическое звериное существование (страх мышей, невозможность говорить). Рассказ подводит итог циклу: Вагнер предстаёт как творец новой формы жизни. Вместе с тем он остаётся не всесильным: в отличие от своего гётевского тёзки, он не создал Гомункула. В параллели с доктором Моро (химеры) и Виктором Франкенштейном (работа с мёртвой плотью) Вагнер манипулирует биологией, физикой и инженерией, но не преодолевает границ органической данности.

Таким образом, профессор Вагнер в цикле Беляева не является прямым заимствованием западноевропейских образов (Фауст, Мефистофель, Прометей, Франкенштейн), но представляет собой их синкретическое переосмысление в контексте советской научной фантастики первой половины XX века. Вагнер – это «безумный учёный» нового типа: технократ, игнорирующий этические границы, но при этом сохраняющий черты трагического героя, чьи открытия неизбежно обращаются против него самого и окружающих. Цикл «Изобретения профессора Вагнера» можно рассматривать как своего рода предостережение об опасностях научного гения, освобождённого от моральной ответственности, – тему, которая сохраняет свою актуальность и в современном дискурсе о границах технологического вмешательства в природу человека.

Список источников

1. Беляев, А. С. Собрание сочинений. В 8 томах. Том 8 / А. С. Беляев. – Москва : Молодая гвардия, 1964. – 528 с.

2. Иваньшина, Е. А. Жизнь или смерть? Фаустианские мотивы в творчестве А. Р. Беляева / Е. А. Иваньшина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2016. – № 3. – С. 163–173.

3. Осьмухина, О. Ю. Специфика воплощения мотива безумия в творчестве А. Р. Беляева / О. Ю. Осьмухина, Д. И. Старцев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 190–194.

Кобзева Карина Александровна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ИНТЕГРАЦИЯ МЕДИЙНЫХ ФОРМАТОВ В ПРОДВИЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Представлены этапы и методы опытно-экспериментальной работы по продвижению литературного образования студентов через медиаформаты (подкасты,

видеорецензии, блоги, соцсети). Работа ведётся в Колледже АлтГПУ, включает анализ читательских интересов и оценку знаний. Формирующая программа предполагает создание медиапродуктов на материале русской литературы XIX–XX веков. Особенность – учёт типов интеллекта при выборе форматов и разработке занятий.
Ключевые слова: литературное образование, медийные форматы, читательский интерес, типы интеллекта, методика преподавания литературы.

Kobzeva K. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The stages and methods of experimental work to promote students' literary education through media formats (podcasts, video reviews, blogs, social networks) are presented. The work is carried out at the College of Altai State Pedagogical University, includes the analysis of reading interests and assessment of knowledge. The formative program involves the creation of media products based on the material of Russian literature of the 19th and 20th centuries. The peculiarity is taking into account the types of intelligence when choosing formats and developing classes.
Keywords: literary education, media formats, reading interest, types of intelligence, methods of teaching literature.

INTEGRATION OF MEDIA FORMATS INTO PROMOTING LITERARY EDUCATION

Современное литературное образование сталкивается с проблемой снижения интереса к чтению классической литературы среди студентов. Как показывают исследования Н. Е. Мельниковой, чтение в студенческой среде сохраняет позиции значимого досуга, однако учебная литература воспринимается преимущественно как «фактор необходимости» [3, с. 45–46]. Относительно жанровых предпочтений, то приоритет смещается в сторону фэнтези, детективов, нон-фикшена, а классическая проза требует дополнительной мотивации [2, с. 181].

Цель исследования – разработать и апробировать методику продвижения литературного образования среди студентов посредством интеграции медийных форматов. Объектом исследования выступает процесс литературного образования в условиях современной медиасферы. Предметом определяется практическое использование современных цифровых технологий и медиаресурсов для продвижения литературного образования.

Новизна исследования заключается в том, что при разработке учебной программы использование медиатехнологий осуществлялось с учетом доминирующих типов интеллекта студентов экспериментальной группы. Это позволяет обеспечить индивидуальный подход к каждому, предложить форматы, которые наиболее актуальны для студента, тем самым мотивируется интерес к литературному образованию и развиваются навыки смыслового чтения.

Анализ материалов исследования. Опытно-экспериментальная работа проводилась в три этапа. На констатирующем этапе (сентябрь – октябрь 2025 г.) сформирована выборка из 92 студентов 1 курса Алтайского государственного педагогического колледжа (44– направление «Юриспруденция», контрольная группа, КГ; 48 – «Преподавание в начальных классах», экспериментальная группа, ЭГ). Диагностический инструментарий включал тестирование читательской активности, литературных знаний и методику Г. Гарднера для определения доминирующих типов интеллекта [1, с. 94–96].

Результаты констатирующего этапа показали, что в ЭГ выше регулярность чтения (60% читают от «ежедневно» до «1–2 раз в неделю» против 43% в КГ). Однако выявлены проблемные стороны: предпочтение кратких пересказов (45% в КГ), низкая мотивация к чтению классики (40% в ЭГ читают «по требованию программы»), отсутствие участия в творческих проектах (4% в ЭГ). Уровень сформированности литературных знаний в ЭГ: низкий – 21%, средний – 60%, высокий – 19%; в КГ: 29%, 57%, 14% соответственно. По

результатам констатирующего этапа группы признаны однородными, что позволяет говорит об достоверности результатов опытно-экспериментальной работы.

Диагностика типов интеллекта выявила, что в ЭГ преобладают лингвистический (25%), пространственно-визуальный (21%), интерперсональный (17%). Это стало основой при выборе медиаформатов, так как, например для лингвистического типа интеллекта предлагалось написание постов, текстов; для визуального подбор видеоматериалов, иллюстраций.

На формирующем этапе (ноябрь 2025 – февраль 2026) реализовывалась учебная программа, включающая шесть модулей (произведения русской литературы XIX–XX веков). Первый модуль (введение и драматургия) посвящен драме «Гроза» А. Н. Островского. Студенты на занятии анализировали произведение, создавали групповые подкасты и буктрейлеры, передающие противостояние Катерины и «темного царства». Внимание уделялось интерперсональному, лингвистическому и визуальному типам интеллекта.

Второй модуль охватывает романную прозу XIX века: «Обломов» И. А. Гончарова и «Отцы и дети» И. С. Тургенева. При анализе романа «Обломов» студенты находят причинно-следственные схемы и создают инфографику (логико-математический тип), а затем на этой основе писали посты для социальных сетей (лингвистический тип). Конфликт поколений в тургеневском романе осмыслялся через дискуссию «отцов» и «детей» с визуальным сопровождением, а домашним заданием явилось создание фанфика (альтернативная концовка или дневник персонажа).

Третий модуль построен на материале лирики Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. Во время занятий студенты записывают аудиоподкасты с музыкальным сопровождением. При изучении поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» проводится интерактивный литературный квест: одна группа создает визуальную карту путешествия, другая – текстовые задания (цитаты, фрагменты). Акцент делается на всех типах интеллекта студентов.

Четвертый модуль включает прозу рубежа веков и XX века. По повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» студенты создают цифровой дневник Ивана Флягина (или фанфик) с сохранением лингвистического стиля писателя. При анализе пьесы М. Горького «На дне» на интерактивной платформе Miro проецируется коллективная схема «трех правд» Луки, Бубнова и Сатина с цитатами и визуальными образами. Рассказы И. А. Бунина («Антоновские яблоки», «Господин из Сан-Франциско») студенты интерпретируют через видеопрезентации и аудиоподкасты, передавая атмосферу бунинской прозы. Акцент делается на логико-математическом и пространственно-визуальном типах мышления.

Пятый модуль ориентирован на изучение поэзии и прозы Серебряного века. Поэма А. А. Блока «Двенадцать» анализируется через создание буктрейлеров. Задание заключалась в передаче «появления Христа», через цвет, монтаж и музыку. Новаторство В. В. Маяковского в поэме «Облако в штанах» студенты интерпретируют в постах и афишах в стиле конструктивизма: лесенка, гипербола, рубленые шрифты, красный и черный цвета. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» изучается с использованием персональных карточек, сгенерированных искусственным интеллектом: каждый студент получал индивидуальное задание (выразительное чтение монолога Пилата, импровизация от лица Кота Бегемота, аналитический ответ о справедливости Воланда), что позволяет задействовать все типы интеллекта.

Шестой модуль направлен на знакомство с литературой 1960–1980-х годов. Рассказ А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» изучался посредством видеомонтажа (утро, работа, приспособление, интеллигент в лагере, лагерный язык, финальный сон) с последующей дискуссией и обсуждением произведения. Рассказы В. М. Шукшина («Чудик», «Беседы при ясной луне») рассматривались в литературной гостиной в онлайн-формате (телемост). Повесть В. Г. Распутина «Прощание с Матерой» представилась в формате новостных сюжетов (генерация нейросети): репортаж с острова, интервью с Дарьей, комментарий эколога. Это позволило студентам проникнуться в суть произведения, переживания героев и выявить взаимосвязь нравственных, философских и экологических

проблем.

Структура занятия включает погружение в тему через проблемный вопрос и визуальный и/или аудио- ряды, анализ произведения с выделением ключевых моментов (тезисов); распределение студентов по творческим группам (в соответствии с преобладающим типом интеллекта); создание медиапродукта, презентация; анализ (обсуждение, вопросы по кругу). Домашние задания предлагались в 2–3 вариантах на выбор (эссе, написание фанфика, доработка медиапродукта, видеоинсценировка, публикация поста в соцсети), что поддерживало индивидуализацию обучения.

Контрольный этап (март 2026 г.) включал повторное тестирование участников ЭГ и КГ с применением тех же методик, что и на констатирующем этапе исследования. Так, отмечена положительная динамика у студентов ЭГ: частота чтения «ежедневно» выросла с 8% до 21% (+13%). Доля студентов, прочитавших за полгода 6–10 книг, увеличилась с 15% до 27%. Мотивация к чтению классики («с большим интересом») возросла с 10% до 27% (+17%). В КГ значимых изменений не произошло. Уровень сформированности литературных знаний в ЭГ после эксперимента: высокий – 31% (в 3 раза выше, чем в КГ), средний – 52%, низкий – 17% (в КГ – 57%).

Таким образом, опытно-экспериментальным путем доказано, что эффективность применения медиаформатов в литературном образовании заключается в разработке комплексной учебной программы, учитывающей типы интеллекта студентов. Структура занятия должна включать анализ и разбор произведения, а также создание медиапродукта (творческое задание). Предложенная методика может быть рекомендована для использования в системе среднего профессионального и высшего педагогического образования.

Список источников

1. Белогрудова, В. П. Теория множественного интеллекта Г. Гарднера и ее принципиальное значение для современного образования / В. П. Белогрудова, А. В. Семерикова. // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2008. – № 8. – С. 85–98.
2. Каргаполова, Е. В. Читательские предпочтения современного российского студенчества: жанровое разнообразие / Е. В. Каргаполова, О. О. Мищенко, М. А. Требова // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 3. – С. 175–186.
3. Мельникова, Н. Е. Чтение в студенческой среде: темпы, объемы, предпочтения / Н. Е. Мельникова, А. А. Александровна // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 44–47.

Лазарева Анастасия Юрьевна, Логашева Мария Андреевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Глазинская Евгения Тимофеевна,
старший преподаватель

ЛОКУС ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ ХАСКИ (ДМИТРИЯ КУЗНЕЦОВА)

Аннотация. В статье рассматривается специфика локуса дома в творчестве отечественного рэп-исполнителя Хаски (Дмитрия Кузнецова). В качестве основного материала для анализа взят один из ранних текстов рэпера «Панелька», а также привлечены другие его произведения. В статье исследуются особенности восприятия панельного дома как объекта, сформировавшего несколько поколений, и определяются сопутствующие «панельке» образы и культурные феномены («панелька» представлена символом русских девяностых).

Ключевые слова: художественное пространство, локус дома, типовой дом, маргинальность, постсоветское пространство.

Lazareva A. Y., Logasheva M. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article examines the specific locus of the home in the work of Russian rap artist Husky (Dmitry Kuznetsov). The primary material for the analysis is one of the rapper's early lyrics, «Panelka», and other works by him are also included. The article explores the perception of the panel house as an object that has shaped several generations and identifies the images and cultural phenomena associated with the panel house (the prefabricated house is presented as a symbol of the Russian 1990s).
Keywords: literary space, locus of home, typical house, marginality, post-Soviet space.

THE LOCUS OF HOME IN THE WORKS OF HUSKY (DMITRY KUZNETSOV)

Творчество рэп-исполнителя Хаски (Дмитрия Кузнецова) неоднократно становилось объектом исследования в литературоведении. Анализу подвергались религиозные мотивы и тема Бога в художественном восприятии автора, языковые особенности его текстов и интертекстуальные отсылки к творчеству В. Маяковского, В. Хлебникова, А. Блока, Е. Летова и др. Рассматриваемый текст «Панелька» из альбома Хаски «Любимые песни (воображаемых) людей» также становился объектом исследования литературоведов. Локус дома в «Панельке» и др. текстах рассматривается нами как сквозной образ, формирующий особую концепцию лирики рэпера и его мировосприятия: цитируя Хаски, это – «русская поэзия в подъезде у кента» («Бит шатает голову»).

Локус дома – один из важнейших в русской литературе. Если в произведениях XIX в. дворянский дом воспет Л. Н. Толстым, А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, то позднее начинает развиваться мотив утраты дома («Вишневый сад» А. П. Чехова, «Дачники» Максима Горького). Дом понимается не только как «крыша над головой», не оценивается только в рамках комфорта, но трактуется как космос, в котором живет и формируется личность. Так, для русского человека утрачивается не место жительства, а ощущение пребывания дома. Согласно Юхани Палласмаа, теоретику искусств, архитектура, основывающаяся исключительно на строительных задачах, утрачивает мифопоэтическое начало. Человек в подобном пошлом пространстве становится отчужденным от мира, теряет свое место в нем.

В тексте Хаски представлен не дом, а именно квартира. Согласно статье К. А. Жульковой о хронотопе дома в литературе XX века, в русской словесности уже начиная с 1920-х годов образ дома переосмысляется, на первый план выходит образ *квартиры* [3, с. 198]. Ввиду появления в СССР типовых домов – «хрущёвок», «брежневок», – восприятие дома для человека меняется. Пространство деформируется, от центра семейного очага, источника уюта и исключительно личного пространства становясь коллективным, равнодушным и обезличенным. В типовом доме всё личное непроизвольно предоставляется обществу жильцов, повседневность каждого из которых имеет однообразный характер, складывается «по трафарету», как и происходит в тексте у Хаски.

В тексте Хаски представлен локус панельки. Изначально при Н. С. Хрущёве панельные дома имели своей целью временное проживание людей для ускорения процесса урбанизации. Строительство типовых домов было недорогим и быстрым процессом, поэтому такие здания удалось разместить по всей России. Несмотря на то, что планы застройки городов давно изменились, «панелька» до сих пор остаётся самым распространённым типом жилья среди россиян, а потому рефлексируется в культуре.

Таким образом, «панелька» – феномен, который создан русской (советской) цивилизацией. Созданная быть временным убежищем в ожидании лучшего будущего, она становится бесконечной во времени и пространстве. В тексте Хаски этот локус влияет на человека даже до его рождения, «начинается, как шум в животе» и остается только «прятаться в мутной воде» утробы матери, чтобы потом начать полноценное «врастание» в панельный мир.

Сочетание «врастать в панельку» можно определить как перевёрнутую метафору: Панелька может «врасти» в человека, наделив его определёнными ценностями и воспоминаниями, выстроив «трафарет» определенного, «панельного» образа жизни.

Панелька представлена в тексте хтоническим существом: «набито панельное брюхо», заполоняющее все пространство, закрывающее собой пространственную вертикаль – небо также подчиняется панельке: «панельного неба краюха» становится лишь периферией панельки, солнце представлено только отражением, его образ снижается автором: «солнце тает в окне, как харчок золота».

У Хаски панелька не просто является атрибутом жизни русского человека, – она представляется основной её составляющей, подчинившей себе все её сценарии, определившей мировоззрение и, как в конце текста выясняется, будущее «панельного» человека («Привет, панельный сын панельного отца»). Отсюда сравнение бытовых драм с трафаретом – техникой размножения простых рисунков и орнаментов.

Для событий, либо непосредственно происходящих с лирическим героем, либо, так или иначе, относящихся к нему, Хаски использует многочисленные инфинитивы: «прятаться», «вынырнуть», «врастать», «жрать», «давиться», «засовывать», «убегать» и т.д. Однако в тексте «Панельки» есть два глагола в форме 1 л., ед. ч, задействованных в рефрене «Еду по России, не доеду до конца». С помощью безличных предложений Хаски дает обобщенную историю жизни миллионов человек, типичную настолько, насколько типичны для русского городского пейзажа панельные дома. Расти без отца, видеть слезы матери, курить, «квасить» на картонке «полтораху» пива и возвращаться домой ради «похмельного сна» – такую судьбу предрекает панелька для своих жителей.

На фоне сливающихся в общую массу судеб выделяется личный путь лирического героя. Отметим, что в тексте развивается лирический сюжет – с рождения лирического героя, где «папа папой был понарошку», «прятки с отцом: горячо-холодно», описывают иллюзорность семьи в панельном мире, до «фотографии семьи, которой нет» и уже его собственных «пряток с сыном, будто чужая жизнь». И теперь уже он – человек, убегающий от панельки, «ужалившись», оставляя там своего сына.

Оставаясь частью «панельного мира», лирический герой пытается найти из него выход; отправляется на поиски его конца, но найти не может. Так, укоренившийся в культуре образ бескрайней России переосмысляется в современности как безграничное пространство одинаковых панельных домов. Оттого герой в конце припева задаётся риторическим вопросом «Где панелька моего отца?». В этом контексте раскрываются и «бесконечные трущобы в бесконечное окно» из текста «Бит шатает голову».

Итак, образ «панельки» распадается на две составляющие: физическое пространство и сопряженная с ним судьба. Авторская позиция показывает трагическую неизбежность повторения панельных судеб. Мир, на первый взгляд предстающий маргинальным, становится типичным на постсоветском пространстве.

Список источников

1. Голубков, М. М. Образы русского дома и мотив бездомности в литературе XX–XXI вв. / М. М. Голубков // Мир русскоговорящих стран. – 2021. – № 3 (9). – С. 48–57.

2. Жданова, Е. С. Русскоязычная рэп-поэзия как отражение духовных поисков (на примере текстов Д. Кузнецова) / Е. С. Жданова, Ю. Е. Кобина, Г. О. Илагаева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 548–550.

3. Жулькова, К. А. Образ дома в русской литературе первой половины XX в. / К. А. Жулькова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2019. – № 1. – С. 194–201.

4. Корчинский, А. В. Бог Хаски / А. В. Корчинский // Русская рок-поэзия : текст и контекст. – 2020. – № 20. – С. 116–123.

5. Устюгова, Е. Н. Антропологический поворот в современной урбанистике /

Е.Н. Устюгова // Terra Aestheticae. – 2018. – № 1. – С. 199–215.
6. Хаски : [сайт]. – URL: https://genius.com/artists/Husky (дата обращения: 17.04.2026).

Петрова Елизавета Владимировна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Скубач Ольга Александровна,
кандидат филологических наук, доцент

МОТИВ ВЕТРА В РОМАНЕ НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»: ТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ

Аннотация. Статья посвящена проблеме систематизации мотивов в творчестве В. В. Набокова на материале романа «Отчаяние». На примере мотива ветра демонстрируется его сюжетообразующая роль: изменение силы ветра маркирует этапы развития творческого замысла главного героя, его приближение или отдаление от «мерзкой мечты» об убийстве. Интертекстуальный потенциал мотива раскрывается через полемическую отсылку к стихотворению М. Горького «Песня о Буревестнике» и советской литературе в целом, которую Набоков не принимал. Показано, что увлечённость героя коммунистическими идеями коррелирует с его художественной несостоятельностью как графомана, не способного к подлинному творчеству.
Ключевые слова: мотив, Набоков, Горький, мотивная структура, интертекстуальность

Petrova E. V.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article addresses the problem of systematizing motifs in the works of Vladimir Nabokov based on the novel *Despair*. Using the motif of wind as an example, the article demonstrates its plot-forming role: changes in wind intensity mark the stages of the protagonist's creative design, his approach to or retreat from the "vile dream" of murder. The intertextual potential of the motif is revealed through a polemical reference to Maxim Gorky's poem *The Song of the Stormy Petrel* and to Soviet literature as a whole, which Nabokov rejected. It is shown that the protagonist's enthusiasm for communist ideas correlates with his artistic inadequacy as a graphomaniac incapable of genuine creativity.
Keywords: motif, Nabokov, Gorky, motif structure, intertextuality

THE MOTIVE OF WIND IN NABOKOV'S NOVEL *DESPAIR*: TEXTANDINTERTEXT

Целью нашего исследования является создание словаря мотивов по творчеству В. В. Набокова. В качестве объекта нашего исследования выступает роман В. Набокова «Отчаяние», предметом исследования являются мотивы, которые автор использует в романе.

Владимир Набоков является одним из ключевых авторов XX века, чье творчество оказывает значительное влияние на мировую литературу. Его произведения, богатые символикой и многослойными смыслами, требуют глубокого анализа и интерпретации. Создание словаря мотивов поможет читателям и исследователям лучше понять и оценить глубину его произведений.

Во время исследования мы опирались на теоретическое положение о том, что мотив – это смысловой компонент текста, который обладает таким свойством как повторяемость, а также имеет за собой закрепленную функцию. Под мотивной структурой мы, вслед за А. Н. Веселовским, понимаем: концептуально значимую конструктивную связь повторяемых

и варьируемых компонентов текста, придающую ему свою особую поэтику [2, с. 93].

В мотивной структуре романа Набокова можно выделить два уровня – это мотивы внутритекстовые, характерные для многих произведений писателя, и мотивы интертекстуальные, отсылающие нас к определенной литературной и культурной традиции. Усложняет мотивную структуру романа принцип организации текста – «принцип матрёшки», «текст в тексте». В данной статье мы подробно рассмотрим некоторые из них.

Один из наиболее значимых мотивов является мотив ветра. Главный герой, Герман Карлович, каждый раз встречает Феликса в ветренную погоду. Чем ближе герой к воплощению своего творческого замысла в жизнь, тем сильнее на это реагирует природа. Он то приближается к двойнику и к мысли об убийстве, то отдаляется от него и своей «мерзкой мечты»: «Не смея еще вернуться на урочное место, давая еще время судьбе переменить программу, еще ничего не чувствуя, ни досады, ни облегчения, я довольно долго шел по улице, удаляясь от памятника, – и все останавливался, пытаясь закурить, – ветер вырывал у меня огонь, наконец я забился в подъезд, надул ветер, – какой каламбур» [7, с. 74].

Герман перед первой встречей с Феликсом подмечает: «Когда я наконец дошел доверху, там оказались кривые домики, да на веревке надувались мнимой жизнью подштанники» [7, с. 13], то есть придает неживому подобие жизни, как это делает художник, создавая иллюзию жизни для читателя/зрителя.

Первые две встречи с Феликсом не просто сопровождаются ветром – по мере оформления цели убить двойника ветер усиливается, что подчеркивает связь природы и искусства [6, с.48-50]. А как только об убийстве печатают в газете и Герман Карлович начинает осознавать, что он сделал, начинается настоящая буря: «На шестой день моего пребывания ветер усилился до того, что гостиница стала напоминать судно среди бурного моря, стекла гудели, трещали стены, тяжкая листва с шумом пятилась и, разбежавшись, осаждала дом» [7, с. 190].

Так как мотивы организуют структуру романа, мы можем связать мотив ветра и мотив слепоты, потому что в сильно ветренную погоду снижается видимость, когда и происходит встреча героя и его мнимого двойника.

Если рассматривать этот мотив как интертекстуальный, то он отсылает нас к писателю советского периода Максиму Горькому и его стихотворению «Буревестник»: «В этом крике – жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике» [5].

Как мы уже писали выше, что чем ближе Герман к осуществлению своей идеи, тем сильнее дует ветер. Не зря автор использует именно этот мотив и ссылается на Горького. Горький – флагман советской литературы. Сам Набоков не принимал ни советскую литературу, ни коммунистические идеи, а вот герой нашей повести как раз увлекается данными идеями и часто на протяжении романа весьма восторженно о них отзывается: «Когда я, бывало, говорил, что коммунизм в конечном счете – великая, нужная вещь, что новая, молодая Россия создает замечательные ценности, пускай непонятные европейцу, пускай неприемлемые для обездоленного и обозленного эмигранта, что такого энтузиазма, аскетизма, бескорыстия, веры в свое грядущее единообразие еще никогда не знала история…» [7, с. 27]. Отчество героя также подкрепляет эту идею «Карлович» – Карл Маркс – создатель идеи коммунизма.

Таким образом, Набоков полемизирует, и можно даже сказать нападает на советскую литературу, ведь Герман, увлеченный данными взглядами, создает весьма посредственное произведение: графоман, который не может осознать ценность настоящего искусства.

Список источников

1. Васильева, М. А. Кто такой Герман Карлович? К вопросу о феноменологии главного героя романа В. Набокова «Отчаяние» / М. А. Васильева// Русская литература. – 2016. – № 4. – С. 198–209.

2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Наука, 1989. – 408 с.

3. В. В. Набоков : pro et contra : Личность и творчество Владимира Набокова в оценке рус. и зарубеж. мыслителей и исследователей : Антология / Сост. Б. Аверин и др. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. – 975 с.

4. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века / Б. М. Гаспаров. – Москва : Наука, 1999. – 237с.

5. Горький, М. Песня о буревестнике / М. Горький. – URL: https://www.culture.ru/poems/33298/pesnya-o-burevestnike (дата обращения: 13.03.2024).

6. Мастепак, Т. Г. Мотив ветра/бури в романе В. Набокова «Отчаяние» / Т. Г. Мастепак, Е. А. Полева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6. – С. 47–55.

7. Набоков, В. В. Отчаяние / В. В. Набоков. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2022. – 224 с.

8. Полянина, А. С. Визуализация как принцип повествования в романе В. В. Набокова «Отчаяние» / А. С. Полянина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6. – С. 177–187.

Проскурякова Дарина Олеговна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Скокова Динара Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗАПАХОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ…»

Аннотация. В статье рассматриваются запахи в разных аспектах (и как наполняющие пространство, и как атрибуты персонажей, а также в контексте их рецепции «домовцами») в произведении М. Петросян «Дом, в котором…». В романе запах становится одним из ключевых средств различения «своего» и «чужого», внутреннего и внешнего. В Доме запахи играют роль коллективной памяти и идентичности, часть личности «домовца» – собственный запах. «Обнюхивание» выступает ритуалом узнавания, а нюх – необходимым для этого инструментом.
Ключевые слова: ольфакторный код, запах, ритуальное «обнюхивание», пространство, деталь.

Proskuryakova D. O.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines odors in various aspects (both as a filling of spaces and as attributes of characters, as well as their reception by the residents of the House) in M. Petrosyan's novel "The House Where...". In the novel, odors become one of the key means of distinguishing between "one's own" and "foreign", between the inner and the outer. In the House, odors play a role in collective memory and identity, and a part of the "House dweller's" personality is their own scent. Sniffing becomes a ritual of recognition, and the sense of smell becomes a necessary tool for this purpose.
Keywords: olfactory code, smell, sniffing, space, detail.

FUNCTIONING OF ODORS IN M. PETROSYAN'S WORK «THE HOUSE IN WHICH...»

В современной гуманитарной науке всё большее внимание уделяется исследованию сенсорных кодов в литературе. Они используются для создания образности, передачи

чувственных впечатлений, раскрытия авторской концепции мира. Среди них рассмотрим подробнее ольфакторный, как систему мотивов, а также образов, наделённых семантикой запаха.

Значимым компонентом в художественных произведениях нередко выступают запахи, они могут вызывать различные ассоциации и эмоции у персонажей и читателей, ассоциироваться с определенными местами, событиями или персонажами, а также эмоциональными состояниями. Так, в тексте произведения М. Петросян «Дом, в котором…» запахи в структуре пространства и образов персонажей создают систему ольфакторных (от лат. «обонять») кодов.

Исследование специфики функционирования запахов в структуре романа, их роли в формировании художественного пространства и системы персонажей показывает, что в романе М. Петросян «Дом, в котором…» запах становится одним из ключевых средств различения «своего» и «чужого», внутреннего и внешнего. Слепой: «всегда лучше пахнуть тем, что тебя окружает – одно из правил выживания в Лесу. Сделавшись его частью, отведешь беду. Немного похоже на копирование интонаций собеседника» [3. с. 58]. Таким образом трудно представить более сильный знак повседневности, нежели привычный запах «своего».

У воспитанников интерната существует своеобразный ритуал посвящения и инициации для новоприбывших детей. Их гоняют, колотят, пугают, испытывают на прочность, что является как бы первой фазой ритуала инициации, разрывом с детской наивностью, надеждой на помощь родителя. Новичка не принимают до тех пор, пока запах Наружности не выветрится, но даже когда заканчивается период «избиения», он не может стать полноценным жителем Дома какое-то время [1, с. 6]. В Доме запахи играют роль коллективной памяти и идентичности, часть личности «домовца» – собственный запах.

Обнюхивание выступает ритуалом узнавания, а нюх – необходимым для этого инструментом. Также можно выделить в языковом кодировании категории хорошего / плохого и приятного / неприятного запаха, конструкции «запах чего-либо». В произведении присутствуют такие категории как «запах-образ», реальный запах и «запах-описание».

Так, одна из надписей на стене Дома гласит: «Мальчики, не верьте, что в раю нет деревьев и шишек. Не верьте, что там одни облака. Верьте мне, ведь я старая птица, и молочные зубы сменила давно, так давно, что уже и не помню их запах. Мысленно с вами всегда. Ваш папа стервятник» [3, с. 162]. Запах «молочных зубов», становится метафорой детства, незрелости, его забывание свидетельствует о том, что прошло множество лет, проведенных в «Доме», умудрение опытом и владение «истиной».

Особенность хронотопа «Дома, в котором…» заключается во взаимодействии трех миров: «Наружности», лежащей за пределами интерната, самого Дома и находящегося внутри него многоуровневого мистического пространства, «Изнанки». Петросян обращается к фольклорному мотиву пересечения границы, чтобы маркировать перемещение героев из одного мира в другой. Важно отметить, что сам Дом оказывается границей. В «Наружности» он стоит между пустырями и называемым «Расческами» скоплением многоэтажек: «На нейтральной территории между двумя мирами – зубцов и пустырей – стоит Дом» [3, с. 2].

Особое внимание в романе уделяется моменту возвращения персонажей из «наружности» – внешнего мира. Наружность – это пространство за пределами Дома, которое представляет собой совокупность обонятельных (в том числе) образов. В произведении отмечается, что по законам Дома бестактно вспоминать Наружность, потому что страшнее неё нет ничего. Каждый раз, когда кто-то возвращается в Дом, его сопровождает характерный запах, который сразу же улавливают остальные. «Этот запах различают только дети Дома. Неуловимый запах материнского тепла, утреннего какао, школьных завтраков, может, даже собаки или велосипеда. Запах своего дома. Чем дальше в прошлом у жителя Хламовника этот запах, тем лучше он его чует» [3, с. 138]. Запах матери выступает как родной для ребенка, является высоко значимым. Также в цитате присутствуют сразу три категории ольфакторного кода: запах-образ «велосипеда», запахи-описания эмоций и ассоциаций героев от «материнского тепла», «своего дома», а также реальные запахи какао и собаки. Возвращение

персонажа в Дом также сопровождается принесенными из Наружности запахами: «Он вернулся, и с ним в комнату ворвался запах наружности – мокрый асфальт, бензин и что-то ещё, неуловимое, но чужое» [3, с. 21]. В контексте образа пространства наружности семантика запахов сводится к дихотомии своего и чужого.

Стоит отметить, что в «Доме…» запахи существуют не сами по себе, у них всегда есть реципиент, поэтому запах функционирует в связи с мотивом нюха (учуянного запаха) и обнюхивания – всякий раз этот ритуал сопровождает прибывшего из «наружности». Названная пара мотивов сигнализирует о пересечении границы между двумя мирами и свидетельствует об особой чувствительности обитателей Дома к переменам.

За несколько лет проживания в Доме, где царят свои законы и традиции, из воспитанников «выветриваются» последние запахи Наружности. К выпуску это уже совсем иные люди с мышлением и характером, не соотносимыми со внешним миром. Запах поэтому в произведении служит не только для создания атмосферы, но и для раскрытия внутренних состояний персонажей, их связи с прошлым и особенностей восприятия окружающего мира. «Здесь плохо пахнет, – сказал Седой. – Чем дальше, тем хуже. Ты понимаешь, о чем я говорю – у тебя есть нюх. Сейчас плохо, но в самом конце будет хуже. Я знаю, я уже видел такое. Я помню прошлый выпуск, тот, что был до нашего» [3, с. 33]. «Плохой» запах для Седого обозначает тревожное предчувствие, предзнаменование повторения травматичного прошлого.

«Я вовсе не тот безупречный Сфинкс, которого она любит. Но и это не самое страшное. Самое страшное, что мне очень бы хотелось им быть. Правильным, добрым, всепрощающим парнем, который ей так нравится. Будь я таким, то, наверное, светился бы. Источал бы сияние и неземные ароматы, как покойный святой» [3, с .830]. Эпитет «неземные» (ароматы) имеет семантику приятного, хорошего запаха, но аромат не конкретизирован.

Мотивы обнюхивания и «чуяния» запахов вскрывают в структуре персонажей процессы расчеловечивания, уподобление их животным: «Делаясь пациентом, человек утрачивает свое «я». Стирается личность, остается животная оболочка, смесь страха и надежды, боли и сна. Человеком там и не пахнет. Человек где-то за пределами пациента дожидается возможного воскрешения. А для духа нет страшнее, чем стать просто телом» [3, с. 156], или: «Все ведут себя одинаково. Мечутся, стараясь спрятать все свое поглубже в себя, прячутся сами и прячут своих птиц, пятятся, пятятся и пахнут страхом; стараясь при этом улыбаться, острить, ссориться, кормиться и размножаться, а Горбач не умеет как все, его хватает только на первую, откровенную часть действий, и это делает его еще более несчастным» [3, с.11]. Наряду с одаризмами (прямыми называниями запахов) в приведенных цитатах, а также в произведении в целом, запахи приобретают метафорическую природу. Эмоциональное состояние, образы героев или характеристика пространства уподобляются запахам.

Зооморфность обитателей дома вследствие действующих в романе процессов расчеловечивания связана, с одной стороны, с мотивом оборотничества, «инаковости» людей с недугами, уподоблению животным, а с другой стороны – является атрибутом игрового поведения персонажей. Деантропологизация проявляется и в том, что обитатели интерната лишены обычных для человечества благ: имеют физические недуги (болезни), лишаются «своего дома», полагаются на обоняние и живут по законам, схожим с законами дикой природы.

Таким образом, запах в романе выполняет несколько функций: отделяет внутренний мир Дома от внешнего мира, связан с процессом взросления; подчёркивает изоляцию и уникальность и инаковость пространства Дома; отражает изменения, происходящие с персонажами в ходе их жизни в Доме. Ольфакторная составляющая является пусть и не центральной, но значимой величиной в определении специфических особенностей пространства романа: Изнанки, Дома и Наружности. Коды, сопровождающие образы названных пространств, становятся его косвенной характеристикой наряду с другими сенсорными кодами [2, с. 8].

Список источников

1. Воронкова, П. Е. Архетипический образ дома в пространстве и времени произведения М. Петросян «Дом, в котором…» / П. Е. Воронкова // Образовательный портал «Одуван» : [сайт]. – URL: https://oduvan.online/wp-content/uploads/2017/05/Voronkova.pdf (дата обращения: 11.05.2026).
2. Левинсон, А. Повсюду чем-то пахнет / А. Левинсон // Ароматы и запахи в культуре/ сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – Кн. 2. – С. 7–39.
3. Петросян, М. Дом, в котором… / М. Петросян. – Москва : Гаятри/Livebook, 2009. – 960 с.

Рзаева Виктория Рафаиловна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Куляпин Александр Иванович,
доктор филологических наук, профессор

ОБРАЗ ДОМА И МОТИВ ПУТИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ 1960-Х ГОДОВ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРОЗЫ Ю. ТРИФОНОВА И В. БЕЛОВА

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу образа дома и мотива пути в прозе Ю. Трифонова (роман «Исчезновение») и В. Белова (повесть «Привычное дело») в контексте публицистического дискурса 1960-х годов. На основе хронотопического подхода М. М. Бахтина и концепции «антидома» В. Н. Топорова выявляются две модели художественного осмысления кризиса традиционных ценностей. Анализируется типология мотива пути и взаимодействие литературы с публицистикой эпохи.
Ключевые слова: образ дома, мотив пути, хронотоп, Ю. Трифонов, В. Белов, публицистика 1960-х годов, «оттепель», антидом.

Rzaeva V. R.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents a comparative analysis of the image of home and the motif of path in the prose of Yu. Trifonov (the novel "Disappearance") and V. Belov (the story «A Habitual Matter») within the context of the journalistic discourse of the 1960s. Based on M. M. Bakhtin's chronotopic approach and V. N. Toporov's concept of the "anti-home," two models of artistic interpretation of the crisis of traditional values are identified. The typology of the motif of path and the interaction between literature and journalism of the era are analyzed.
Keywords: image of home, motif of path, chronotope, Yu. Trifonov, V. Belov, journalism of the 1960s, «thaw», anti-home.

THE IMAGE OF HOME AND THE MOTIF OF PATH IN LITERATURE AND JOURNALISM OF THE 1960S: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROSE OF YU. TRIFONOVANDV. BELOV

1960-е годы в Советском Союзе стали периодом глубокого противоречия между утопическими проектами модернизации и кризисом традиционного уклада. В этом контексте дом становится символом утраченной цельности, а путь – метафорой вынужденного движения в неизвестность. Обращение к творчеству Ю. Трифонова и В. Белова, представляющих городскую и деревенскую прозу, позволяет выявить различные модели художественного

осмысления этих мотивов. Цель исследования – рассмотреть и проанализировать образ дома и мотив пути в произведениях Ю. Трифонова и В. Белова, а также в публицистических материалах 1960-х годов. Объект – хронотопная организация произведений, предмет – образ дома и мотив пути. Новизна работы заключается в сопоставительном анализе и междисциплинарном подходе, объединяющем литературоведческий анализ с историко-культурным контекстом.

Теоретической основой исследования служит концепция хронотопа М. М. Бахтина, который понимал хронотоп как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений», освоенную в литературе [1, с. 121]. В рамках этого подхода дом и дорога перестают быть просто местом действия или передвижения, становясь смыслообразующими категориями, организующими сюжет и систему образов. Дополнительно привлекается концепция «антидома» В. Н. Топорова, позволяющая описать инверсию традиционных пространственных ценностей.

В романе Ю. Трифонова «Исчезновение» (работа над которым велась в 1960-х годах, опубликован посмертно в 1987 г.) хронотоп дома выполняет мнемоническую функцию – он становится хранилищем семейной и исторической памяти. В. Н. Топоров определяет «антидом» как «вывернутый наизнанку хронотоп», где человек не обретает, а теряет себя [8, с. 227]. В романе Трифонова этот мотив становится центральным: «Когда-то я жил в этом доме. Нет – тот дом давно умер, исчез…» [9, с. 344]. Эта краткая фраза фиксирует не просто физическое исчезновение здания, но онтологическую катастрофу: вместе с домом исчезает память, идентичность, сама возможность укоренения в мире. Трифонов последовательно развивает этот мотив на протяжении всего романа, показывая, как советская эпоха 1930–1940-х годов систематически уничтожает пространство приватного, превращая дом из убежища в место, где человек наиболее уязвим перед лицом государства. Характерно, что действие романа разворачивается в знаменитом «Доме на набережной» – символе сталинской эпохи, где роскошные квартиры соседствовали с постоянным страхом ареста и исчезновения соседей.

Как отмечает исследовательница Г.С. Левинская, «малый мир – всегда в той или иной степени проекция мира большого» [4, с. 3]. В романе «Исчезновение» история семьи Баюковых становится проекцией истории всей страны 1930-1940-х годов. Хронотоп дома может быть интерпретирован как «опрокинутый», «антидом» – пространство исторической травмы, где сакральные ценности инвертируются в свою противоположность. Мотив пути у Трифонова имеет темпоральный характер и становится безуспешной попыткой возвращения в утраченное прошлое, что особенно отчётливо проявляется в рефлексии героев о невозможности восстановить разрушенные связи.

В прозе В. Белова дом предстаёт в иной модальности – как «последняя крепость» традиционного крестьянского уклада. В повести «Привычное дело» (1966) перед нами предстаёт семья Дрыновых, построенная на взаимопонимании и согласии. Как отмечает Я. В. Сальникова, в художественном мире писателя «родная земля» неразрывно связана с понятием дома и семьи, а пространство организовано по оппозиции «свой» – «чужой» [5, с. 1–7]. «Свой» дом обладает особенными пространственными характеристиками: он локален, имеет границы, позволяющие сохранить родное место от воздействия внешнего мира. «Чужой» дом находится за пределами поля зрения, но герои Белова, вернувшиеся в родные места, сталкиваются с «большим» миром, из которого они бегут, пытаясь вернуться в привычную среду. Однако обращение к опустошённому пространству привычного мира ведёт к утрате смысла жизни: «опустевший дом», «навсегда остывшая родная печь» указывают на раскол домашнего пространства [5, с. 13]. Важно подчеркнуть, что у Белова разрушение дома – это не результат одного трагического события (как у Трифонова), а медленный, почти незаметный процесс, в котором внешние обстоятельства (налоги, необходимость заработков на стороне, давление городской цивилизации) постепенно подтачивают уклад изнутри. Герои Белова не всегда осознают масштаб катастрофы: Иван Африканович покидает деревню не потому, что его выгоняют, а потому что «так надо», из чувства долга перед семьёй. Именно эта обыденность, «привычность» распада делает трагедию особенно пронзительной – человек

участвует в разрушении собственного дома собственными руками, не имея возможности остановиться.

В повести «Привычное дело» мотив пути становится знаком утраты укорененности. Путь представлен в нескольких ипостасях, образующих развёрнутую типологию. **Путь-бегство** воплощает Митька Поляков, давно покинувший деревню. Его появление в Сосновке – это не возвращение, а временное посещение, он становится носителем урбанистической идеологии, оценивающей деревню как «отсталую»: «…я бы на месте начальства все деревни бензином облил» [2, с. 82]. Отрыв от дома ведёт к экзистенциальной пустоте. **Путь-исход** Ивана Африкановича Дрынова- вынужденное решение, продиктованное экономической необходимостью. Кульминацией внутренней драмы становится метафора отъезда: Иван «оттолкнул, будто с берега в омут» [2, с. 103]. «Омут» в народной культуре – символ гибели, бездны. Дорога, которая должна была стать путём к спасению, оборачивается дорогой к гибели. **Путь-возвращение**: не выдержав разлуки, Иван едет обратно. Сама дорога домой описана как путь, преодолевающий смерть: «как родник, чем ни заманивай, куда ни завлекай, а он один бес домой просачивается» [2, с. 117]. Однако трагизм повести состоит в том, что вернуться в прежний, цельный мир уже невозможно. **Путь-блуждание** (сцена в лесу после смерти Катерины) обретает черты пути-инициации – испытания, через которое герой должен пройти, чтобы обрести новое понимание жизни. В отличие от других типов пути, которые вели к разрушению, путь-блуждание становится средством обретения нового смысла существования.

Сопоставление двух моделей дома и двух типов мотива пути позволяет выявить глубинное сходство при внешних различиях. У Трифонова дом разрушен исторической травмой изнутри (репрессии уничтожают жильцов). У Белова дом подвергается давлению извне – урбанизация и «большая история» наступают на него. В обоих случаях дом перестаёт быть надёжной опорой. Различие – в способах репрезентации кризиса. Трифонов сосредоточен на индивидуально-психологическом измерении травмы, на том, как история преломляется в сознании отдельного человека. Белов работает с коллективным, родовым сознанием, с судьбой уклада как целого. Два писателя не столько противостоят, сколько дополняют друг друга, создавая объёмную картину кризиса традиционных форм существования в литературе 1960-х годов. Важно отметить, что оба писателя, при всём различии творческих методов, сходятся в главном: они фиксируют **необратимость** утраты. Ни герой Трифонова, пытающийся мысленно восстановить прошлое, ни Иван Африканович, физически возвращающийся в деревню, не могут вернуть дом в его прежнем, сакральном качестве. Это принципиальное открытие литературы 1960-х годов: дом перестаёт быть гарантией безопасности и идентичности. В этом смысле и «опрокинутый дом» Трифонова, и «последняя крепость» Белова – два полюса единого процесса десакрализации пространства, который станет одной из центральных тем русской прозы второй половины XX века.

Публицистика 1960-х годов (центральные газеты и журналы, такие как «Правда», «Новый мир», «Литературная газета», «Юность») формировала нормативные образы дома и дороги, удерживая оптимистический горизонт даже при фиксации трудностей. В публицистике дом осмысляется как социальное благо (квартира, новостройка) и нравственная норма, а дорога – как трасса модернизации или маршрут личного выбора. В отличие от литературы, которая показывает оборотную сторону прогресса – распад общины, запустение деревни, духовное сиротство человека, публицистика стремится к однозначности и оценочности. Показательный пример – полемика вокруг «деревенской прозы» на страницах «Нового мира» и «Октября» в 1960-е годы. Если литературная критика спорила о художественной ценности произведений Белова, Абрамова, Шукшина, то публицистика (например, статьи Ю. Черниченко) оценивала те же явления с утилитарных позиций: нужна ли деревня стране, эффективно ли сельское хозяйство, стоит ли удерживать молодёжь на селе. Литература говорила о душе и памяти, публицистика – о рентабельности и плане. Этот конфликт языков оказался продуктивным: именно на пересечении двух дискурсов рождалось то напряжённое самоощущение эпохи, которое мы сегодня называем «оттепелью».

Литература и публицистика выступают двумя взаимодополняющими языками самоосмысления эпохи: художественный язык удерживает многозначность и внутренний конфликт, публицистический – фиксирует социальный запрос и нормативные рамки. На пересечении этих языков формируется педагогический ресурс темы, который может быть использован в школьном анализе для выстраивания пар текстов: публицистический очерк о деревне и эпизод из «Привычного дела» или публицистический текст о жилье и фрагмент из «Исчезновения» Ю. Трифонова.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что в литературе 1960-х годов образ дома и мотив пути образуют неразрывное диалектическое единство, отражающее кризис идентичности человека в эпоху социальных трансформаций. У Трифонова хронотоп дома предстаёт как «антидом» – пространство исторической травмы; мотив пути становится безуспешной попыткой возвращения в утраченное прошлое. У Белова дом – «последняя крепость» традиционного уклада, разрушаемая внешним давлением; путь предстаёт в развёрнутой типологии (бегство, искушение, исход, возвращение, блуждание), обретая характер экзистенциального испытания. Литература и публицистика 1960-х годов выступают двумя взаимодополняющими языками самоосмысления эпохи. В диалоге этих двух дискурсов – ключ к пониманию того, как культура 1960-х годов рефлексировала над кризисом традиционных ценностей и поиском новых оснований идентичности. Полученные результаты могут быть применены при разработке уроков литературы в старших классах, посвящённых русской прозе второй половины XX века, а также при подготовке спецкурсов по литературе 1960-х годов. Кроме того, предложенная в статье типология мотива пути (бегство, искушение, исход, возвращение, блуждание) может служить рабочим инструментом для анализа других произведений деревенской и городской прозы 1960–1970-х годов – например, рассказов В. Шукшина, повестей Ф. Абрамова или романов Ю. Трифонова «Обмен» и «Другая жизнь». Дальнейшее исследование могло бы быть посвящено эволюции образа дома в русской литературе конца XX века, от «оттепели» к «застою» и перестройке.

Список источников

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – Москва : Наука, 1986. – С. 121–291.
2. Белов, В. И. Привычное дело : повесть / В. И. Белов. – Москва : Современник, 1986. – 158 с.
3. Воронина, Т. В. «Привычное дело» В. Белова: поэтика крестьянского труда и образ человека труда / Т.В. Воронина // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2020. – № 6 (149). – С. 168–174.
4. Левинская, Г. С. «Дом» в художественном мире Юрия Трифонова / Г. С. Левинская // Филологические науки. – 1991. – № 2. – С. 3–11.
5. Сальникова, Я. В. Художественная картина мира в прозе В. Белова (пространственно-временные координаты) :специальность 10.01.01 – русская литература : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сальникова Яна Вячеславовна. – Воронеж, 2011. – 22 с.
6. Сальникова, Я. В. Идиллическая модель мира в произведениях В. Белова 60-70-х гг. О «малой родине» / Я. В. Сальникова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 1(17). – С. 130–136.
7. Селеменева, М. В. Концептосфера городской прозы Ю. В. Трифонова / М. В. Селеменева // Вестник Челябинского университета. – Челябинск : ЧГУ, 2007. – № 13. – С. 104–108.
8. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров. – Москва : Наука, 1983. – 284 с.
9. Трифонов, Ю. В. Исчезновение. Отблеск костра. Старик / Ю. В. Трифонов. – Москва : Художественная литература, 1988. – 492 с.

10. Черниченко, Ю. Нет перспективы? / Ю. Черниченко // Новый мир. – 1966. – № 8. – С. 150–156.

Свиридова Полина Петровна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ПОЭТИКА РОМАНА Ю. ПОЛЯКОВА «ГРИБНОЙ ЦАРЬ»

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотрения романа под призмой социального и нравственного кризиса, определения его морально-философской проблематики. Материалом исследования стал роман «Грибной царь» Ю. Полякова, статьи исследователей по изучаемой теме (О. В. Карелова, К. А. Воротынцева, Л. С. Захидова). В ходе исследования были определены особенности идиостиля автора, проиллюстрированный примерами из текста, выделены сюжето- и смыслообразующие мифологемы.
Ключевые слова: Грибной царь, Ю. Поляков, поэтика, интертекстуальность, авторские неологизмы

Sviridova P. V.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to consider the novel under the prism of a social and moral crisis, to determine its moral and philosophical issues. The research material was the novel "The Mushroom King" by Y. Polyakov, articles by researchers on the topic under study (O. V. Karelova, K. A. Vorotyntseva, L. S. Zakhidova). In the course of the research, the idiosyncrasies of the author were identified, illustrated with examples from the text, and plot- and meaning-forming mythologems were highlighted.
Keywords: Mushroom King, Y. Polyakov, poetics, intertextuality, author's neologisms

THE POETICS OF Y. POLYAKOV'S NOVEL "THE MUSHROOM KING"

Современная русская литература, прошедшая этап модернизма и вступившая в постмодернизм, приняла в свои ряды роман Юрия Полякова «Грибной царь» об одном дне «нового» русского. Отечественная литература, отражающая каждый этап социального и политического пути России, не сделала исключения и на этот раз: в романе находят свое проявление социальные изменения и ретроспективные путешествия героя в прошлое своей страны. Роман интересен своими интертекстуальными связями с мировой культурой: тут и библейские мотивы, и народная культура, и староанглийская драматургия Шекспира.

Анализируя роман «Грибной царь», нельзя не отметить его характерную особенность – стилистический «сплав»: автор объединяет в романе советские клише (агитационные лозунги), армейский и постсоветский жаргон, перестроечные просторечия и лексику России 00-х. Такой авторский способ служит трансляцией особенностей перестройки и нулевых [5, с. 465].

Ю. Поляков активно использует советские клише в своем повествовании, зачастую совмещая с иронией, чтобы продемонстрировать, что советская идеология в 80-х годах не воспринималась всерьез. Таким способом автор продолжает свою традицию – использовать свои произведение как отражение эпохи. Некоторые персонажи, наделенные советской лексикой, являются воплощением того времени. Так, например, замполит Агариков, часто встречается в повествовании с крылатыми выражениями, дополняющие размышления

главного героя. Идеологию, приверженцем которой является Агариков, офицеры (и Свирельников в том числе) не воспринимают всерьез, иронически слушая призывы Агарикова к сохранению государственности и патриотизма («лейтенант Свирельников тоже сидел на собрании, иронически переглядываясь с товарищами и посмеиваясь над кондовым замполитом»).

Устойчивые советские выражения адаптируются и на иностранные языки: встреча Свирельникова с немецким охранником бывшей советской частью оканчивается немецким «орднунг»: приказ есть приказ («по-братски приобняв, повлек к выходу: орднунг есть орднунг»), что в советской культуре обозначало беспрекословное подчинение. Также автор использует культурные отсылки: «наивная чукотская девушка», «– А тебя-то за что? – За того парня», разделанное мясо на прилавке и вьющихся вокруг них мушек называет «расчлененные братья наши меньшие и совсем уже крошечные братики».

Повествование об офицерском периоде жизни Свирельникова изобилует как материальными признаками, так и речевыми особенностями: помимо описания жизни офицеров (дедовщина, национальные конфликты в воинской части, гарнизонные жены), вводятся исключительно армейские выражения («старики» и «салабоны», «боец невидимого фронта»). Лексика Свирельникова зачастую напоминает о его военном прошлом: водителю Алексею он отдает армейские приказы («– В офис! – распорядился он»), использует армейские фразы начальства («– Я думал, вы заняты…– Думаю я! – зло гаркнул Михаил Дмитриевич»).

Практически каждый персонаж романа обладает своими характерными – в некоторых случаях профессиональными – лексическими особенностями: оперуполномеченный Алипанов использует криминальную лексику («и «мурку» показал?», «значит, тебя пасут»);бывшая жена-филолог Тоня активно использует афоризмы, пословицы («свинья везде грязь найдет»), каламбуры в речи и обращает внимание на особенности языка с профессиональной точки зрения; лечащий врач Свирельникова преобразует русский язык в медицинский с юмористическим оттенком («жара, вино и «коитус континиус»); любовница-студентка Света говорит на молодежном сленге («не грузитесь» – не переживайте, «аск» – слушаю, «месседжа» – сообщения). Также у некоторых персонажей есть «фирменные» выражения: у Алипанова – «я внятен?», «аллеу», у Веселкина – «без всяких-яких»[4, с. 345].

Описание времен эпохи перестройки сопровождается просторечными, «маргинальными» лексемами: «фуфлогон», «стеганые» (из-за стеганых курток, в которые были одеты молодые люди). Язык бизнесменов и других людей нового времени отличается появившимися эвфемизмами: «гуманитарный взнос» – взятка, драка нищих за место – «раздел сферы влияния». Юрий Поляков активно создает собственные слова для ироничного повествования: «жлобиссимо», «расставательная завершенность», «внутриутробно выругался» (выругался про себя), «неуспешный карнегианец» (последователь советов Д. Карнеги), «невозвращенец» (не вернувший долг человек), «сначальная» (новая), «свежесостоявшийся», «лучезарная поздравительность» (выражение лица, с которым Свирельников заходит поздравлять важного чиновника).

В «Грибном царе» Юрия Полякова есть два сюжето- и смыслообразующих символа: гриб – символ власти, Гамлет – мотив выбора главного героя между убийством и бездействием. Помимо этих крупных символов прослеживаются пересечения с Новозаветным героем Иоанном Крестителем и змеями. Рассмотрим указанные образы подробнее.

В романе герой сталкивается с грибами несколько раз: 1) сон Свирельникова, в котором тот собирает грибы в ельдугинском лесу и находит целую поляну грибов, которые позднее превращаются в гадюк (этот эпизод «открывает» роман), рассказ дедушки о Грибном царе как источнике исполнения желаний; 2) покупка лисичек на базаре, которая возбуждает в нем желание поехать собирать грибы; 3) приготовление Светой (студенткой-любовницей) грибов;4) воспоминание о том, как Свирельников собирал грибы с Тоней (бывшей женой);5) поездка в лес за грибами со Светой, чтобы сохранить свою жизнь от возможного покушения;6) встреча с Грибным царем, потеря сознания, благодарность за исполненное желание.

Грибным царем можно считать Свирельникова – успешный, обеспеченный,

наделяющий деньгами церковь, ученого (устраивая его к себе на работу), СМИ. Свирельников, имеющий деньги, действительно исполняет желания тех, кто к нему обращается: герой на протяжении всего дня раздает деньги всем, кто на них рассчитывает.

С грибами сравнивается человек: подобно тому, как гриб копит в своей шляпке полезное или вредное, так и человек живет, накапливая совокупность принципов и морально-нравственных ориентаций («И вправду ведь, подумал Свирельников, люди похожи на грибы: тоже всю жизнь накапливают в себе разную дрянь, а потом вдруг становятся смертельно опасными»). Свирельников видит в Тоне и Веселкине грибы, которые наполнены отрицательными чертами. Грибы с гадюками внутри шапочки встречают героя в начале романа во сне, Грибной Царь рассыпается в труху, исполнив желание Свирельникова. Сам Свирельников, изменявший жене, обманывавший, заказавший убийство двух человек, как и Грибной царь, оказывается наполненным гнилью. Грибной царь – отражение ценностей и принципов главного героя, который совершает «антитеррористический» – превентивный ход («…он всего-навсего нанес упреждающий, антитеррористический, точечный удар»). Свирельников позволяет себе осуждать окружение, в своей гордыни он сравнивает себя с Богом, наделяя правом наказывать и миловать («…вот Михаил значит «подобный Богу!» Хэ… Богу! А с другой стороны, Бог ведь тоже грешников и предателей нещадно наказывал!»).

Распавшийся на слизь, труху и червей от легкого прикосновения Грибной царь символизирует, как легко Свирельников сделал страшный выбор за несколько часов раздумий. Также разложение Грибного царя является аллюзией мечты Свирельникова – «сначальная» жизнь героя, которая в себе не несет никакой нравственной наполненности, являясь порождением общества потребления. Дополнительным проявлением «грибной» лексики становятся фамилии персонажей: оперуполномоченный Алипанов (алипан – гриб болотник) и замполит Агариков (миндальный гриб из класса Агарикомицеты – более известный как шампиньон).

Еще один смысловой и сюжетный пласт – это использование шекспировского архетипа – Гамлета. Использование проявляется на двух уровнях: автор упоминает зайца из коллекции Валентина Петровича (дяди бывшей жены), сделанного в виде Гамлета, и выборе, который должен сделать Свирельников – убить или не убить жену и любовника; точно таким же вопросом задавался Гамлет, когда хотел отомстить за смерть своего отца – убить мать и ее любовника, своего дядю.

Заяц, сделанный в виде датского принца, сразу понравился Свирельникову своей детализированностью («Особенно умиляла Михаила Дмитриевича скорбно-лукавая мордочка этого «зайца датского» и его трогательные уши, свисавшие из-под берета в метафизическом изнеможении»). В момент, когда Тоня впервые заявляет о своих правах на фирму Свирельникова, которые потом послужат причиной для подозрений главного героя, у него в руках находится этот заяц; именно этим зайцем Свирельников замахивается на Тоню, и потом она говорит пророческие слова, которым, к счастью, не суждено сбыться: «Смешно! – сказала Тоня, когда Михаил Дмитриевич, опомнившись, опустил руку. – Первая полоса «СК»: «Бизнесмен убил бывшую жену зайцем!». Оставшаяся часть романа сопровождается мучительным выбором Свирельникова – убивать или не убивать Тоню и Веселкина, которые подозреваются в заказном убийстве. Идею об убийстве Свирельникову сообщает Алипанов, повторяя еще один знаковый образ – призрак отца Гамлета, который сообщил своему сыну о произошедшем в королевстве и требует мести. Исследователи придерживаются нескольких версий касаемо Гамлета, и одна из них заключается в том, что Гамлет сошел с ума и призрак отца – игра его воображения. Версия Алипанова не подтверждается, и выбор Свирельникова мог бы стать роковым, если бы не удачно решенная оперуполномоченным задача.

Упоминаемый в начале день усекновения головы Иоанна Крестителя тоже неслучаен: Свирельников узнает об этом из телевизионной программы, в которой неоднократно повторяется глагол «заказать» в значении «убить»: «…можно ли утверждать, что именно Саломея заказала Иоанна Предтечу», «Значит, Предтечу заказала Иродиада?», «Крестителя заказал царь Ирод». Этот же глагол снова появляется в повествовании, когда Свирельников

начинает подозревать свой ближний круг в заказном убийстве: «Даже если тебя и заказали, в чем я глубоко сомневаюсь…», «Заказал, конечно, кто-то из «невозвращенцев», «Ну вот: не захотела делиться по суду, вот и заказала», «Веселкин с Тоней его заказали и от них надо избавиться». Учитывая, что слежку за Свирельниковым заказала дочь Алена, можно предположить следующую параллель: Алена – Саломея, Тоня – Иродиада, Ирод – Веселкин. Еще одним подтверждением бездуховности Свирельникова становится игнорирование духовно-нравственных законов: на фоне дня поминовения Иоанна Крестителя, когда, согласно народным поверьям, нельзя ничего резать, главный герой заказывает убийство Тони и Веселкина.

Таким образом, роман «Грибной царь» Ю. Полякова представляет собой произведение, изобилующее авторскими неологизмами, яркими образами, «отсылками» на другие произведения классической литературы.

Список источников

1. Большой толковый словарь русских существительных : свыше 15 000 имен существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др. ; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862 с.
2. Большакова, А. Ю. История и гротеск в прозе Юрия Полякова / А. Ю. Большакова // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 3. – С. 141–146.
3. Воротынцева, К. А. К проблеме повседневности в нарративном дискурсе романа Ю. М. Полякова «Грибной царь» / К. А. Воротынцева // Сибирский филологический журнал. – 2012. –№ 1. – С. 80–85.
4. Сорокина, Н. В. Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие Приключения текста: ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: изд-во АСТ, 2020. 256 с. / Н. В. Сорокина, М. М. Голубков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2021. – № 3. – С. 184–187.
5. Захидова, Л. С. Мифологический подтекст как специфика идиостиля писателя (на примере романа Ю. М. Полякова «Грибной царь») / Л. С. Захидова // Идеи и идеалы. – 2021. – № 3–2.– С. 337–347.
6. Ибадова, Н. Э. Художественное время московского текста Юрия Полякова / Н. Э. Ибадова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 458-467.
7. Карелова, О. В. К вопросу изучения индивидуального стиля автора / О. В. Карелова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 3, № 20. – С. 24–29.
8. Поляков, Ю. М. Грибной царь / Ю. М. Поляков.– Москва : АСТ, 2007. – 512с.
9. Сунь, С. Метафоры веры в романах Ю. М. Полякова / С. Сунь, П. В. Маркина // Культура и текст. – 2024. – № 4(59). – С. 63–74.

Скрипченко Алиса Юрьевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КЛАССИКИ: АНАЛИЗ АДАПТАЦИЙ ПУШКИНА, ГОГОЛЯ, БУЛГАКОВА

Аннотация. В статье рассматривается феномен графических романов как способа актуализации классической литературы. На примере адаптаций произведений А. С. Пушкина,

Н. В. Гоголя и М. А. Булгакова анализируется, как визуальная составляющая меняет восприятие текста и какие смыслы акцентируются в графических интерпретациях.
Ключевые слова: графический роман, адаптация, классика, визуальная культура, интерпретация, Пушкин, Гоголь, Булгаков.

Scripchenko A. Y.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines the phenomenon of graphic novels as a way to actualize classical literature. Using the example of adaptations of works by A. S. Pushkin, N. V. Gogol and M. A. Bulgakov, the article analyzes how the visual component changes the perception of the text and what meanings are emphasized in graphic interpretations.
Keywords: graphic novel, adaptation, classics, visual culture, interpretation, Pushkin, Gogol, Bulgakov.

GRAPHIC NOVEL AS A REINTERPRETATION OF CLASSICS: AN ANALYSIS OF ADAPTATIONS BY PUSHKIN, GOGOL, BULGAKOV

Актуальность темы обусловлена растущей популярностью графических романов и необходимостью поиска новых методов преподавания классической литературы в условиях цифровой трансформации образования. Визуальные адаптации могут служить мостом между традиционной книжной культурой и цифровой средой, в которой формируется читательский опыт современных школьников и студентов. Новизна работы заключается в комплексном анализе графических адаптаций русской классики с точки зрения их педагогической и культурной ценности.

«Евгений Онегин» А. С. Пушкина

Графическая адаптация романа А. С. Пушкина акцентирует внимание на психологизме и внутреннем мире героев [1, с. 120]. Ключевые особенности визуализации:

Цветовая палитра и атмосфера: холодные сине-серые тона в петербургских главах подчёркивают отчуждённость столичного общества; тёплые золотисто-коричневые оттенки в деревенских эпизодах передают теплоту и искренность сельской жизни [1, с. 135].

Визуальная характеристика персонажей и социальная дистанция.

Онегин: строгий костюм с чёткими линиями силуэта – символ принадлежности к высшему обществу; статичная поза и отстранённый взгляд – подчёркивают апатию и скуку; жёсткие, геометричные линии одежды в сценах бала – символ искусственности светского мира [1, с. 140].

Татьяна: свободное платье с мягкими контурами в деревенских сценах – подчёркивает естественность и близость к природе; открытые жесты и расслабленная поза; изображение в профиле или полуобороте в сценах чтения романов или прогулок по саду – передаёт мечтательность и внутреннюю сосредоточенность [1, с. 145].

Символика: сцена объяснения в саду: Татьяна на фоне цветущих кустов, Онегин – на открытой поляне; кусты как символический барьер подчёркивают невозможность их союза [1, с. 150]; пейзажи, символизирующие течение времени и смену сезонов: осень (жёлтые и оранжевые листья) – увядание и зрелость; зима (заснеженные поля и голые деревья) – холод и одиночество [1, с. 155]; весна (цветущие деревья и яркое солнце) – возрождение и надежда; символика зеркал и отражений в сценах одиночества Онегина (искажение или размытие фигуры) – подчёркивает его внутренний кризис [1, с. 160].

Визуализация ключевых сцен. Письмо Татьяны: строки письма переплетаются с изображением Татьяны у окна ночью, лунный свет падает на бумагу – подчёркивается интимность момента и сила чувств [1, с. 170]. Сон Татьяны: искажение пространства (изгибающиеся деревья и фигуры людей), насыщенные цвета, элементы фольклора (медведь, лес как лабиринт) – усиливается мистическая атмосфера и предвосхищаются

будущие события [1, с. 175]. Дуэль: чёрный силуэт Онегина на белом снегу, дым от выстрела, застывшие фигуры секундантов – создаётся ощущение необратимости происходящего [1, с. 180].

«Мертвые души» М. В. Гоголя

В графической версии образы помещиков гиперболизированы до гротеска – это усиливает сатирический эффект и подчёркивает их духовную деградацию [2, с. 114].

Визуальная характеристика персонажей:

Манилов: с неестественно длинными руками и вытянутой фигурой, мечтательным взглядом. Дом с нелепыми архитектурными элементами (беседка «Храм уединённого размышления» с плоским куполом), разбросанные клумбы и заросший пруд символизируют пустые мечты [2, с. 116].

Плюшкин – сгорбленный, почти призрачный, тень больше фигуры (поглощение личности накопительством). Символичные детали: паутина на маятнике часов (остановившееся время), белый ствол берёзы без верхушки (деградация после смерти жены), замок на воротах (отчуждённость от мира) [2, с. 117].

Ноздрёв – крупные черты лица, динамичные позы (энергия и хаотичность). Визуальные маркеры: угловатые линии силуэта, хаотичное расположение предметов вокруг, красный цвет в одежде (необузданность) [2, с. 118].

Коробочка – округлые формы, окружение предметами быта (приземлённость). Символы: картины с птицами на стенах (глупость), лужа перед домом (ограниченный кругозор), мешочки с деньгами в комоде [2, с. 118].

Собакевич – массивная фигура с тяжёлыми чертами, напоминающая каменное изваяние. Детали: толстые ноги колонны, взгляд «на угол печки или на дверь» (неповоротливость мышления), портреты греческих полководцев на стенах (пародия на самомнение) [2, с. 118].

Визуальные метафоры, усиливающие мотив «мёртвых душ»: пустые глазницы домов – отсутствие жизни внутри; засохшие деревья – духовное опустошение; тени-скелеты – «мёртвость» душ; дорога в никуда – бессмысленный путь Чичикова и системы; паутина в интерьере – застывшее время; облезлые дома с выступающими брёвнами – отражение состояния владельца [2, с. 116].

Пейзажи как символы духовного опустошения:

- однообразные линии горизонта – застой;
- монохромная палитра (серые, коричневые тона) – отсутствие энергии;
- пустынные просторы и запущенные сады – внутренняя пустота героев и упадок.

Педагогический потенциал адаптации:

- визуализация гротеска помогает понять сатирическую направленность произведения;
- анализ метафор развивает навыки интерпретации символов;
- сопоставление графических образов с текстом углубляет понимание характеров;
- обсуждение композиционных решений развивает визуальное мышление;
- творческие задания (создание иллюстраций, адаптация других глав) стимулируют креативность;
- работа с контрастами (внешнее vs внутреннее, реальное vs кажущееся) помогает раскрыть авторский замысел.

«Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова

Адаптация выделяет мистическую составляющую романа. Контраст между московской реальностью (жёсткие линии, монохром) и фантастическими эпизодами (яркие цвета, искажённая перспектива) создаёт эффект двоемирия [5, с. 90]. Образы Воланда и его свиты стилизованы под комиксы ужасов, что усиливает их демоническую природу.

Визуальная характеристика персонажей и анализ ключевых сцен:

Воланд – асимметричное лицо, тень в форме крыльев, костюм сочетает элементы разных эпох [5, с. 88].

Кот Бегемот – гипертрофированно крупный, с неестественно широкой улыбкой, мех переливается оттенками чёрного и фиолетового [5, с. 92].

Маргарита и Мастер – светлые фигуры на фоне мрачного города, мягкие линии силуэта контрастируют с жёсткими формами Москвы.

Ключевые сцены:

Встреча на Патриарших прудах: статичный кадр сменяется динамичной композицией при появлении Воланда, кровь – единственная яркая деталь в монохромной сцене [5, с. 100].

Полёт Маргариты: смена ракурсов, здания превращаются в абстрактные формы, цветовая гамма меняется от тёмно-синей к фиолетовой и розовой на восходе.

Ершалаимские главы: плоские, почти иконописные изображения, жёсткие тени, Иешуа – светлый силуэт на фоне тёмного неба.

Цветовая палитра:

Москва 1930-х – монохром (чёрный, серый, коричневый) с редкими акцентами красного.

Мистические сцены – яркие, контрастные цвета (пурпурный, изумрудный, золотой).

Ершалаим – охристые, песочные тона с вкраплениями белого и синего.

Символика деталей: зеркало – граница между мирами (сцена в квартире Лиходеева, бал); часы – искажение времени (останавливаются в мистических эпизодах); тени – самостоятельные сущности (тень Воланда, тень Маргариты во время полёта); рукопись Мастера – живая субстанция, переплетающаяся с реальностью.

Нарративные стратегии.

Монтаж: резкие переходы между Москвой и Ершалаимом, подчёркивающие связь времён.

Ракурсы: вид «сверху» для московских сцен (наблюдение, контроль); «изнутри» для мистических эпизодов (вовлечение читателя); фронтальный ракурс для Ершалаимских глав (эффект присутствия).

Текст и изображение: реплики Воланда часто сопровождаются визуальными метафорами (крылья, тени); мысли Мастера передаются через переплетение строк рукописи и пейзажа.

Педагогический потенциал адаптации: визуализация двоемирия помогает понять структуру романа, анализ цветовых решений и композиции развивает навыки интерпретации символов.

Педагогический эксперимент

На базе средней школы № 135 г. Барнаула был проведён эксперимент с участием 60 учащихся 10-го класса. Класс был разделён на две группы:

- контрольная группа изучала произведения традиционным способом (чтение текста, анализ);
- экспериментальная группа использовала графические адаптации в сочетании с текстом.

Методика работы с графическими романами включала: предварительное знакомство с произведением через графический роман, последовательное чтение оригинального текста с сопоставлением визуальных образов, анализ различий в интерпретации ключевых сцен, творческое задание: создание собственной иллюстрации к эпизоду.

Результаты: мотивация к изучению классики выросла на 40 % в экспериментальной группе; понимание художественных образов улучшилось на 35 %; способность анализировать текст повысилась на 25 %; 80 % учащихся отметили, что графические адаптации помогли им лучше запомнить сюжет и характеры персонажей.

Обсуждение полученных научных результатов.

Визуальная составляющая графических романов выполняет несколько функций:

- Упрощение. Сложные тексты становятся доступнее за счёт визуализации сюжетных линий и символов.
- Акцентирование. Иллюстрации выделяют ключевые темы: одиночество Онегина, духовную пустоту гоголевских помещиков, мистику булгаковского романа.
- Эмоциональное воздействие. Цвета, линии и композиция вызывают у читателя непосредственный отклик, минуя этап вербального осмысления.
- Переосмысление. Графические адаптации могут менять трактовку оригинала, смещая акценты (например, с сатиры на трагедию).
- Контекстуализация. Визуальные детали (одежда, интерьеры, пейзажи) помогают воссоздать исторический контекст.
- Нарративная трансформация. Графический роман вводит новые способы повествования: монтаж сцен; игра с временными рамками; визуальные паузы; символические вставки.

Педагогический потенциал графических романов значителен, они могут служить: инструментом предварительного знакомства с классикой; основой для творческих заданий (создание собственных иллюстраций, адаптация других произведений); средством анализа художественных образов через сопоставление текста и изображения; основой для творческих заданий (создание собственных иллюстраций, адаптация других произведений); способом развития визуальной грамотности учащихся; о методом стимулирования дискуссий о разных интерпретациях произведения.

Итак, графические романы не заменяют оригинал, но служат инструментом его интерпретации и популяризации.

Список источников

1. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. Комикс-версия / М. А. Булгаков; илл. Д. Николаева. – Москва : Графикс, 2021. – 280 с.

2. Варганова, Т. А. Графический роман как феномен современной культуры / Т. А. Варганова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 3. – С. 112–118.

3. Ильин, А. Н. Визуальный поворот в современной культуре: от текста к изображению / А. Н. Ильин // Культурология. – 2019. – № 4. – С. 45–52.

4. Макклауд, С. Понимание комикса. Невидимое искусство / С. Макклауд; пер. с англ. – Москва : Белое Яблоко, 2016. – 216 с.

5. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Том 5 / А. С. Пушкин.– Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние,1978. – 527 с.

Тайшина Софья Анатольевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Козубовская Галина Петровна,
доктор филологических наук, профессор

ПОЭТИКА СНОВ В ПРОЗЕ ЧЕХОВА: НОВЕЛЛА «УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ»

Аннотация: Сновидения как феномен находятся в фокусе междисциплинарных исследований, но целостная научная картина изучения поэтики чеховских снов в отечественном литературоведении пока не сформирована. В статье рассматривается поэтика снов в новелле Чехова «Учитель словесности» (1894), анализируется семантика и функции снов Никитина – героя произведения.
Ключевые слова: сон, персонаж, функции, поэтика, мотив, роль

Tayshina S. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. Dreams as a phenomenon are in the focus of interdisciplinary research, but a holistic scientific picture of the study of the poetics of Chekhov's dreams in Russian literary criticism has not yet been formed. The article examines the poetics of dreams in Chekhov's novella «The Teacher of Literature» (1894), analyzes the semantics and functions of Nikitin's dreams, the hero of the work.
Keywords: dream, character, functions, poetics, motif, role

POETICS OF DREAMS IN CHEKHOV'S PROSE: THE SHORT STORY «THE TEACHER OF LITERATURE»

Целью данной работы является исследование поэтики снов в новелле А. П. Чехова «Учитель словесности». Объектом исследования является новелла А. П. Чехова «Учитель словесности». Предметом исследования – поэтика снов в новелле А. П. Чехова «Учитель словесности».

Начиная с античности и до настоящего времени, человек пытался осмыслить сон и его природу. Изучение снов насчитывает долгую историю. Интерес к снам проявлялся в фольклоре и художественной литературе. Особым вниманием к снам отмечены литература барокко, сентиментализма, романтизма, символизма и т.д. Не обошли сны в своем творчестве В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др.

Проблемами сна и сновидений занялись философы и др. ученые, в частности физиологи. Возникла наука о сновидениях. По мнению ученых, возникновение сна связано с проблемой сохранения энергии, поскольку очевидно, что сон трансформировался из периодов пассивности, которые всегда выполняют в природе эту функцию. И начальной точкой следует считать время – «примерно 180 миллионов лет назад, когда теплокровные млекопитающие, отделившиеся от своих холоднокровных предков – рептилий, начали спать» [4].

В творчестве А. П. Чехова также присутствуют сны. Обращение писателя к снам, по всей видимости, неслучайно.

Объяснить это можно, во-первых, биографическими моментами. (зафиксированные сновидения Чехова отражают его внутренние страхи: «Мне снилось, что я женат» и др.; врачебным опытом, наблюдениями за умирающими сформировали материалистический взгляд на смерть), во-вторых, эстетическими и историко-культурными моментами (в письме Д. Григоровичу,12 февраля 1887) [9, с. 28]. Чехов анализирует художественную и физиологическую достоверность сна в «Сне Карелина») [5, с. 327].

Сны как эстетический феномен – в центре внимания русской классики. Сны как психологический феномен – в центре внимания Чехова. Разработка поэтики снов – важный аспект поэтики прозы Чехова.

Сам Чехов писал о своей работе над новеллой, информируя А. Суворина: «Ваш сотрудник Ан. Чехов начал родить субботник… Начало многообещающее» (письмо от 1 ноября 1894) [10, с. 281]. В письме от 12 ноября он писал: «Посылаю рассказ для фельетона. Несерьезный пустячок из жизни провинциальных морских свинок. Простите мне баловство… Я имел в виду кончить его [рассказ] так, чтобы от моих героев мокрого места не осталось, но нелегкая дернула меня прочесть вслух нашим; все взмолились: пощади! пощади! Я пощадил своих героев, и потому рассказ вышел так кисел» [10, с. 281]. Для большинства критиков герой новеллы Никитин – человек, попавший в ловушку пошлости и не знающий, как из нее выбраться.

Исследователи не обошли внимание чеховскую новеллу [1, 3, 6, 7]. Существует научная литература, посвященная анализу этой новеллы. А. П. Чудаков в фундаментальных монографиях «Поэтика Чехова» (1971) и «Мир Чехова: возникновение и утверждение» (1986) определил ключевые черты чеховской поэтики, важные для анализа «Учителя словесности»:

«случайностную» организацию текста и особую роль детали как носителя смысла, не сводимого к сюжету [12]. А. В. Кубасов в своей монографии «Проза А. П. Чехова: от текста к контексту и интертексту» (2024) и в статье «Диалог с классиками и современниками в рассказе А. П. Чехова "Учитель словесности"» (2025) подробно рассматривает скрытые отсылки в рассказе к произведениям Н. В. Гоголя, В. М. Гаршина, И. Л. Леонтьева-Щеглова. Его ключевой вывод – двухчастная структура рассказа отражает изменение мировоззрения Чехова после поездки на Сахалин [7, с. 99].

«Учитель словесности» – новелла, которую можно отнести, согласно терминологии В. Б. Катаева, к «рассказам открытия», **связанным с прозрением героев** [5, с. 327].

Герой новеллы – молодой человек по фамилии Никитин. Старинная русская фамилия Никитин стала известной миру в XV веке благодаря тверскому купцу Афанасию Никитину, который совершил знаменитое путешествие «за три моря» анализирует Антонина Балабанова «Купцы Никитины» и датирован 18 ноября 2021 года [2]. Уже фамилия вносит определенные смыслы, работающие на сюжет: Никитин никуда не выезжает, кроме загородных прогулок на молочную ферму Шелестовых, но мотив дороги возникает во второй части новеллы и связан он с прозрением героя.

Указание на возраст героя (26 лет) отсылает к пушкинскому роману «Евгений Онегин», тем самым внося ноту предостережения: влюбленный и неосознанно счастливый в своей влюбленности, а потом в тихом семейном счастье герой, не знает жизни, упивается своей влюбленностью, живя в мире, буквально пропитанном любовью. Его жизнь подобна чудному сну, из которого не хочется выходить. В психопоэтике чеховского повествования акт целеполагания субъекта неразрывно связан с активизацией репродуктивного воображения. Совершив акт брачного предложения, герой («Учитель словесности») переходит в состояние рефлексивного конструирования идеализированных ментальных образов будущего (счастье, образ Манюси, совместный быт), что обеспечивает поддержание положительного эмоционального фона [8, с. 188].

В сюжетном сновидении находят отражение восприятия действительности Никитиным. Физическое расположение персонажа в пространстве кабинета «он пошел к себе в кабинет и лег на диван, где было темно и тихо (вхождение в сон). Лежа и глядя в потемки, Никитин стал думать о том, как через два или три года поедет зачем-нибудь в Петербург, как Манюся будет провожать его на вокзал и т. д.» [11, с. 319]. Когда окно стало незаметно бледнеть он продолжал думать и, видимо, проваливаться в сон «увидел дубы и вороньи гнезда, похожие на шапки. Одно гнездо закачалось, выглянул из него Шебалдин и громко крикнул: “Вы не читали Лессинга!”» [11, с. 319] – характеристика внешнего и внутреннего пространства («Воздух побелел, кабинета и окна уж не было»). У Чехова события и фразы из яви вставлены в сон. Так обозначена психологическая функция сна: неуютность, неудобство, стыд испытывает Никитин, «споткнувшийся» на этой фразе, неожиданно всплывшей в сознании.

Сон не сразу обозначит свою **«разрушительную» функцию:** накапливаемые эпизоды реальной жизни сконцентрируются во сне – в повторяющейся фразе «Лессинга не читал». Фраза, уличающая Никитина в непрофессионализме, обнаружит свой символический смысл, стягивая эпизоды, разведенные во времени. Не сам Лессинг, а его произведение, в котором есть «рычащие звуки» («Гамбургская драматургия»), рифмуется с рычащими собаками в доме Шелестовых, не признающими Никитина, с сестрой Манюси Варей (в имени также есть рычащий звук), любительницей споров, презрительно реагирующей на гостей-офицеров («Аррмейская острота!»).

Фраза о Лессинге застает Никитина в разные моменты его жизни. Впервые произнесенная кем-то, она становится «молоточком» – раздражителем, о чем-то ему напоминающем, чего он пока понять не может. Переживаемый сначала стыд (из реальности это ощущение перешло в сон), потом отброшенный в состоянии переживаемого полного счастья (исключается из сна), тем не менее формирует подтекст, готовящий будущий взрыв Никитина. Видящий в мечтах-снах будущее семейное счастье, утомленный своим счастьем Никитин, отмахивается от неожиданно всплывшей фразе о Лессинге, которая сейчас не может

сломать его счастья: погруженный в сон о недавнем загородном путешествии на лошадях, он ничего более не видит. Еще раз упоминавшаяся фраза о Лессинге всплывет в ситуации приближающегося прозрения, обрамленного «рычащими» звуками: проигранная в карты сумма, сопровождаемая муками от сознания даром свалившегося на него счастья (реакция на услышанную фразу, что у него куры денег не клюют), догматичные суждения семейства Шелестовых, обвинявших Полянского, не желающего жениться на Варе, всплывающий эпизод свадьбы, где бригадный генерал назвал Манюсю розаном (и реакция Мушки в ответ на это), и весь «молочный мир» с его горшочками со сметаной, кувшинами с молоком и т.д., ведет к желанию разрыва с этим миром, где прошлое необратимо.

Тяжелые мысли Никитина после ссоры с Манюсей из-за Полянского ведут к размышлениям, смешанным со сном. Странные ощущения, им переживаемые, вновь погружают в воспоминания, связанные с Шебалдиным и Лессингом. Неприятное воспоминание – следствие недавно пережитого стыда за проигранные в карты деньги и от услышанной фразы о том, что у него денег куры не клюют (намек на приданое). Неупоминаемый далее Лессинг сыграл свою роль: Никитин взорвался от окружающей его пошлости, от того, что допустил это в себе, живя и не замечая, что делается вокруг.

Никитин пребывает в стадии бессознательного счастья, живя в гармонии с миром и не задумываясь о его глубинных противоречиях, пока случайно услышанная фраза о женитьбе на деньгах не задевает его сознание. Это становится не полным прозрением, но первым тревожным сигналом, который заставляет ощутить фальшь окружающих ценностей. Постепенно герой приходит к осознанию чуждости окружающего мира, где расчеты и выгода важнее искренних чувств, и, наконец, остро переживает необратимость времени – понимает, что беззаботная пора счастья оказалась в прошлом и ее уже не вернуть, что порождает в нем чувство утраты и необходимость переосмыслить собственную жизнь.

Так, в «Учителе словесности» сны Никитина служат катализатором прозрения: они фиксируют момент перехода от бессознательного счастья к осознанию фальши окружающего мира и необратимости утраченного времени.

Итак, психологическая функция сна – переживание стыда сначала от сознания несоответствия своей профессии, потом от «счастливого бытия» за счет приданого, и, наконец, от сознания полного погружения в пошлую жизнь. Сюжетная функция – сны как предупреждение о ненастоящем счастье. На уровне подтекста – подготовка будущего взрыва Никитина, проснувшегося от ложно понятого счастья.

Список источников

1. Андреев, А. Н. От счастья до пошлости – один шаг (картина мира в рассказе А. П. Чехова «Учитель словесности») / А. Н. Андреев, С. И. Артемьева // Журнал филологических исследований. – 2018. – Т. 3. –С. 22–26.
2. Балабанова, А. Купцы Никитины // Проза.ру : [сайт]. – 2021. – 18 ноября. – URL: https://proza.ru/2021/11/18/1723 (дата обращения: 01.05.2026).
3. Борковска, А. Несостоявшаяся судьба героев чеховских рассказов: («Ионыч», «Учитель словесности», «Крыжовник», «О любви») / Альдона Борковска // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. – 2015. – № 8–7. – С. 1382–1389.
4. Белоусова, Л. Е. На территории сна / Л. Е. Белоусова. – URL: http://www.territoriasna.ru/ (дата обращения: 02.10.2024).
5. Катаев, В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. – Москва : Издательство МГУ, 1979. – 327 с.
6. Комяти, Д. Средства выражения иронии в рассказе А. П. Чехова «Учитель словесности» / Диана Комяти // Молодой ученый. – 2018. – № 42 (228). – С. 248–253.
7. Кубасов, А. В. Диалог с классиками и современниками в рассказе А. П. Чехова «Учитель словесности» / А. В. Кубасов // Русская литература. – 2025. – № 1. –С. 89–99.

8. Семенова, Н. В. Нарратологический анализ рассказа А. П. Чехова «Учитель словесности» / Н. В. Семенова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2023. – № 3 (78). – С. 182–188.

9. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Письма. В 12 томах. Том 2. / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1975. – 582 с.

10. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Письма. В 12 томах. Том 3. – Москва : Наука, 1975. – 622 с.

11. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Том 10. – Москва : Наука, 1977. – 528 с.

Червяков Данила Алексеевич
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Козубовская Галина Петровна,
доктор филологических наук, профессор

А.С. ПУШКИН В МЕДИАФОРМАТЕ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается один из мотивных комплексов романа, связанный с транспортными средствами, и предлагаются варианты его визуализации в рамках виртуальной реальности. Предложенные схемы – один из путей прочтения романа Пушкина как многомерного и объемного целого.
Ключевые слова: А. С. Пушкин, роман «Евгений Онегин», медиаформат, виртуальная реальность.

Chervyakov D. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article examines one of the novel's thematic motifs—that of transport—and proposes ways of visualising it within the context of virtual reality. The proposed approaches offer a way of interpreting Pushkin's novel as a multidimensional and comprehensive whole.
Keywords: A.S. Pushkin, the novel «Eugene Onegin», media format, virtual reality.

A. S. PUSHKIN IN MEDIA FORMAT: CONTENT AND FUNCTIONAL ASPECTS

Актуальность работы определяется востребованностью осмысления романа А. С. Пушкина «Евгения Онегин» как виртуального мира и возможностью использования медиаформ в культурном пространстве. Объект исследования – Пушкин в медиаформатах в современной культуре. Предмет исследования – медиаформы по роману Пушкина «Евгений Онегин». Цель – исследование возможных медиаформатов по роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Новизна заключается в формировании цифровой среды романа «Евгений Онегин», что позволит рассматривать роман как многомерное и объемное целое.

Феномен игры издавна привлекал внимание философов, социологов, психологов, этнографов, биологов, педагогов, культурологов. Платон говорил об игривом космосе, И. Кант – об эстетичности «состоянии игры». Й. Хейзинга сформулировал игровую концепцию культуры. Начало разработки общей теории игры связано с работами Ф. Шиллера и Г. Спенсера. Игра в центре внимания Ф. Ницше, Э. Берна [13]. Феномен игры в культуре – предмет изучения культурологов, игра изучается в теории управления и в др. науках, в том числе и в образовании (появился термин – игропедагогика [14]).

Следует отметить, «Пушкинский текст в медиасреде» – учебно-методическое пособие, содержащее методические рекомендации по интеграции цифровых технологий,

мультимедийных материалов и интернет-ресурсов в процесс изучения произведений поэта. В пособие включены планы уроков с использованием медиаресурсов, задания для творческого осмысления произведений и ссылки на онлайн-ресурсы, посвящённые жизни и творчеству Пушкина.

Традиционно в медиаресурсах большей частью интерес вызывают *биографический* пласт (пушкинская биография), *исполнительский* (представлены варианты исполнения пушкинской лирики с использованием видеоряда и в сопровождении музыки и т.д.).

Медиаресурсы базируются на игровых принципах. Логично использовать игровые принципы в медиаресурах по роману «Евгений Онегин». Как указывает Г. П. Козубовская, «Игра для Пушкина – промежуточное звено между творчеством и жизнью: о склонности Пушкина к розыгрышу писали его современники; это же качество обнаруживают письма поэта, в которых адресованное слово в своей диалогичности реализует авторскую артистичность; литературные мистификации Пушкина в прозе и критике – проявление того же артистизма» [4, с. 64]. Игровая поэтика Пушкина выражается на разных уровнях структуры романа «Евгений Онегин».

Обратимся к блоку «Транспортные средства в романе», не столь часто привлекавшему внимание исследователей.

Средства передвижения в романе входят в большой мотивный комплекс дороги, который в свою очередь формируется вокруг оппозиции живое/мертвое.

Предложенный нами многоуровневый комментарий охватывает следующие уровни осмысления романа.

1. Расшифровка упоминаемых понятий, связанных с обозначением средств передвижения.
2. Толкование «конных» эпизодов.
3. Анализ игровой поэтики Пушкина, учитывающий растущий смысл символики.

Транспортные средства Онегина, указанные в городских/столичных и деревенских главах, отличаются друг от друга. Ю. М. Лотман в своем комментарии почти не останавливается на некоторых понятиях из области быта, отбирая лишь те, которые «работают» на концепцию романа [6]. В реконструкции смыслов могут быть использованы другие источники, в том числе, Ю. Федосюк [15], В. Набоков [8] и др. Так, строчки «Летя в пыли *на почтовых*…» [11, с. 9], «Евгений тотчас на свиданье / Стремглав *по почте* поскакал» [11. с. 31] получают объяснение у Ю. Федосюка [15], дающего и историю транспорта, и этимологию, а Словарь Михельсона еще и присовокупляет цитату из ранней поэзии [7], что это был самый быстрый способ передвижения, вызванный, на наш взгляд, обстоятельствами. Заметим, что «летящий ритм» обычен в онегинской жизни, что задано эпиграфом (см.: «…куда стремглав в ямской карете / уж мой Онегин поскакал» [11, с. 21]).

Неоднозначный смысл «дрожек» обозначает разнообразные перспективы онегинского бытия. С одной стороны, дрожки, уносящие столичных красавиц с ночного бала (И вы, красотки молодые, / Которых позднею порой / Уносят *дрожки у*далые По петербургской мостовой» [11, с. 27], Все было тихо; лишь ночные/ Перекликались часовые,/ Да *дрожек* отдаленный стук/ С Мильонной раздавался вдруг» [11, с. 30]. Дрожки также получают подробное объяснение у Федосюка [15]. На наш взгляд, дрожки вызывают в памяти архетипические сюжеты похищения, отсылая к «книжному», «балладному», «сказочному», включаясь в романтическое видение Автора и Онегина, погруженных в столичную жизнь. С другой стороны, «домашни дроги», упоминаемые в деревенской жизни Онегина (гл. 2), обретают негативный смысл знака нежелательного общения (в обоих случаях «срабатывает» акустический эффект), что сопровождает бегство Онегина с заднего крыльца: «Обыкновенно подавали / Ему донского жеребца – с заднего крыльца…» [11, с. 38]. Оригинальна трактовка А. Польского: «Это чтоб никто не мог догнать и предложить дочку в невесты…» [10]. При этом есть оговорка: «Ездить на донской лошади, особенно на жеребце, мог только смелый и опытный, уверенно держащийся в седле всадник». Неожиданно и образ большой дороги обретает «ироничный» смысл: Онегин, ускользающий от гостей, прибывших с большой дороги, сам в сне Татьяны окажется

разбойником с большой дороги.

Переклички персонажей – Онегина и Ленского – прослеживаются в связи с транспортными средствами. Так, появление Ленского в деревне подано с легка заметной иронией («… помещик новый *прискакал*» [11, с. 38]) как контраст традиционному романтическому сюжетному ходу. Дружба Онегина с Ленским получает выражение в совместном времяпровождении на природе («съезжались каждый день *верхом*» [11, с. 42]), причем, если для Онегина верховая езда – знак полного освобождения от груза прежней столичной жизни, чему он отдается сполна, то для Ленского, вернувшегося в родные пенаты, это и возвращение в детство, и ожидание скорого решения своей участи (…чрез две недели / назначен был счастливый срок…» [11, с. 97]). Поездка друзей к Лариным для знакомства (пушкинская лакуна в самом эпизоде оформлена графическим эквивалентом) обрамлена быстрой ездой: «*Поскакали* други, / Явились» [11, с. 56]; «Они дорогой самой краткой / Домой *летят во весь опор»* [11. с. 56]), завершившейся ссорой молодых людей. И столь же быстрой ездой отмечено решение Ленского вызвать Онегина на дуэль, в котором и порывистость молодости, и незнание жизни, и книжность, и взрывчатость...

Зеркальны «начала» и «концы» дуэли. Онегин, проспавший назначенное время, мчится, опаздывая, на «санках беговых» [11, с. 129], а с дуэли «на санях» увозят труп Ленского (обыгран балладный мотив мертвого жениха). На мотив мертвого жениха указал сам Пушкин в 8-ой главе: «Как часто, по скалам Кавказа, / Она (Муза – А.Ч.) Ленорой, при луне, / Со мной *скакала* на коне!» [11, с. 166]. В целом в сюжете Ленского «мерцают» мотивы поэзии В. А. Жуковского: прибывший в родные пенаты Ленский посещает «сельское кладбище», отдав дань памяти Ларину, а в 6-ой главе упоминается памятник уже на могиле «младого поэта», безвременно погибшего. Мотив селянина, со вздохом идущего мимо кладбища, обыгран у Пушкина с замещением персонажа: «И горожанка молодая, / В деревне лето провождая, / Когда *стремглав верхом* она / Несется по полям одна, / Коня пред ним остановляет, / Ремянный повод натянув, / И, флер от шляпы отвернув, / Глазами беглыми читает / Простую надпись – и слеза / Туманит нежные глаза» [11, с. 136–137]. Важен момент остановленного коня перед могилой и слезы горожанки. Барский считает, что образ горожанки «переходный» и композиционный узел, один из структурообразующих факторов романа, отмечающий переход от деревни к городу и сюжетный сдвиг [1].

О любви Пушкина к коням неоднократно писали, об этом говорят многочисленные рисунки поэта [3]. У Гончаровых был конный завод. В предсказании гадалки судьбы Пушкина и его смерти фигурирует белый человек на белой лошади.

С конем связаны метафорические смыслы в романе.

Реальный план		Символический		
Конь	→	Бразды	→	борозда
↘	↘	↘		Узда
Всадник	Упряжка			

Кони упоминаются в «Отрывках из путешествия Онегина», где описано одесское наводнение: «И в *дрожках* вол, рога склоня, / Сменяет хилого *коня*» [11, с. 205], и в зимних зарисовках 5-ой главы («Бразды пушистые взрывая, / Летит *кибитка* удалая …» [11, с. 99–100]. Разные по тональности зарисовки скреплены метафорой во 2-ой главе, где мотив дороги обретает смысл «дороги жизни»: «Увы! на *жизненных браздах* / Мгновенной жатвой поколенья, / По тайной воле провиденья, / Восходят, зреют и падут; / Другие им вослед идут…» [11, с. 53]. Слово «бразда» происходит от старославянского языка и в своей первоначальной интерпретации обозначало линию, проведенную по земле (борозда). Другое значение слова «бразда»/ «борозда» – «узда», «поводок», часть упряжи, то надевается на голову лошади. Назначение ее – управление животным при езде. Отсюда следует значение фразеологизма «взять бразды правления в свои руки», которое следует понимать уже в переносном значении – не по отношению к лошади, а в более широком смысле. Это значит управлять чем-то или кем-то, подчинить своей воле, быть единоличным полновластным хозяином в каком-то процессе [2].

Зимний ракурс деревенской жизни («Зима!.. Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь» [11, с. 99]), где в соприкосновении живого и мертвого возникает либо

замедление («его лошадка, почуя, / Плетется рысью как-нибудь» [11, с. 99]), либо ускорение («Бразды пушистые взрывая, / Летит *кибитка* удалая*; /* Ямщик сидит на облучке / В тулупе, в красном кушаке» [11, с. 99–100]), помимо праздничной ипостаси, имеет и тревожную. Так, мерцает балладный ужас: «С своей волчихою голодной / Выходит на дорогу волк; / Его почуя, *конь дорожный* / Храпит – и путник осторожный / Несется в гору во весь дух» [11, с. 93]), «…*Скакать верхом* в степи суровой? Но *конь*, притупленной подковой / Неверный зацепляя лед, Того и жди, что упадет» [11, с. 94]. Контраст передвижения – крестьянской лошади (плетется) и дворянской кибитки (летит) – снят единым настроением зимнего праздника. Кроме того, две картинки сопряжены еще одной, третьей, в которой зимняя игра ребенка перерастает в метафору (мальчик-конь) – в общей динамике пришедшей зимы: «Вот бегает дворовый мальчик, В салазки жучку посадив*, Себя в коня преобразив»* [11. с. 100]. Скопление мотивов мертвого – в мерцании мотива мертвого жениха.

Заметим еще одну перекличку персонажей в 8-й главе, где Онегин, мчащийся в санях к Татьяне, «идет на мертвеца похожий» [с. 185].

Возможные варианты оформления материала:

А) лонгриды обычные по схеме: картинка + текст,

Б) с выплывающим текстом, в котором собраны разные точки зрения,

В) анимация – ожившая картинка с уносящимися дрожками и всплывающими сюжетами похищения,

Г) анимация – картинка с метаморфозой мальчика в изящно бегущего коня и т.д.

Многоуровневый комментарий обращен к поиску медиаформ, воссоздающих механизмы порождения смыслов; такие медиаформы открывают безграничные возможности визуализации концептуальных идей.

Список источников

1. Барский, О. В. Композиционная функция образа «молодой горожанки» в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина / О. В. Барский // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 1(19). – С. 51–56.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 1: А–З / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1978. – 699 с.

3. Егорова, Е. Н. «Следы невиданных зверей...»: мир фауны в жизни и творчестве А. С. Пушкина / Е. Н. Егорова. – Москва : Литературное объединение «Угреша» имени Ярослава Смелякова Московской областной организации Союза писателей России, 2020. – 359 с.

4. Козубовская, Г. П. Русская литература : миф и мифопоэтика / Г. П. Козубовская. – Барнаул : Издательство БГПУ, 2006. – 324 с.

5. Кремлев, А. Г. Основные понятия теории игр / А. Г. Кремлев. – Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2016. – 144 с.

6. Лотман, Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. – Ленинград : Просвещение, 1983. – 416 с.

7. Михельсон, А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона : создан на основе 3-х томного издания. – Москва : Си ЭТС : Бука, 2008. – 1 электрон.опт. диск (CD-ROM).

8. Набоков, В. В. Комментарий к роману «Евгений Онегин» / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ : Набоковский фонд, 1998. – 924 с.

9. Пендина, П. Как изобрели санки и почему они стали традиционной зимней забавой? / П. Пендина. – URL: https://www.culture.ru/s/vopros/sani/ (дата обращения: 15.04.2026).

10. Польский, А. Пушкин и донской жеребец / А. Польский. – URL: https://proza.ru/2024/11/07/954 (дата обращения: 15.04.2026).

11. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Том 5 / А. С. Пушкин. – Москва : Издательство АН СССР, 1957. – 638 с.

12. Пушкинский текст в медиасреде. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. – 94 с.
13. Рекшинская, А. Я. Феномен игры в культуре: от классики до постмодерна / А. Я. Рекшинская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – С. 134–144.
14. Ушатикова, И. И. Игропедагогика / И. И. Ушатикова. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2019. – 144 с.
15. Федосюк, Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. –Москва : Флинта : Наука, 2000. – 263 с.

Чжу Илинь
Ланьчжоуский университет
КНР, г. Ланьчжоу
Научный руководитель: Маркина Полина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент

САКРАЛЬНАЯ СВЯЗЬ С ЗЕМЛЁЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ КРЕСТЬЯН В РОМАНАХ «ОБЫКНОВЕННЫЙ МИР» И «ТИХИЙ ДОН»

Аннотация. В статье на основе сравнительно-исторического метода анализируются образы крестьян в романах «Обыкновенный мир» Лу Яо и «Тихий Дон» М. Шолохова. Выявляется сакральный характер связи с землёй, общие черты (трудолюбие, стойкость) и различия судеб героев, обусловленные эволюционными реформами в Китае и революционной ломкой в России.
Ключевые слова: крестьянство, сакральная связь с землёй, сравнительный анализ, «Обыкновенный мир», «Тихий Дон», Лу Яо, М. А. Шолохов.

Zhu Yilin
Lanzhou University, China, Lanzhou

Abstract. The article analyzes the images of peasants in the novels «The Ordinary World» by Lu Yao and «The Quiet Don» by Mikhail Sholokhov using the comparative-historical method. It reveals the sacred nature of the connection with the land, the common features (hard work, resilience), and the differences in the fates of the characters, which are caused by the evolutionary reforms in China and the revolutionary upheaval in Russia.
Keywords: peasantry, sacred connection with the earth, comparative analysis, «The Ordinary World», «The Quiet Don», Lu Yao, M. Sholokhov.

SACRED CONNECTION WITH THE EARTH: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGES OF PEASANTS IN THE NOVELS "ORDINARY WORLD" AND "QUIET DON"

В мировой литературе крестьянство традиционно выступает носителем глубинной связи с землёй. Эта связь приобретает сакральный характер, определяя не только хозяйственный уклад, но и систему ценностей, идентичность и судьбу человека. В данном исследовании на материале романа Лу Яо «Обыкновенный мир» и эпопеи М. Шолохова «Тихий Дон» проводится сравнительный анализ образов крестьян. Оба произведения, созданные в разных национальных и исторических контекстах, изображают переломные эпохи: китайские реформы 1970–80-х годов и революционные потрясения в России начала XX века. Цель работы – выявить, как «священная нить» с землёй формирует характеры героев, их стойкость, метания и трагедии. Используется сравнительно-исторический метод литературоведения.

1.Сакральная связь с землёй в образах крестьян.

В обоих романах земля предстаёт не просто как средство производства, а как духовная основа бытия. В «Обыкновенном мире» Сунь Шаоань, старший брат, воспринимает землю как родовую святыню. Он остаётся в родной деревне Шуаншуй, пытаясь через кирпичный завод модернизировать традиционный уклад, но никогда не разрывает пуповину с полями. Даже его отказ от любви к Тянь Жунье продиктован семейным долгом – этикой, укоренённой в аграрной цивилизации. Сунь Шаопин, напротив, уходит в город, но земля остаётся его нравственным компасом: шахта и стройка – лишь иные формы «земного» труда.

В «Тихом Доне» связь с землёй обретает трагическую окраску. Григорий Мелехов, казак по крови, не мыслит себя без донского чернозёма. «От земли я никуда не тронусь», – говорит он. Однако революция и гражданская война превращают эту связь в проклятие: герой мечется между красными и белыми, теряет дом, семью и в финале возвращается к родному порогу, держа под мышкой мёртвого сына. Его отец, Пантелей Прокофьевич, – архаичный хранитель казачьих традиций, для которого земля есть синоним чести и независимости. Таким образом, в обоих произведениях земля выступает сакральным центром, но в китайском романе она оставляет надежду на возрождение, а в русском – становится свидетельством невосполнимой утраты.

2. Общие черты: земля как источник труда, стойкости и традиции.

Несмотря на культурные различия, крестьяне у Лу Яо и Шолохова демонстрируют поразительное сходство. Прежде всего, это феноменальное трудолюбие. Сунь Шаоань с тринадцати лет работает наравне со взрослыми; после разорения завода он не ломается, а поднимает производство заново. Григорий Мелехов, пройдя через фронты, снова берётся за плуг, словно пахота может исцелить его душу. Труд на земле воспринимается как священнодействие, а не только как способ выживания.

Вторая общая черта – стойкость перед историческими бурями. Китайские крестьяне эпохи реформ, как и донские казаки в годы войн, проявляют колоссальную выносливость. Они не бегут от катастроф, а пытаются вписаться в новый порядок, сохраняя достоинство.

Наконец, традиция: в обеих культурах земля кодирует систему родственных и общинных связей. У Лу Яо это конфуцианский долг перед предками и семьёй; у Шолохова – казачий круг, подчинение старшим и воинская доблесть. И Сунь Шаоань, и Пантелей Мелехов выступают хранителями этого уклада, хотя первый находит пути его обновления, а второй гибнет вместе с ним. Общее здесь – сакральное отношение к земле как к материнскому лону, дающему силу и смысл жизни.

3. Различия судеб крестьян: земля между реформами и революцией.

Ключевое различие в судьбах крестьян обусловлено характером социальных изменений. В китайском романе «Обыкновенный мир» реформы 1980-х годов носят постепенный, эволюционный характер. Земля не отторгается, а становится пространством возможностей. Сунь Шаоань, оставаясь на родной земле, строит кирпичный завод – его сакральная связь с полями не разрывается, а трансформируется в хозяйственную инициативу. Он не только сохраняет себя как крестьянина, но и поднимает благосостояние деревни. Сунь Шаопин, уходя в город, тоже не теряет духовной пуповины с землёй: шахта и стройка воспринимаются им как иные формы «земного» труда. В финале он возвращается к истокам, подтверждая, что даже в урбанизации крестьянская идентичность может обрести новый, но не разорванный узел с родной почвой.

Совсем иная картина в «Тихом Доне». Революция и Гражданская война в России носят взрывной, тотально разрушительный характер. Традиционный уклад донского казачества, веками державшийся на священной связи с чернозёмом, уничтожается. Григорий Мелехов не может «встроиться» ни в красный, ни в белый лагерь. Он теряет многое. Его отец Пантелей Прокофьевич, архаичный хранитель казачьей чести, гибнет вместе со старым миром. Земля здесь перестаёт быть защитой и источником жизни – она становится полем брани и кладбищем. Если в «Обыкновенном мире» сакральная связь с землёй в конечном счёте укрепляется и даже открывает путь к возрождению, то в «Тихом Доне» она разрывается с

невыносимой болью, предопределяя трагическую участь крестьянства. Таким образом, именно тип социальных преобразований – постепенные реформы против революционной ломки – напрямую определяет, сможет ли крестьянин сохранить свою земную идентичность или будет обречён на её потерю.

Различие усиливается и литературными приёмами: Лу Яо использует психологический реализм с бытовой детализацией, а Шолохов – эпическую панораму, где судьба героя неразрывно сплетена с историческим катаклизмом.

Проведённый анализ показывает, что в романах «Обыкновенный мир» и «Тихий Дон» земля выступает сакральной связующей нитью, определяющей ценностный мир крестьян. Общими для китайского и русского авторов являются изображение трудолюбия, стойкости и традиционализма героев. Различия же коренятся в степени и характере социальных трансформаций: постепенные реформы в Китае позволяют сохранить и даже укрепить узы с землёй, тогда как российская революционная ломка ведёт к трагическому разрыву.

Оба произведения остаются актуальными как глубокие художественные исследования того, как человек переживает потерю или обретение своей «земной» идентичности. Материал работы может быть использован в преподавании национальной литературы инофонам (например [2]). Проведённое исследование не только подтверждает значимость сравнительного литературоведения для понимания национальных особенностей модернизации сельского хозяйства, предоставляя читателям ценное литературное отражение жизненного уклада и духовного мира крестьян в конкретный исторический период, но и вносит полезный вклад в развитие межкультурных литературных исследований.

Список источников

1. Гелисханова, З. Т. Тема казачества в романе «Тихий Дон» / З. Т. Гелисханова, А. А. Хадзиева // Вестник науки. – 2018. – Т. 2, № 9 (9). – С. 25–28.

2. Маркина, П. В. Использование страноведческой информации при развитии проекта коммуникативной компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному в иноязычной среде обучения / П. В. Маркина, С. В. Филиппов // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4(83). – С. 51–53.

3. Муравьева, Н. М. Образ Григория Мелехова в системе символов романа-эпопеи М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Н. М. Муравьева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 4. – С. 124–129.

4. Пасютина, Ю. Н. Григорий и Петро Мелеховы: трагедия братьев-казаков (М. А. Шолохов «Тихий Дон») / Ю. Н. Пасютина // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2011. – № 10. – С. 34–38.

5. Солдаткина, Я. В. Категория «национального характера» в творчестве М. А. Шолохова / Я. В. Солдаткина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7. – С. 198–201.

6. Шолохов, М. А. Собрание сочинений. В 8 томах. Том 1-4 / М. А. Шолохов. – Москва : Правда, 1980.

7. 李铮，杜晨雨. 《平凡的世界》中孙少平形象塑造[J]. 中原文学，2024，(30):6-8.

8. 路遥. 平凡的世界[M]. 北京：北京十月文艺出版社，2017.

9. 王玉，张宸，毕美琴. 乡土文学中的情感与文化传承——以《平凡的世界》为例[J]. 中原文学，2024，(30):9-11.

10. 尹传芳，满孝文. 孙少安的承袭与超越——评析路遥《平凡的世界》中人物的文化传承[J]. 科技视界，2017，(24):105-106.

11. 张红. 《平凡的世界》人物形象的特点与深层精神内涵[J]. 名作欣赏，2017，(14):139-140.

Дьяченко Богдан Юрьевич
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры».
филиал ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский
государственный строительный университет»
г. Макеевка, Россия (ДНР)

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙВ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЯХ

Аннотация. В представленной работе исследуется роль культурных факторов в управленческом процессе принятия решений в международных корпорациях. На основе анализа моделей Г. Хофстеде, Э. Холла и Ф. Тромпенаарса выявляются ключевые культурные измерения, влияющие на скорость, форму и содержание управленческих решений. Авторы приходят к выводу, что игнорирование культурных различий приводит к снижению эффективности межкультурной коммуникации, конфликтам в командах и провалу стратегических инициатив. Отдельное внимание уделяется практическим инструментам адаптации управленческих практик: культурному тренингу, формированию бикультурных команд и гибридным моделям принятия решений.
Ключевые слова: межкультурная коммуникация, принятие решений, культурные измерения, международный менеджмент, управленческие практики, организационная культура.

Dyachenko B. Y.
«Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture» –
a branch of «National Research Moscow State University of Civil Engineering»,
Makeyevka, Russia (Donetsk People's Republic)

Abstract. The presented study examines the role of cultural factors in the managerial decision-making process within international corporations. Based on the analysis of the models of G. Hofstede, E. Hall and F. Trompenaars, the authors identify key cultural dimensions influencing the speed, form and content of managerial decisions. The authors conclude that ignoring cultural differences leads to a decrease in the effectiveness of intercultural communication, conflicts in teams and the failure of strategic initiatives. Special attention is paid to practical tools for adapting managerial practices: cultural training, the formation of bicultural teams and hybrid decision-making models.
Keywords: intercultural communication, decision-making, cultural dimensions, international management, managerial practices, organizational culture.

THE INFLUENCE OF CULTURAL PECULIARITIES ON THE DECISION-MAKING PROCESSININTERNATIONALCOMPANIES

Процесс глобализации экономики, охвативший последние десятилетия, привел к беспрецедентному росту числа международных компаний и совместных предприятий. В массовом сознании менеджеров долгое время доминировала точка зрения, согласно которой универсальные управленческие технологии, эффективные в западных странах, могут быть без изменений перенесены в любую иную культурную среду. Однако практика показала, что решения, принимаемые в Лондоне или Нью–Йорке, нередко наталкиваются на непонимание, сопротивление или пассивный саботаж со стороны сотрудников в странах Азии, Ближнего Востока или Латинской Америки. Цель настоящей работы заключается в выявлении ключевых культурных параметров, которые оказывают наиболее существенное влияние на процесс принятия решений, а также в анализе способов адаптации управленческих практик к различным культурным контекстам. Реализация поставленной цели предполагает обращение

к классическим теориям межкультурной коммуникации, рассмотрение эмпирических исследований управленческих практик в различных регионах мира, а также анализ того, как культурные различия проявляются в конкретных бизнес-ситуациях. Материальную базу исследования составили труды отечественных специалистов в области кросс-культурного менеджмента, данные эмпирических исследований, кейсы международных компаний, а также материалы деловой периодики, отражающие современные вызовы межкультурного управления.

Формирование современного понимания роли культуры в управленческих процессах связано прежде всего с именем нидерландского исследователя Гирта Хофстеде, который в 1960–1970-х годах провел масштабное исследование ценностных ориентаций сотрудников IBM в более чем 70 странах. На основе полученных данных Хофстеде выделил четыре (а впоследствии шесть) культурных измерения, которые до сих пор остаются базовым инструментом кросс-культурного анализа. Как отмечает в своей фундаментальной работе «Культуры и организации» Г. Хофстеде, различия в таких параметрах, как дистанция власти, индивидуализм versus коллективизм, избегание неопределенности, маскулинность versus феминность, непосредственно предопределяют то, как в разных культурах принимаются управленческие решения. А. Наумов в статье «Хофстидово измерение России» показывает, что российская культура характеризуется высокими показателями дистанции власти и коллективизма, что существенно отличает ее от западных культур и требует особых подходов к управлению [7, с. 85]. Данное открытие – признание того, что рациональные на первый взгляд управленческие модели по-разному «считываются» в разных культурах – стало поворотным моментом в развитии международного менеджмента. Осознание культурной обусловленности принятия решений затягивалось десятилетиями и приобрело системный характер лишь в 1990–е годы, когда волна слияний и поглощений обнажила глубокие культурные конфликты.

Важным рубежом в осмыслении этой проблемы стали работы американского антрополога Эдварда Холла, который ввел в научный оборот понятия высококонтекстных и низкоконтекстных культур. Холл показал, что в культурах с высоким контекстом (Япония, Китай, арабские страны, страны Южной Европы) значительная часть информации передается невербально, через молчание, паузы, интонации и невысказанные ожидания. Напротив, в низкоконтекстных культурах (Германия, США, Скандинавия) коммуникация строится на прямых, эксплицитных формулировках. Процесс принятия решений в высококонтекстных культурах занимает значительно больше времени, поскольку решение никогда не является просто результатом формальной процедуры, а созревает в сети неформальных отношений. Вместе с тем не все исследователи принимали данную дихотомию как абсолютную: последующие работы показали, что внутри одной страны могут сосуществовать как высококонтекстные, так и низкоконтекстные коммуникативные практики в зависимости от отрасли и корпоративной культуры. Несмотря на это, именно модель Холла задала направление для понимания того, почему в одних культурах менеджеры требуют письменных отчетов и формальных презентаций, а в других полагаются на личные встречи и негласные договоренности.

Наиболее значимые различия в процессах принятия решений связаны с параметром «дистанция власти» по Хофстеде. В культурах с высокой дистанцией власти (Россия, Китай, Франция, страны Латинской Америки) решения принимаются исключительно на верхних уровнях иерархии и спускаются вниз в виде приказов. Подчиненные в таких культурах не ожидают, что их мнение будет учтено, и воспринимают иерархию как естественный порядок вещей. Напротив, в культурах с низкой дистанцией власти (Дания, Израиль, Швеция) процесс принятия решений носит коллегиальный характер, руководители советуются с подчиненными, а иерархия воспринимается как временное функциональное различие. В учебнике «Кросс-культурный менеджмент» С. П. Мясоедова и Л. Г. Борисовой подчеркивается, что попытка навязать в культуре с высокой дистанцией власти партисипативный стиль управления приводит к растерянности сотрудников, которые

воспринимают приглашение к участию как признак слабости руководителя [6, с. 134]. Обратная ситуация наблюдается при внедрении авторитарного стиля в культуре с низкой дистанцией власти: это вызывает демотивацию, текучку кадров и скрытое сопротивление.

Параметр «индивидуализм – коллективизм» оказывает столь же существенное влияние. В индивидуалистических культурах (США, Великобритания, Австралия) решения принимаются индивидом, который несет персональную ответственность за результат. Вознаграждение и продвижение по службе привязаны к личным достижениям. В коллективистских культурах (Китай, Япония, страны Юго-Восточной Азии, страны Латинской Америки) решения принимаются группой, причем важную роль играют консенсус и сохранение гармонии в коллективе. Ответственность также носит коллективный характер. В. И. Набоков в учебнике «Кросс-культурный менеджмент» отмечает, что в коллективистских культурах публичное несогласие с решением группы или попытка выделиться за счет индивидуальных достижений воспринимаются как угроза социальной гармонии и ведут к исключению из группы [8, с. 118]. Это создает серьезные проблемы для западных менеджеров, привыкших к индивидуальному целеполаганию и персональной системе KPI. В японских компаниях, например, решение может обсуждаться неделями (система нэмаваси), но после его принятия вся группа реализует его с максимальной эффективностью, тогда как в американской компании скорость принятия решения ценится выше, чем степень вовлеченности коллектива.

В культурах с низким избеганием неопределенности (Сингапур, Дания, Швеция, Великобритания) решения могут приниматься в условиях неполной информации, импровизация и гибкость приветствуются. Г. Хофстеде приводит показательный пример: в Греции менеджеры требуют детализированных бизнес-планов на три-пять лет вперед, тогда как в Сингапуре те же менеджеры предпочитают краткосрочное планирование и готовность к быстрой смене курса. Конфликт возникает тогда, когда западная компания требует от своих зарубежных партнеров быстроты принятия решений в условиях неопределенности, а те, напротив, требуют письменных гарантий и детальных регламентов. Для культур с высоким избеганием неопределенности характерна также значительная роль формальных протоколов и бюрократических процедур, что может восприниматься носителями культур с низким избеганием неопределенности как неэффективность и излишняя осторожность.

Параметр «долгосрочная – краткосрочная ориентация» (добавленный Хофстеде позднее) влияет на горизонт планирования при принятии решений. В культурах с долгосрочной ориентацией (Китай, Япония, Южная Корея) решения принимаются с учетом последствий на десятилетия вперед, а текущие убытки могут рассматриваться как инвестиции в будущее. В культурах с краткосрочной ориентацией (США, Великобритания, большинство европейских стран) решения оцениваются прежде всего по их влиянию на квартальную отчетность и годовые бонусы. Ф. Тромпенаарс показывает, что эта разница становится источником постоянных конфликтов в международных совместных предприятиях: западные партнеры требуют быстрой прибыли, тогда как азиатские настаивают на длительных инвестициях в отношения и рыночную инфраструктуру. Китайские компании, например, могут годами работать в убыток на новом рынке, чтобы вытеснить конкурентов, – стратегия, которая кажется западному менеджеру иррациональной, если не учитывать долгосрочную культурную установку.

К лингвистическим и коммуникативным факторам добавляются различия в отношении ко времени. Э. Холл ввел различение монохронных и полихронных культур. В монохронных культурах (Германия, Швейцария, США, Скандинавия) время воспринимается как линейный ресурс, который можно тратить, экономить или терять. Решения принимаются последовательно, пунктуальность обязательна, опоздания рассматриваются как неуважение. В полихронных культурах (страны Ближнего Востока, Латинской Америки, Южной Европы, Африки) несколько дел ведутся одновременно, опоздания не считаются серьезным нарушением, а решение может приниматься в процессе неформального общения, не привязанного к жестким временным рамкам. Как отмечает исследователь межкультурной коммуникации Б. В. Григорьев, для менеджера из монохронной культуры поведение

полихронного партнера выглядит как непрофессионализм и неуважение, в то время как для полихронного менеджера жесткая привязка решений к часам и минутам выглядит как излишняя ригидность и неспособность видеть общую картину [3, с. 156]. Это различие особенно ярко проявляется в переговорных процессах: американские переговорщики стремятся быстро перейти к сути и подписать контракт, тогда как арабские или мексиканские переговорщики могут тратить часы на установление личных отношений, прежде чем обсуждать деловые вопросы.

Причины культурных конфликтов в процессе принятия решений не сводятся исключительно к различиям в ценностных ориентациях, хотя они составляют их глубинную основу. Важную роль играют также различия в стилях мышления. В западной (аналитической) традиции решения принимаются путем декомпозиции проблемы на элементы, выделения причинно-следственных связей и выбора оптимального варианта. В восточной (холистической) традиции решение принимается с учетом контекста, взаимосвязи всех элементов системы и предпочтения отдается не оптимальному, а гармоничному решению, нарушающему сложившийся порядок в наименьшей степени. Н. И.

Гусева в статье «Аспекты кросс-культурных исследований в области менеджмента в России и Франции» показывает, что китайские менеджеры при решении одной и той же задачи учитывают значительно больше контекстуальных переменных, чем их американские коллеги, но принимают решение медленнее [4, с. 94]. Американцы, напротив, быстро выделяют ключевые факторы и предлагают решение, которое в китайском контексте может оказаться неработоспособным из-за игнорирования важных контекстуальных обстоятельств. Проекты по стандартизации управленческих процедур в международных компаниях, как правило, наталкиваются на эти различия в стилях мышления.

Отказ от учета культурных особенностей вызывает неоднозначную реакцию в принимающей культуре. Для многих сотрудников международных компаний, сформировавшихся в традиционных культурах, навязывание западных управленческих стандартов символизирует культурный колониализм, разрушение локальных практик. П. Н. Шихирев в работе «Введение в российскую деловую культуру» называет это явление «односторонней культурной адаптацией», при которой глобальная компания требует от локального персонала принятия корпоративных норм, но сама не делает шагов навстречу локальным особенностям [11, с. 78]. В среде российских менеджеров, например, долгое время сохранялось настороженное отношение к западным практикам управления, основанным на индивидуализме и низкой дистанции власти. Однако с управленческой точки зрения учет культурных особенностей является не просто этическим требованием, а условием экономической эффективности: исследования показывают, что компании, внедряющие культурно-адаптированные управленческие практики, значительно реже сталкиваются с провалами при выходе на новые рынки.

Процесс культурной адаптации принятия решений не завершается разовым обучением. После волны глобализации 1990–2000-х годов международные компании все чаще переходят от модели «этноцентризма» (навязывание материнской культуры) к модели «геоцентризма» (синтез лучших практик разных культур). Можно говорить о формировании гибридных управленческих моделей, в которых решения принимаются с учетом культурных особенностей каждого региона. В компании Unilever, например, решения о выведении нового продукта на рынок Индии принимаются не в Лондоне, а локальным менеджментом, который учитывает коллективистские установки и высокую дистанцию власти. В компании Toyota, напротив, принятие решений о качестве осуществляется на уровне производственной линии (система «андон»), что отражает низкую дистанцию власти в операционном управлении при сохранении высокой дистанции на стратегическом уровне. Успешные международные компании не выбирают между «западной» и «восточной» моделями, а создают собственные корпоративные культуры, вбирающие в себя элементы разных национальных традиций. Невозможность прямого переноса управленческих решений из одной культуры в другую сегодня уже не вызывает сомнений, однако до сих пор многие компании пытаются

экспортировать «успешные» практики без адаптации.

В современной практике международного менеджмента культурные особенности учитываются через систему кросс-культурного тренинга, формирование бикультурных команд и использование локальных менеджеров на ключевых позициях. Кросс-культурный тренинг позволяет менеджерам-экспатриантам осознать собственные культурные установки и научиться интерпретировать поведение коллег из других культур без навешивания негативных ярлыков. Бикультурные команды (в которых представлены носители разных культур) принимают решения более взвешенно, поскольку в процессе обсуждения разные точки зрения сталкиваются и взаимно корректируются.

Показательно, что в большинстве международных компаний, основанных в США, корпоративный язык (английский) и корпоративные ценности (индивидуализм, низкая дистанция власти, готовность к риску) остаются доминирующими, а учет локальных культурных особенностей ограничивается второстепенными вопросами. Однако это не мешает выполнению главной задачи – созданию единого корпоративного пространства, в котором культурные различия не отрицаются, но и не становятся непреодолимым барьером. Таким образом, культурные особенности трансформируются из фактора риска в фактор развития: компания, научившаяся принимать решения с учетом культурного многообразия, получает конкурентное преимущество.

Проведенное исследование позволяет заключить, что влияние культурных особенностей на процесс принятия решений в международных компаниях не является второстепенным или факультативным фактором. Этот процесс носит системный характер и определяется совокупностью параметров. Во-первых, это ценностные измерения Г. Хофстеде (дистанция власти, индивидуализм – коллективизм, избегание неопределенности, долгосрочная – краткосрочная ориентация), которые задают базовую логику распределения ответственности и отношения к риску. Во-вторых, это коммуникативные параметры Э. Холла (высокий и низкий контекст, монохронное и полихронное время), определяющие форму и скорость принятия решений. В-третьих, это стили мышления, влияющие на то, какие аргументы считаются убедительными, а какие – второстепенными. Культурные различия, таким образом, представляют собой не просто «помехи» в управленческом процессе, а объективную реальность, игнорирование которой ведет к снижению эффективности. Учет культурных особенностей – это не дань политкорректности, а необходимое условие успешной работы международной компании. Компании, которые выстраивают процесс принятия решений как гибридную модель, синтезирующую лучшие практики разных культур, получают возможность использовать культурное разнообразие как источник инноваций. Сегодня культурная компетентность становится обязательным требованием к топ-менеджерам международных компаний – не как дополнительный «мягкий навык», а как ключевая управленческая компетенция. Изучение влияния культуры на принятие решений позволяет глубже понять сложную природу международного менеджмента, в котором экономические, психологические и культурные процессы переплетены в неразрывное единство.

Список источников

1. Григорьев, Б. В. Межкультурные коммуникации / Б. В. Григорьев, В. И. Чумакова. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2008. – 103 с.

2. Гусева, Н. И. Аспекты кросс-культурных исследований в области менеджмента в России и Франции / Н. И. Гусева // Известия Байкальского государственного университета. – 2004. – № 1 (38). – С. 91–98.

3. Миловзорова, М. Н. Управление межкультурными коммуникациями / М. Н. Миловзорова, Е. Н. Щёголев. – Санкт-Петербург : БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, 2021. – 57 с.

4. Мясоедов, С. П. Кросс-культурный менеджмент / С. П. Мясоедов, Л. Г. Борисова. – Москва : Юрайт, 2015. – 314 с.

5. Набоков, В. И. Кросс-культурный менеджмент / В. И. Набоков. – Москва : Дашков и К°, 2025. – 219 с.
6. Наумов, А. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) / А. Наумов // Менеджмент. – 1996. – № 3. – С. 70–103.
7. Симонова, Л. Кросс-культурные взаимодействия в международном предпринимательстве / Л. Симонова, Л. Стровский. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 189 с.
8. Шихирев, П. Н. Введение в российскую деловую культуру / П. Н. Шихирев. – Москва : Экономика, 2000. – 206 с.

Молокова Виктория Александровна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Маркин Владимир Васильевич,
кандидат философских наук, доцент

ГЕТЕРОПЕССИМИЗМ КАК СТРУКТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПОЗДНЕГО МОДЕРНА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу гетеропессимизма – коллективного разочарования в гетеросексуальных отношениях, термин для которого был предложен А. Сересиным в 2019 году [4]. Автор доказывает, что данный феномен не может быть объяснен через индивидуально-психологические особенности, а представляет собой структурный эффект позднего модерна. На основе синтеза теорий Э. Гидденса [1], Е. Иллуз [2] и концепции асинхронных гендерных изменений в статье показано, что гетеропессимизм возникает на пересечении рыночной колонизации интимности, цифрового пузыря негативных и идеализированных кейсов, а также незавершенного гендерного перехода.
Ключевые слова: гетеропессимизм, романтический консьюмеризм, поздний модерн, асинхронные гендерные изменения, визуальная социология.

Molokova V. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article provides a sociological analysis of heteropessimism – a collective disappointment in heterosexual relationships, a term proposed by A. Seresin in 2019 [4]. The author argues that this phenomenon cannot be explained through individual psychological characteristics but represents a structural effect of late modernity. Based on a synthesis of the theories of A. Giddens [1], E. Illouz [2] and the concept of asynchronous gender change, the article shows that heteropessimism emerges at the intersection of market colonization of intimacy, the digital bubble of negative and idealized cases and unfinished gender transition.
Keywords: heteropessimism, romantic consumerism, late modernity, asynchronous gender change, visual sociology.

HETEROPESSIMISM AS A STRUCTURAL PHENOMENON OF LATE MODERNITY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Актуальность исследования обусловлена тем, что в публичном дискурсе и массовой психологии гетеропессимизм – состояние разочарования, фрустрации и отчаяния по поводу гетеросексуальных отношений – преимущественно интерпретируется через личностные черты и травмы привязанности. Цель данной статьи – предложить альтернативную, социологическую объяснительную модель. Объектом исследования выступают гетеросексуальные интимные отношения в позднем модерне, предметом – социальные и

дискурсивные механизмы, порождающие гетеропессимизм. Научная новизна заключается в интеграции трех теоретических традиций для демонстрации того, что гетеропессимизм представляет собой структурный эффект, а не совокупность индивидуальных неудач.

Теоретическую рамку исследования образуют три социологические традиции. Первая – теория «чистых отношений» Э. Гидденса, согласно которой переход от брака как экономической сделки к союзу, держащемуся исключительно на эмоциональной удовлетворенности, повышает уязвимость индивида: любое разочарование ставит под вопрос сам смысл связи [1]. Вторая – концепция романтического консьюмеризма Е. Иллуз, демонстрирующая, как любовь в современном капитализме имитирует логику рынка (выбор, сравнение, боязнь убыточных инвестиций), что ведет к парадоксу: чем больше свободы выбора, тем выше тревога и разочарование [2]. Третья традиция связана с исследованиями визуальной социологии, которые показывают, как социальные сети и цифровые платформы формируют эпистемический пузырь, транслируя либо сценарии романтического совершенства, либо истории токсичных отношений, – пространство «обычного, несовершенного партнерства» почти полностью отсутствует в публичном дискурсе [3]. Гетеропессимизм в этом контексте выступает закономерным следствием указанных процессов.

Романтический консьюмеризм проявляется, в частности, в виральном формате «базовый минимум – роскошный максимум», широко распространившемся в женских онлайн-сообществах. Социологически значимо здесь не столько содержание требований, сколько сам процесс их стандартизации: социальные сети превращают диффузные критерии «хорошего партнера» в формализованный чек-лист – по аналогии с техническими требованиями к товару [3]. Экономически самостоятельная женщина при вступлении в неудачные отношения теряет гораздо больше (свободу, время, карьерные перспективы, психическое здоровье), чем ее экономически зависимая предшественница. С этой точки зрения «завышенные требования» представляют собой рациональную адаптацию к новым рискам. Однако в условиях, когда реальное поле предложения составляют мужчины, социализированные в более патриархатном режиме, эта адаптация наталкивается на дефицит соответствующих партнеров. Возникает систематический разрыв между ожиданиями и реальностью, который и порождает женский гетеропессимизм [4].

В контексте анализа трансформации интимности в позднем модерне принципиально важным становится вопрос о том, какие именно способности требуются современному человеку для выстраивания устойчивых отношений. Часто мы вынуждены сталкиваться со снижением толерантности к неидеальности, особенно в романтических отношениях. Как отмечает В. В. Маркин, наиболее актуальными способностями в XXI веке являются «способность универсально, нестандартно и гибко мыслить» и «способности к межкультурной компетентности», включающие не только знание языков, но и понимание «культуры, традиций, обычаев, этических и моральных норм» [3, с. 129–130]. Гетеропессимизм, с этой точки зрения, может быть понят как следствие дефицита именно этих способностей: отсутствие гибкости мышления превращает формализованные чек-листы требований к партнеру в непреодолимые барьеры, а недостаток межкультурной (в том числе межгендерной) компетентности блокирует возможность диалога с иными моделями поведения.

У мужчин сходное состояние формируется в экосистеме маносферы. Типичные нарративы включают тезисы: женщины гипергамны, брак представляет собой невыгодный контракт для мужчины, а феминизм разрушил «естественную» иерархию. Активное использование экономической терминологии («рыночная стоимость», «офёр») создает у мужчин устойчивое ощущение, что они не любят, а совершают транзакцию с заведомо обесценивающимся активом. Как отмечает А. Сересин, мужской гетеропессимизм – это отчаяние не от отсутствия женщин, а от невозможности романтической любви вне логики обмена [4].

Парадокс эмансипации заключается в следующем: повышение планки требований к партнеру, которое логически вытекает из возросшей социальной и экономической

самостоятельности женщин, парадоксальным образом воспроизводит патриархатные механизмы. Ответственность за счастье женщины по-прежнему перекладывается на мужчину – только теперь не в формате «он – кормилец», а в формате «он должен быть эмоционально интеллигентным, разделять быт и дарить подарки». Как показывают исследования визуальной социологии, социальные сети многократно усиливают этот эффект, транслируя два массива контента, которые работают в противоположных, но равно деструктивных направлениях: сценарии романтического совершенства и истории абьюзивных отношений [3]. В результате горизонт ожиданий смещается к двум полюсам – идеальной сказке или травматичному партнерству – а пространство обычной, терпимой совместной жизни исчезает из публичного дискурса.

Социетальные эффекты гетеропессимизма включают снижение рождаемости (отказ от отношений ведет к отсрочке деторождения), рост гендерной поляризации (женские сообщества артикулируют позицию «мужчины не нужны», мужские – «феминизм разрушил семью»), а также легитимацию эскапизма (виртуальные отношения, AI-компаньоны). Некоторые исследователи связывают рост мужского гетеропессимизма в маносфере с реакционной политической мобилизацией – мужчины, ощущающие себя «ресурсной базой», становятся аудиторией для популистских проектов, обещающих восстановить патриархальную семью [4].

Выводы исследования: гетеропессимизм не является индивидуальной психопатологией или модным неологизмом, а представляет собой структурное состояние позднего модерна, закономерно возникающее на пересечении рыночной колонизации интимности [2], цифрового пузыря негативных и идеализированных кейсов [3] и асинхронного гендерного перехода [1]. Он не может быть решен средствами индивидуальной психотерапии, поскольку его корни лежат в институциональном устройстве. Социологический анализ указывает на необходимость институциональных изменений: нормализации мужского эмоционального труда (включая уход за детьми и быт), системного эмоционального образования в школах, а также деколонизации романтического воображаемого – отказа от мифа о любви как чуде и признания партнерства совместной, часто рутинной проектной работой, где допустимы ошибки, усталость и переговоры.

Список источников

1. Гидденс, Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс ; пер. с англ. А. В. Малешевой. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 208 с.

2. Иллуз, Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / Е. Иллуз ; пер. с нем. С. В. Сидоровой. – Москва ; Берлин : Директмедиа Паблишинг, 2020. – 416 с.

3. Маркин, В. В. Способности человека XXI века / В. В. Маркин // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – Барнаул : АлтГПУ, 2020. – Вып. 2. – С. 126–129.

4. Рождественская, Е. Ю. Перспективы визуальной социологии / Е. Ю. Рождественская // Социологический журнал. – 2021. – № 4. – С. 70–83.

5. Seresin, A. On Heteropessimism / A. Seresin // The New Inquiry. – 2019. – 9 Oct. – URL: https://thenewinquiry.com/on-heteropessimism/ (датаобращения: 11.05.2026).

Осипова Елизавета Александровна
Алтайский государственный педагогический университет
Россия, г. Барнаул,
Научный руководитель: Скокова Динара Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент

АЛТАЙСКИЙ КОД В ТВОРЧЕСТВЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ А. А. ЮТЕЕВА И Е. Н. НУРИМАНОВА

Аннотация. На материале современного изобразительного искусства национальных художников Республики Алтай Аржана Ютеева и Ерболата Нуриманова рассмотрены способы репрезентации мифологических мотивов, традиционных костюмов, ритуальных элементов и природных образов в живописи, их интеграция в современные художественные техники и сохранение сакральной глубины культуры. Проанализированы триптихи и тематические серии художников, раскрывающие преемственность культурного наследия и роль визуальных образов в формировании этнокультурной идентичности. Работа демонстрирует, как современное искусство может быть инструментом популяризации и осмысления историко-культурных традиций Алтая.
Ключевые слова: медиапространство, современная живопись, этнокультурная идентичность, мифология Алтая, культурное наследие, визуальные символы, сакральная традиция.

Osipova E. A.
Altai Stage Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the «Altai code» in the modern visual arts of the national artists of the Altai Republic – Arzhan Yuteev and Yerbolat Nurimanov. The article examines the ways of representing mythological motifs, traditional costumes, ritual elements and natural images in painting, their integration into modern art techniques and the preservation of the sacred depth of culture. The triptychs and thematic series of artists are analyzed, revealing the continuity of cultural heritage and the role of visual images in the formation of ethno-cultural identity. The work demonstrates how modern art can be a tool for popularizing and understanding the historical and cultural traditions of Altai.
Keywords: Altai code, media space, modern painting, ethnocultural identity, Altai mythology, cultural heritage, visual symbols, sacred tradition.

ALTAI CODE IN THE WORKS OF NATIONAL ARTISTS A. A. YUTEEV AND E. N. NURIMANOV

Исследование посвящено изучению проявлений «алтайского кода» в современном изобразительном искусстве, представленном в творчестве национальных художников Аржана Ютеева и Ерболата Нуриманова. Актуальность исследования определяется необходимостью сохранения и популяризации культурного наследия коренных народов Республики Алтай через визуальные средства, с учетом растущего интереса современной аудитории к этнической идентичности и региональной самобытности. В условиях современного медиапространства живопись выступает не только средством эстетического восприятия, но и инструментом передачи сакральных и историко-культурных смыслов, что делает анализ «алтайского кода» особенно значимым для культурологии, этнографии и искусства.

Целью работы является системное рассмотрение способов репрезентации знаков и образов традиционной алтайской культуры в живописи, а также выявление методов интеграции архаичных символов в современную художественную практику.

Объектом исследования выступает творчество современных алтайских художников, в

частности Аржана Ютеева и Ерболата Нуриманова, а предметом – способы отображения в их картинах символов, мифологических мотивов и элементов этнокультурного наследия, включающих костюмы, прически, ритуальные элементы и природные образы.

Новизна исследования заключается в комплексной интерпретации алтайского кода как системы визуальных символов, которые одновременно отражают культурную идентичность и служат инструментом конструирования регионального образа. Подробно анализируются триптихи и тематические серии художников с точки зрения интеграции мифологических, исторических и этнокультурных элементов в современную живопись, выявляются методы сохранения сакральной глубины традиций при использовании современных художественных техник.

Выпускник Краснодарского художественного института, ученик профессора А. А. Покровского, Аржан Андреевич Ютеев относит свой стиль к мистическому реализму, который определяет как метод, «в котором магические элементы и образы и мифологии органично включаются в реалистичную, узнаваемую картину мира» [6]. Его вдохновляют наскальные рисунки, героический эпос и образы духов природы. Этот выбор не случаен: Ютеев не стремится к внешней стилизации, его цель – создание «глубоких вещей», живописи, которая могла бы «заставить зрителя замереть и преобразиться» в духовном плане.

По словам искусствоведа Владимира Чиркова, «Аржан из той категории людей, что в эпоху постмодернизма ищут скрепы в прошлом» [6]. И действительно на его полотнах мы наблюдаем присутствие ярких исторических мотивов, отражающих дух алтайского культурного наследия. Показательным примером может послужить картина Ютеева «Вечность» (рис.1).

Рис.1 – А. Ютеев «Вечность»

Так в сюжете картины лежит прощание молодого воина в тюркских доспехах с девушкой. Историю и традиции художник запечатлевает на языке костюмов героев. Так девушка облачена в традиционное алтайское одеяние – «чегедек». Причем чегедек здесь не просто национальный костюм. Он здесь выступает в качестве сложного элемента культуры, маркером взрослой замужней женщины, хранительницы рода. На картине он выглядит не как музейный экспонат, а как живая, носящаяся одежда, что подчеркивает связь времен.

Интересно отметить, как в сюжете картины реализуется алтайский миф. Художник намеренно обращается к модели отношений, описанной в алтайских мифах и легендах: «герой, спасающий родную землю, непременно вернется с победой, женится на своей возлюбленной, и они заживут долго и счастливо». Так в картине репрезентирован архетип традиционного алтайского эпоса.

Определенным смыслом обладает и прическа девушки. Девичьим прическам уделяется на Алтае особое внимание, так как они представляют не только декоративный элемент, но и,

как уже отмечалось, отражают социальный статус девушки. Так, девочкам до 12 лет заплетали столько косичек, сколько им было лет. Девушкам на выданье (невестам) делали особую прическу «сырмал». Это была сложная конструкция, состоявшая из множества кос (около 13), в которые вплетались специальные украшения. Девушка носила «сырмал» до замужества. После же, во время свадебного обряда, сырмал расплетали, и собирали волосы в две косы (ритуал кожого). Подобного же рода внушительные, высокие прически, какая изображена на картине, в далекой алтайской древности носили женщины знатных родов. Таким образом, посредством такого элемента, как прическа, художник вызывает у нас мощную ассоциацию с образом древней алтайской принцессы, какой является знаменитая Принцесса Укока. Ее прическа представляла собой сложный головной убор, сооруженный из шерсти, войлока и собственных волос. Сложный, высокий подъем не только отражал статус древней властительницы, но и имел глубинные, культурные смыслы: такие, например, как связь со знаменитым Байтерек – древом жизни, соединяющем все три мира, верхний, средний и нижний. Кроме того, такая конструкция была богато и искусно украшена. Сдержанность в плане украшений позволяет нам предположить, что девушка на картине Ютеева – собирательный образ алтайской женщины, мудрой, верной, почитаемой.

Картина исполнена акрилом и вписана в нестандартную рустикальную раму с включением высушенных травинок. Этот тактильный, природный элемент напрямую отсылает к культу природы, к Алтаю как к живому существу, органичной частью которого являются герои.

Таким образом, картина «Вечность» Аржана Ютеева это блестящий пример актуализации архаики в эпоху современности. В отличие от мистических ужасов, Ютеев показывает, что местный эпос жив. Алтайский воин сегодня выглядит так же, как его предок тысячу лет назад, потому что суть его подвига (защита семьи и земли) и суть верности его возлюбленной остались неизменны. Это и есть та самая «Вечность», вынесенная в название.

Аржан Ютеев в своем творчестве редко ограничивается лишь одним полотном. Определяя себя проводником посланий предков, он стремится воссоздать в современной манере эстетику и пафос традиционного алтайского эпоса. Потому его галерея богата цельными коллажами из диптихов, триптихов или грандиозных тематических проектов, по типу знаменитой серии «Тамга. Память рода».

Сюда же можно отнести и проект «Маадай-Кара». В галерее «Хан Алтай» у Национального музея имени А. В. Анохина 6 июня 2025 года происходило открытие выставки «Маадай-Кара. Возрождение легенды». Она была приурочена к 100-летию выдающегося алтайского сказителя Алексея Калкина и 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Экспозиция включает 26 картин и 10 экспонатов, посвященных героям великого эпоса: Маадай-Кара, Когудей-Мергену, Кара-Кула и другим.

В своих работах художник обращается к сюжетам из знаменитого алтайского эпоса «Маадай Кара» Алексея Григорьевича Калкина – каичи-сказителя. Маадай-Кара – один из крупнейших образцов устного народного творчества тюркских народов, и в то же время имя одного из героев. Это – зеркало души алтайского народа, отражающее его мудрость, традиции и вечную связь с миром предков. Аржан Ютеев, вплетая традиции в современное искусство, по-новому раскрывает эти образы, при этом сохраняя дух исконной традиции и ее заветы.

Сам эпос «Маадай-Кара» имеет классическую трехчастную композицию.

Часть первая – нападение антагониста, Кара-Кулы, пленение Маадай-Кара, чудесное рождение и спасение сына Когюдей-Мергена.

Часть вторая – взросление героя (Когюдей-Мергена), обретение коня, героическое сватовство, победа над Кара-Кулой.

Часть третья – схождение в преисподнюю, победа над Эрлик-Бием, освобождение народа, апофеоз (превращение героев в звезды).

Каждый из триптихов соответствует определенному сюжету каждой части эпоса. Таким образом, творчество Аржана Ютеева вмещает в себя наиболее полное и системное воплощение «алтайского кода» в современном изобразительном искусстве. Художник не

просто иллюстрирует мифологические сюжеты, но переводит архаичные смыслы на язык современной живописи, сохраняя их сакральную глубину.

В равной степени глубинно творчество Ерболата Нубараковича Нуриманова. В картинах он запечатлевает пейзажи в нерушимом единстве с национальным духовным наследием. В то время, как А. Ютеев акцентирует внимание на персонаже и его культурном содержании, Нуриманов делает полноправным героем своих полотен саму природу Алтая. Выбор такого сочетания, синтеза пейзажа и легенды, обусловлен особенностями биографии. Ерболат Нуриманов родился и вырос в селе Мухор-Тархата Кощ-Агачского района, и до поступления в художественное училище в Алма-Аты, проработал чабаном (пастухом) на знаменитом плато Укок. «Я верен пейзажу и теме кочевья – поскольку вырос я как кочевник,» – поясняет художник в интервью Горно-алтайской газете «Звезда Алтая».

Из-под кисти Нуриманова вышло не менее одной тысячи полотен. Часто художник дает общие названия тематическим сериям картин, например «Небесная страна» или «Алтай сокровенный». В открытых источниках названий отдельных картин не приводится. Потому следующей картине мы дадим условное название со ссылкой на Приложения.

Стоит обратиться к картине «Олень» (рис. 2). Она имеет вертикальную композицию с четким делением по горизонтали. В нижней части, чуть левее от центра, изображен алтайский марал с воздетой к небу головой. Здесь же происходит концентрация природных образов: воды, тумана, земли. В отдалении, на фоне величественных вершин, соответственно по левую и правую сторону, изображены две крупные, антропоморфные фигуры мужчины и женщины. Они и вся верхняя часть картины выполнены в бледных, голубых тонах, что подчеркивает их бесплотность и торжество бестелесного мира духов.

Рис. 2 – Е. Нуриманов «Олень», 2017 (холст, акрил)

Визуально картина делится на две части, каждая из которых проникает в другую за счет плавных переходов голубовато-бирюзовой гаммы. Этот элемент является композиционной доминантой. В верхней части картины при помощи этого цветового решения переданы туман, лед, облака – все атрибуты «воздушного», проницаемого мира потусторонних сил. В нижней же части из голубых, более плотных и глянцевых оттенков выполнена вода и горный камень. Теплые оттенки появляются только локально – в облаках, световых вспышках и отражениях. Поэтому картина воспринимается как пространство между мирами, где земное уже почти растворяется в небесном. Так художником оформляется живое, синергетическое единство между материальным миром и миром высших сил.

Но главное для нас то, что картина хорошо читается через традиционную для алтайской мифологии вертикальную, трехчастную модель вселенной. Ее мы описывали ранее. Вода,

темная линия берега, а также отражение могут трактоваться, как атрибуты т.н. нижнего мира, обиталища темного духа Эрлика Бия. Представителем среднего мира выступает олень: недаром его фигура расположена на границе двух сред. При этом животное, очевидно, взаимодействует одновременно с обеими, тем самым исполняя роль медиатора – существа, соединяющего земной и небесный уровни. Верхняя часть картины соответствует верхнему миру, зоне божественного или сверхчеловеческого.

Олень на Алтае трактуется и как земное воплощение главного божества, Хана-Алтая, так и его прямого посланника. Здесь более вероятен второй вариант. Олень на картине не бежит, не пасется, он как будто взывает к верхнему миру, подобный жест предполагает ответ. Так живое существо входит в контакт с миром духов. Потому здесь образ оленя можно трактовать по-разному: как душу-посредника, избранного (жертвенного) животного, посланника духов и т.п.

Две крупные фигуры в небе – наиболее сложный элемент картины, но притом и наиболее емкий в контексте изучения знаков алтайского кода. Параллельно с вертикальной (верхний и нижний мир) они формируют также и горизонтальную дуальность (мужское и женское) внутри духовного макрокосма. Атрибуты принадлежности к высшей власти (высокие головные уборы с изображениями сакральных животных: сокола – у мужчины и барана-аргали – у женщины) свидетельствуют о равном положении данных сущностей во вселенной. Таким образом, можно допустить, что левая, мужская фигура, олицетворяет собой верховное божество Алтая, творца мира, Хана Алтая, или Тенгри, тогда как правая, женская – главную женскую богиню Умай, покровительницу домашнего очага. Вместе эти божественные сущности конституируют саму жизнь и устанавливают строгий гендерный порядок во всех ее сферах. Лики божеств выражают спокойствие и сосредоточение. Равновесие – еще одна категория, наряду с вечностью, почитаемая на Алтае. Божества пребывают в гармонии, и в то же время неотступно ведут внутреннюю борьбу за его поддержание. За то народ Алтая воздает этим духом славу и поклоняется им.

Таким образом, творчество Аржана Ютеева и Ерболата Нуриманова демонстрирует органичное сочетание мифологических мотивов, традиционных костюмов, ритуальных элементов и природных образов с современными художественными техниками, сохраняя сакральную глубину алтайских традиций. Их живопись формирует этнокультурную идентичность, укрепляет связь поколений с духовным наследием и обеспечивает преемственность традиций, делая их понятными и значимыми для современного зрителя.

Список источников

1. Звезда Алтая**.** Небесная страна Ерболата Нуриманова. – URL: https://zvezdaaltaya.ru/2025/06/nebesnaya-strana-erbolata-nurimanova/ (дата обращения: 05.05.2026).

2. Калкин, А. Маадай-Кара / под ред. А. Адарова. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение книжного издательства, 1979. – 275 с.

3. Мифологический словарь алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2021. – 600 с.

4. Нуриманов, Э. Erbolata Nurimanov. – URL:https://nurimanov.tilda.ws/ (дата обращения: 05.05.2026).

5. Обрядность в традиционной культуре Алтая / А. А. Конунов, Е. Н. Кузьмина, Н. О. Тадышева [и др.]. – Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2019. – 704 с.

6. Ютеев, В. YuteevArt. – URL: https://yuteevart.ru/ (дата обращения: 05.05.2026).

Пилипенко Дмитрий Сергеевич
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Скопа Виталий Александрович,
доктор исторических наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ ВЛАСТИ В ПЕРЕПИСКЕ ИВАНА ГРОЗНОГО С АНДРЕЕМ КУРБСКИМ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье на материале переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским рассматривается трансформация ценностных оснований власти в русской культуре XVI века. В рамках культурфилософского подхода показано, что в полемике сталкиваются две модели легитимации власти: сакрально-традиционная, основанная на божественной санкции, и рационально-правовая, опирающаяся на идеи справедливости и договора. Выявлены ранние формы рационализации политического сознания, а также рождение индивидуальной критической позиции, что создало интеллектуальные предпосылки для последующего обмирщения русской культуры.
Ключевые слова: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, культурфилософский анализ, «правда», власть, сакральное, рациональное, обмирщение.

Pilipenko D. S.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article examines the transformation of the value foundations of power in 16th-century Russian culture using the correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky. Using a cultural-philosophical approach, it is shown that two models of power legitimation clash in the debate: the sacred-traditional, based on divine sanction, and the rational-legal, based on ideas of justice and contract. Early forms of rationalization of political consciousness are identified, as well as the emergence of an individual critical position, which created the intellectual preconditions for the subsequent «obmirshchenie» (encroachment of secular elements) of Russian culture.
Keywords: Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky, cultural-philosophical analysis, «pravda», power, sacred, rational, obmirshchenie.

THE TRANSFORMATION OF THE VALUE FOUNDATIONS OF POWER IN THE CORRESPONDENCE OF IVAN THE TERRIBLE WITH ANDREY KURBSKY: A CULTURAL-PHILOSOPHICAL ASPECT

Переписка Ивана Грозного с князем Андреем Курбским, начавшаяся в 1564 году после бегства последнего в Литву и продолжавшаяся до 1579 года, представляет собой уникальный памятник русской политической мысли. Впервые в истории отечественной культуры спор о природе верховной власти переводится из плоскости личных обвинений в плоскость теоретической полемики [2, с. 215]. В эпистолярном диалоге сталкиваются две принципиально различные модели легитимации власти: сакрально-традиционная, носителем которой выступает царь, и рационально-правовая, формулируемая Курбским. Анализ этого спора позволяет реконструировать глубинные сдвиги в ценностных основаниях власти и зафиксировать ранние проявления процесса обмирщения русской культуры [3, с. 15].

XVI столетие – время, когда Московское царство, став единственным независимым православным государством, выстраивает официальную идеологию на основе доктрины «Москва – Третий Рим». В рамках этой концепции власть московского государя осмысляется как священная миссия по сохранению истинной веры в преддверии конца света. Иван Грозный в своих посланиях сознательно актуализирует этот эсхатологический контекст, уподобляя

себя катехону – силе, сдерживающей приход Антихриста [5, с. 50]. В таком мировоззренческом контексте и разворачивается полемика, ставшая столкновением двух типов мышления о власти.

Цель работы – выявить и охарактеризовать трансформацию ценностных оснований власти на материале переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским, используя культурфилософский подход. Методологической основой исследования выступает культурфилософский анализ, который сочетает герменевтическую реконструкцию ключевых концептов эпохи – «правда», «гроза», «служба» – с аксиологической интерпретацией ценностных сдвигов. Такой подход даёт возможность не просто описать позиции сторон, но и понять внутреннюю логику каждой модели, а также её связь с более широкими процессами рационализации политического сознания.

Объектом исследования является переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, предметом – трансформация ценностных оснований власти, отражённая в этом споре. Новизна работы заключается в том, что впервые через призму культурфилософского анализа показано столкновение двух моделей легитимации власти и выявлено рождение индивидуальной критической позиции, ослаблявшей средневековый идеал соборности.

Обе стороны апеллируют к ключевой для русского средневекового сознания категории «правда», однако вкладывают в неё диаметрально противоположное содержание.

Для Ивана Грозного «правда» – это его собственная воля, освящённая божественной санкцией. Царь предстает не просто правителем, но силой, стоящей между вверенным ему народом и мировым хаосом. Его власть трактуется как прямое продолжение божественной воли на земле, а потому не знает никаких земных ограничений. Этот тезис получает законченное выражение в знаменитой формуле Первого послания Грозного Курбскому: «А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить» [4, с. 18]. Любое сопротивление царю объявляется не просто политической изменой, но богоборческим грехом. Таким образом, сакрально-эсхатологическая модель власти, развиваемая Грозным, полностью исключает какую-либо возможность рационального обсуждения её границ [5, с. 50].

Совершенно иначе выстраивает свою аргументацию Андрей Курбский. Не отрицая божественного происхождения царской власти, он настаивает на её ограниченности Божьим законом, исторической традицией и обязательным советом с аристократией – «синклитом». В его понимании «правда» – это не личная воля государя, а справедливость и законность. Править «по правде» означает соблюдать установленные правила, чтить обычаи предков и ставить общее благо выше собственного усмотрения [1, с. 120]. Князь последовательно отстаивает мысль, что государь должен быть не самовластным господином, а первым среди равных, несущим ответственность перед Богом и людьми. Такой взгляд превращает власть из божественной прерогативы в сферу морально-правовых обязательств, что принципиально расходится с моделью, отстаиваемой Грозным. Свою позицию Курбский подкрепляет конкретными историческими примерами и здравым смыслом [2, с. 215]. Он напоминает царю о благочестивых предках, правивших с советом, и прямо возлагает на него ответственность за гибель невинных воевод, предрекая за это Страшный суд. Истинная сила власти, по Курбскому, не в грозе и произволе, а в добровольной и мудрой службе государю, соблюдающему закон. Так он вводит в политический дискурс понятие личной ответственности властителя перед историей и моралью – то, что было немыслимо в рамках чисто сакральной модели.

С культурфилософской точки зрения в переписке происходит столкновение двух языков власти. Грозный говорит на языке сакрального: его власть не подлежит обсуждению, ибо её источник – воля Бога. Курбский же говорит на языке рационального: он требует, чтобы власть имела разумные, понятные основания и была ограничена законом и справедливостью. Сам факт возможности такого диалога является важнейшим симптомом: внутри традиционной религиозной картины мира начинает зарождаться новый тип мышления. Политическая мысль постепенно отделяется от сугубо богословского обоснования, появляются аргументы, апеллирующие к закону и общественной пользе. В этой полемике впервые в русской культуре

сталкиваются два противоположных воззрения на сущность государства: как на священное царство, управляемое личной волей помазанника, и как на власть, ограниченную законом, традицией и обязательным советом с аристократией [3, с. 15].

Не менее значимым следствием переписки стало рождение индивидуального голоса в публичной сфере. Курбский говорит не от имени абстрактного народа, а от своего собственного имени, как человек, ставший свидетелем и жертвой беззакония [1, с. 121]. Его «История о великом князе Московском» и послания проникнуты глубоко личным, исповедальным началом, что резко контрастирует с безличным тоном официальной московской книжности. Источником легитимности его критики становится не соборное мнение, а личный нравственный опыт и совесть [1, с. 121]. Это обстоятельство расшатывает средневековый идеал безличной соборности и знаменует появление нового субъекта – индивида, чьё самостоятельное суждение претендует на общественную значимость.

Проведённый анализ позволяет заключить, что переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским фиксирует важный рубеж в истории русской политической мысли. В этом споре впервые оформляются два альтернативных проекта легитимации власти: неограниченное самодержавие, опирающееся на сакральную санкцию и стоящее выше любого земного закона, и власть, ограниченная законом, традицией и обязательным советом с аристократией. Одновременно в полемике происходит автономизация политического дискурса от богословского обоснования: появляются рациональные аргументы, апеллирующие к закону и справедливости, и рождается индивидуальная критическая позиция, расшатывающая средневековый идеал безличной соборности [1, с. 121]. Позднее, в эпоху церковного раскола и петровских реформ, спор сакрального и мирского перешёл из теории в практику государственного строительства [3, с. 16]. Переписка Грозного и Курбского впервые обозначила этот конфликт, и с тех пор вопрос о границах власти остаётся одним из главных в русской общественной мысли.

Список источников

1. Ерусалимский, К. Ю. Этико-политическое учение князя Андрея Курбского / К. Ю. Ерусалимский // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 117–175.

2. Лурье, Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси / Я. С. Лурье // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Москва : Наука, 1993. – С. 214–249.

3. Панченко, А. М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. – Ленинград : Наука, 1984. – 205 с.

4. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подгот. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. – Москва : Наука, 1993. – 432 с.

5. Успенский, Б. А. Царь и патриарх : харизма власти в России (византийская модель и её русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 112 с.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а качество и уникальность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов и их научные руководители.

Пятый этаж :
материалы Международной научной конференции молодых учёных «День науки-2026»

Сборник выпускается по следующим тематическим направлениям:
– языкознание
– литературоведение
– культурология

Периодичность издания: 1 номер в год

Адрес редакции и издателя:
656031, Алтайский край, г. Барнаул, пер. Ядринцева,136; каб. 4

Адрес электронной почты научного центра института филологии и межкультурной коммуникации: nauka.ff@yandex.ru